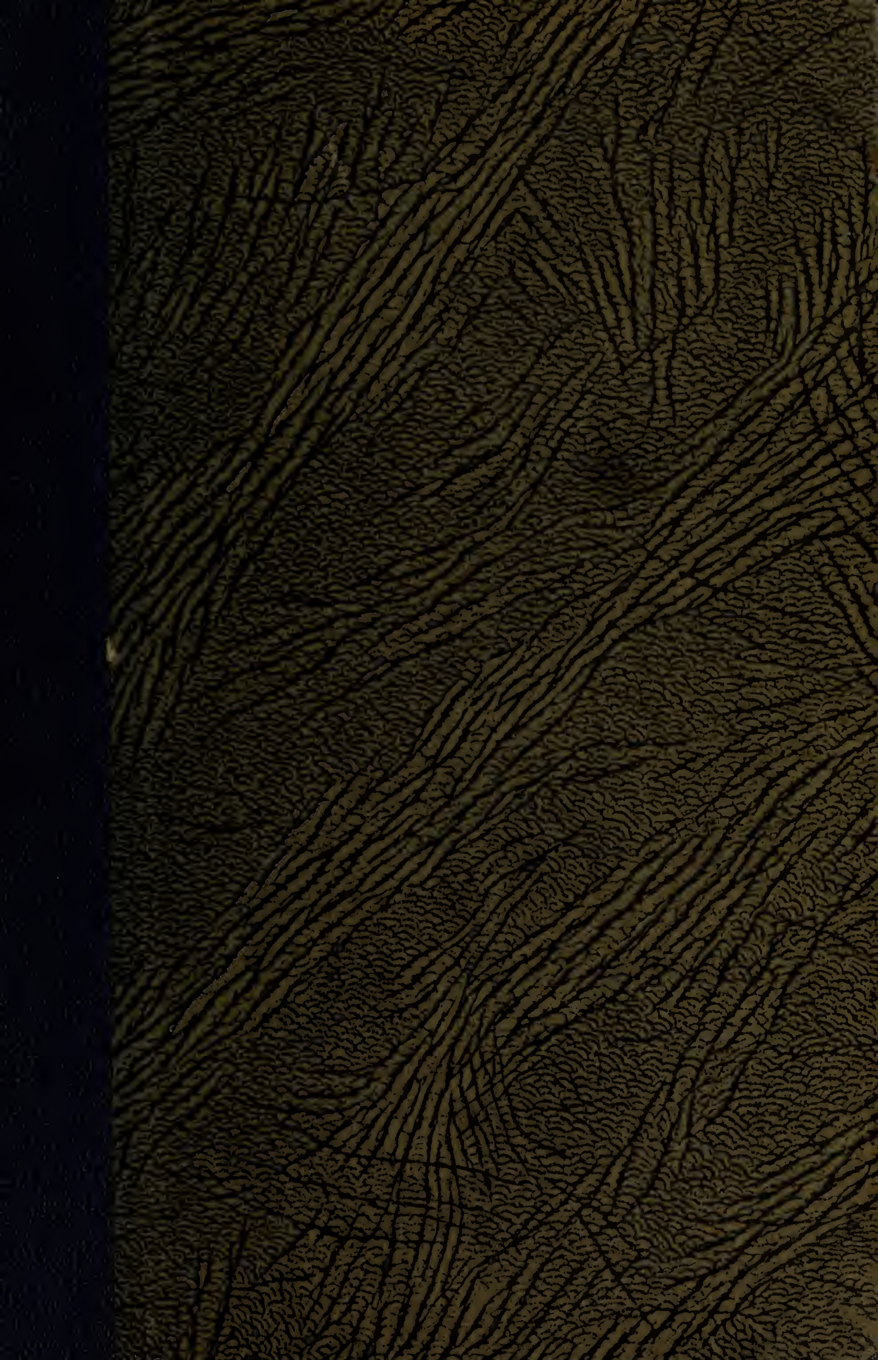
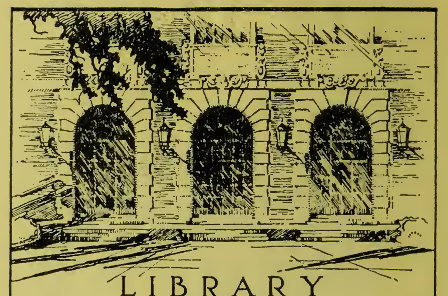
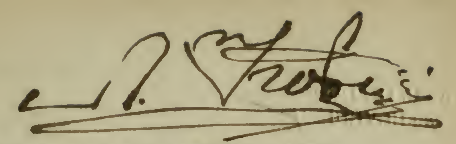

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ОХОТНИКА.

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ОХОТНИКА

О

РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ.

С. Аксакова.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ СТАТЬИ О СОЛОВЬЯХЪ.

И. С. Тургенева.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ НѢСКОЛЬКИМИ НОВЫМИ ЗАМѢТКАМИ.

МОСКВА.

Въ типографіи Л. Степановой.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Генваря 27 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Печатано съ изданія 1855 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Мои «Записки объ уженьѣ рыбы» и особенно «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» были такъ благосклонно приняты читающей публикой, что я рѣшился написать и напечатать все, что̀ знаю о другихъ охотахъ, которыми я нѣкогда съ горячностью занимался. Кромѣ удовлетворенія собственной потребности — есть что-то невыразимо-утѣшительное и обольстительное въ мысли, что передавая свои впечатлѣнія, возбуждаешь сочувствіе къ нимъ въ читателяхъ, преимущественно охотникахъ до какихъ-

нибудь охотъ. Вотъ причина, заставляющая меня писать: я признаюсь въ ней откровенно, а равно и въ желанiи, чтобы книжка моя имѣла такой же успѣхъ, какъ и прежнiя мои охотничьи записки.

С. А.

ВСТУПЛЕНІЕ.

—

Охота, охотникъ!... что̀ такое слышно въ звукахъ этихъ словъ? что̀ таится обаятельнаго въ ихъ смыслѣ, принятомъ, уважаемомъ въ цѣломъ народѣ, въ цѣломъ мірѣ, даже не охотниками?... «Ну, это ужъ его охота, ужъ онъ охотникъ», говорятъ, желая оправдать или объяснить — почему такъ неблагоразумно или такъ странно поступаетъ такой-то человѣкъ, въ такомъ-то случаѣ.... и объясненіе всѣмъ понятно, всѣхъ удовлетворяетъ! Какъ зарождается въ человѣкѣ любовь къ какой-нибудь охотѣ, по какимъ причинамъ,

на какомъ основаніи?... Ничего положительнаго сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитаніемъ, возбуждается примѣромъ окружающихъ; но мы часто видимъ, что сыновья, выросшіе въ домѣ отца-охотника, не имѣютъ никакихъ охотничьихъ склонностей, и что напротивъ дѣти людей ученыхъ, дѣловыхъ ex professo, никогда не слыхавшіе разговоровъ объ охотѣ,—дѣлаются съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ страстными охотниками И такъ, расположеніе къ охотѣ нѣкоторыхъ людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть ничто иное, какъ врожденная наклонность, безсознательное увлеченіе. Такая мысль всего убѣдительнѣе подтверждается, по моему мнѣнію, наблюденіями надъ деревенскими мальчиками. Сколько разъ случалось мнѣ замѣчать, что многіе изъ нихъ не пройдутъ мимо кошки или собаки, не толкнувъ ее ногой, не лукнувъ въ нее камнемъ или палкой, тогда-какъ другіе, напротивъ, защищаютъ бѣдное животное отъ обидъ товарищей, чувствуютъ безотчетную радость, лаская его, раздѣляя съ нимъ скудный обѣдъ или ужинъ: изъ этихъ мальчиковъ непремѣнно выйдутъ

охотники до какой-нибудь охоты. Одинъ, заслышавъ охотничій рогъ или лай гончихъ, вздрагиваетъ, измѣняется въ лицѣ, весь превращается въ слухъ, тогда-какъ другіе остаются равнодушны, — это будущій псовый охотникъ. Одинъ, услыхавъ близкій ружейный выстрѣлъ, бросается на него, какъ горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своихъ товарищей, — это будущій стрѣлокъ. Одинъ кладетъ приваду изъ мякины, ставитъ волосяные силья или настораживаетъ корыто и караулитъ воробьевъ, лежа гдѣ-нибудь за угломъ, босой, въ одной рубашенкѣ, дрожа отъ дождя и холода, — это будущій птицеловъ и звѣроловъ. Другихъ мальчиковъ не заставишь и за пряники это дѣлать. Чѣмъ объяснить такія противоположныя явленія, какъ не врожденнымъ влеченіемъ къ охотѣ?—Обративъ вниманіе на зрѣлый возрастъ крестьянъ, мы увидимъ тоже. Положимъ, что между людьми, живущими въ праздности и довольствѣ, ребячьи фантазіи и склонности, часто порождаемыя желаніемъ подражать большимъ людямъ, могутъ впослѣдствіи развиться, могутъ обратиться въ страсть къ охотѣ, въ года зрѣ-

лаго возраста; но мы найдемъ между крестьянами, и всего чаще между небогатыми, которымъ некогда фантазировать, некому подражать,—страстныхъ, безумныхъ охотниковъ: я знавалъ ихъ много на своемъ вѣку. Кто заставляетъ, въ осенніе дождь и слякоть, таскаться съ ружьемъ (иногда очень не молодаго человѣка), по лѣснымъ чащамъ и оврагамъ, чтобъ застрѣлить какого-нибудь побѣлѣвшаго зайца? Охота. Кто поднимаетъ съ теплаго ночлега этого хвораго старика и заставляетъ его на утренней зарѣ, въ туманѣ и сырости, сидѣть на мокромъ берегу рѣки, чтобъ поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляетъ этого молодаго человѣка, отлагая только на время неизбѣжную работу, или пользуясь полдневнымъ отдыхомъ, въ палящій жаръ, искусаннаго въ кровь лѣтнимъ оводомъ, таскающаго на себѣ застрѣленныхъ утокъ и всѣ охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, безъ сомнѣнія, одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Оттѣнки охотниковъ весьма разнообразны, какъ и сама природа человѣческая. Нѣкото-

рые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно къ одной охотѣ, любятъ однако, хотя не такъ горячо, и прочіе роды охотъ. Другіе охотники, переходя съ дѣтскихъ лѣтъ постепенно отъ одной охоты къ другой, предпочитаютъ всегда послѣднюю всѣмъ предъидущимъ; но совершенно оставляя прежнія охоты, они сохраняютъ теплое и благодарное воспоминаніе о нихъ, въ свое время доставлявшихъ имъ много наслажденій. Есть, напротивъ, третій разрядъ охотниковъ *исключительныхъ:* они съ дѣтства до конца дней, постоянно и страстно, любятъ какую-нибудь *одну* охоту, и не только равнодушны къ другимъ, но даже питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то ненависть. Наконецъ, есть охотники четвертаго разбора: охотники до всѣхъ охотъ безъ исключенія, готовые заниматься всѣми ими вдругъ, въ одинъ и тотъ же день и часъ. Такіе охотники въ настоящемъ, строгомъ смыслѣ слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дѣла они не бываютъ. По большой части они дѣлаются добрыми товарищами другихъ охотниковъ.

Не разбирая преимуществъ одного рода

охотниковъ передъ другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотниковъ. Въ ребячествѣ началъ я съ ловли воробьевъ и голубей на ихъ ночевкахъ. Не смотря на всю ничтожность такой дѣтской забавы, воспоминаніе о ней такъ живо въ моей памяти, что, признаюсь, и на шестдесятъ четвертомъ году моей жизни не могу равнодушно слышать особеннаго, торопливаго чиликанья воробья, когда онъ, при захожденіи солнца, скачетъ взадъ и впередъ, перепархиваетъ около мѣста своего ночлега, какъ-будто прощаясь съ Божьимъ днемъ и свѣтомъ, какъ-будто перекликаясь съ товарищами, — и вдругъ нырнетъ подъ застреху или жолобъ, въ щель соломенной крыши или въ дупло стараго дерева. — Отъ ловли воробьевъ на ночевкахъ, перешелъ я къ ловлѣ другихъ мелкихъ птичекъ волосяными сильями, натыканными въ лубокъ; къ ловлѣ конопляными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой съ сильями, и наконецъ къ ловлѣ разными *лучками* изъ сѣтки. Потомъ пристрастился я къ травлѣ перепелокъ ястребами и къ ловлѣ перепеловъ сѣтью на дудки. Все это, на нѣкоторое время, замѣнила

удочка; но въ свою очередь и она была совершенно замѣнена ружьемъ. Единовластное владычество ружья продолжалось половину моего вѣка, тридцать лѣтъ; потомъ снова появилась на сценѣ удочка,—и наконецъ старость, а болѣе слабость зрѣнія, хворость и лѣность окончательно сдѣлали изъ меня исключительнаго рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминаніе обо всѣхъ прежнихъ моихъ охотахъ, и мои статьи о нихъ служатъ тому доказательствомъ.

Всѣ охоты, о которыхъ я упоминалъ: съ ружьемъ, съ борзыми собаками, съ ястребами и соколами, съ тенетами и капканами за звѣрями, съ сѣтьми, острогою и удочкой за рыбою, и даже съ *поставушками*, за мелкими звѣрками—имѣютъ своимъ основаніемъ ловлю, добычу; но есть охоты, такъ-сказать, безкорыстныя, которыя вознаграждаются только удовольствіемъ: слушать и видѣть, кормить и разводить извѣстныя породы птицъ и даже животныхъ; такова, напримѣръ, охота до пѣвчихъ птицъ и до голубей. Первыя, по крайней мѣрѣ, веселятъ слухъ охотниковъ пѣніемъ; но вторыя и этого удовольствія доставить не могутъ: иногда только услы-

шишь ихъ голосъ, то-есть глухое воркованье. Но я знавалъ страстныхъ охотниковъ до голубей всѣхъ возможныхъ породъ: бормотуновъ, двухохлыхъ, турмановъ, мохноногихъ горлицъ и египетскихъ голубей. Эти охотники проводили цѣлые дни на голубятнѣ, особенно любуясь на голубей мохноногихъ, у которыхъ мохры, то-есть перья, выросшія изъ ногъ, до трехъ вершковъ длиною, торчали со всѣхъ сторонъ и даже мѣшали имъ ходить. Теперь рѣдко встрѣтишь охотниковъ до этихъ сортовъ голубей; но въ городахъ и столицахъ еще водятся охотники до голубей *чистыхъ* или *гонныхъ*, особенно до турмановъ, гоньба которыхъ имѣетъ свою красоту. Быстро носясь кругами въ высотѣ, стая гонныхъ или чистыхъ голубей то блеститъ на солнцѣ яркой бѣлизной, то мелькаетъ темными пятнами, когда залетитъ за облако, застѣняющее стаю отъ солнечныхъ лучей. Турманы имѣютъ особенное свойство: посреди быстраго полета вдругъ свертывать свои крылья и падать внизъ, перевертываясь безпрестанно, какъ птица, застрѣленная высоко налету; кувыркаясь такимъ образомъ, можетъ быть саженъ десять, турманъ мгно-

венно расправляетъ свои легкія крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такія продѣлки очень живописны. Всякой посмотритъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ на эту живую картину; но охотники съ увлеченьемъ смотрятъ на нее по нѣскольку часовъ сряду, не давая садиться усталымъ голубямъ на родимую крышу ихъ голубятни.

Содержаніе не пѣвчихъ птицъ и даже нѣкоторыхъ изъ породъ дичи въ большихъ клѣткахъ или садкахъ имѣетъ уже особаго роду прелесть, которая можетъ быть понятна только людямъ, имѣющимъ склонность къ наблюденіямъ надъ живыми твореніями природы: это уже любознательность.

Не смотря на увлеченіе, съ которымъ я всегда предавался разнаго рода охотамъ, склонность къ наблюденію нравовъ птицъ, звѣрей и рыбъ никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворенія любопытства, — жертвовать добычею, что̀ для горячаго охотника не шутка.

Воспоминаніе обо всемъ этомъ доставляетъ мнѣ теперь живѣйшее наслажденіе, и подѣлиться моими воспоминаніями съ охотниками

всѣхъ родовъ — сдѣлалось моимъ постояннымъ желаніемъ. Можетъ быть, мой примѣръ возбудитъ и въ другихъ такое же желаніе. Сколько есть опытныхъ охотниковъ на Руси, кругъ дѣйствія которыхъ былъ несравненно обширнѣе моего! Сколько любопытныхъ свѣденій и наблюденій могли бы сообщать они! Кромѣ того, что изданіе такихъ свѣденій и наблюденій составило бы утѣшительное, отрадное чтеніе для охотниковъ, оно было бы полезно для естественныхъ наукъ. Только изъ спеціальныхъ знаній людей, практически-изучившихъ свое дѣло, могутъ быть заимствованы живыя подробности, недоступныя для кабинетнаго ученаго.

ПОЛАЯ ВОДА

И

ЛОВЛЯ РЫБЫ ВЪ ВОДОПОЛЬЕ.

—

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа — смотрѣть на разливъ полой воды. «Рѣка тронулась».... передается изъ устъ въ уста, и все село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода, — и долго, долго стоятъ пестрыя, кое-какъ одѣтыя толпы, смотрятъ, любуются, сопровождая каждое движеніе льда своими предположеніями или веселыми возгласами. Даже въ городахъ, напримѣръ въ Москвѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всѣ ея берега и мосты бываютъ усыпаны

народомъ; одни смѣняются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перилы мостовъ, черезъ рѣшетки набережной, глядятъ — не наглядятся на свою пополнѣвшую Москву-рѣку, которая въ водополь дѣйствительно похожа на порядочную рѣку. Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ, въ это время года, не только величественное, но странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ-будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованье, и вдругъ — широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства — пошевелилась, откололась и пошла.... пошла со всѣмъ, что̀ на ней находилось въ то время, съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вехами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрыпомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, гро-

мадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на-дыбы, какъ-будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь, и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ.... рѣка прошла!... Освобожденная изъ полугодоваго плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ. Такое зрѣлище представляетъ рѣка большая; но мелкія рѣки, N. T. очищаясь отъ льда исподволь, *проходятъ* незамѣтно; только въ полномъ своемъ разливѣ, обогащенныя водою сосѣднихъ овраговъ и лѣсовъ, затопивъ низменныя окрестности, образовавъ острова и протоки тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало, — веселятъ онѣ нѣсколько времени взоры деревенскихъ жителей. За то мельничные проточные пруды и спускъ полой воды въ вешники, представляя искуственные водопады, вознаграждаютъ быстротой, шумомъ и пѣной падающихъ водъ, скудность ихъ объема.

Вскрытіе рѣки, разливъ воды, спускъ пруда, заимка — это событія въ деревенской жизни, о которыхъ не имѣютъ понятія го-

родскіе жители. Въ столицахъ, гдѣ ледъ на улицахъ еще въ мартѣ сколотъ и свезенъ, мостовыя высохли и облака пыли, при нѣсколькихъ градусахъ мороза, отвратительно носятся сѣвернымъ вѣтромъ, — многіе узнаютъ загородную весну только потому, что въ клубахъ появятся за обѣдомъ сморчки, которыхъ еще не умудрились выращивать въ теплицахъ.... но это статья особая, и до насъ не касается.

Въ продолженіе водополья, рыболовство, по небольшимъ рѣкамъ, производится особеннымъ образомъ, о которомъ я и намѣренъ говорить. Какъ скоро рѣка прошла, но еще не выступала изъ береговъ, сейчасъ начинается *первая* ловля рыбы «наметкой», которая есть ничто иное, какъ всѣмъ извѣстный, глубокой сакъ съ мотней, то-есть мѣшокъ, похожій на вытянутый колпакъ изъ частой сѣтки, но не круглый, и пришитый къ деревянной, трехъ-угольной рамѣ, крѣпко утвержденной на длинномъ шестѣ. Извѣстно, что во время прибывающей полой воды, рыба идетъ въ верхъ. Покуда рѣка не разлилась — она держится около береговъ, а когда вода разольется по поймамъ — рыба также раз-

бредется по полоямъ. И такъ, береговой ловъ наметкою, продолжается весною, только до тѣхъ поръ, покуда рѣка не вышла изъ береговъ, и повторяется тогда, когда начнетъ вода вбираться въ берега. Этотъ ловъ повторяется всякой разъ, когда рѣка отъ проливныхъ дождей прибудетъ и сравняется съ берегами; чѣмъ мутнѣе, грязнѣе вода, тѣмъ лучше. Наметки бываютъ *одиночныя* (поменьше) и *двойныя* (побольше); съ одиночною можетъ управляться одинъ сильный человѣкъ, а съ двойною — непремѣнно двое. Быстрое теченіе затрудняетъ ходъ рыбы, сноситъ ее внизъ, а потому она жмется предпочтительно къ тѣмъ мѣстамъ берега, гдѣ вода идетъ тише: на этомъ основанъ ловъ наметкой. Рыбакъ, стоя на берегу, закидываетъ наметку (сѣтка которой сейчасъ надувается водою) какъ можно дальше, опускаетъ бережно на дно, легонько подводитъ къ берегу, и прижимая къ нему плотно, но не задѣвая за неровности, вытаскиваетъ наметку отвѣсно, противъ себя, перехватывая шестъ обѣими руками, чѣмъ ближе къ сѣткѣ, тѣмъ проворнѣе. Очевидно, что тутъ, кромѣ ловкости, надо много силы: быстрое теченіе сноситъ

наметку внизъ, для чего иногда нужно конецъ шеста положить на плечо, чтобъ на упорѣ легче было прямо погрузить наметку въ воду: ибо наметка должна идти прямо поперекъ рѣки и разомъ всѣми тремя сторонами рамы прикоснуться къ стѣнамъ берега, чтобъ захватить стоящую возлѣ него рыбу. Если какъ-нибудь теченіемъ воды наметку заворотитъ и она бокомъ или краемъ ударится въ берегъ — рыба отъ берега бросится въ противную сторону, испугаетъ и увлечетъ за собою всю другую рыбу, около стоявшую, хотя бы она и не видала, отчего происходитъ тревога, и, въ такомъ случаѣ, здѣсь поймать уже нельзя ничего. Мутность воды мѣшаетъ рыбѣ видѣть приближеніе рыболовной снасти, и наметка загребаетъ, такъ-сказать, въ свой кошель всякую рыбу, которая стояла у берега на этомъ мѣстѣ. Обыкновенно попадаются: щучки, окуни, ерши, плотва, по большой части мелкая; но иногда захватываются другія породы рыбъ, довольно крупныя. Въ рѣкахъ и рѣчкахъ, изобильныхъ рыбою, крутоберегихъ, узкихъ, особенно въ верховьяхъ большихъ прудовъ, въ эту пору года, можно и наметкой нало-

вить множество рыбы. Весело вытряхивать на снѣгъ или на оттаявшій берегъ тяжелую наметку, нагруженную въ мотнѣ рыбою, разнообразіе которой особенно пріятно. Тутъ и щука-голубое перо, и полосатый окунь, и пестрый ершъ, до того уродливо полный икрою, что точно брюшко и бока его набиты угловатыми камешками. Тутъ и многіе другіе, золотистые. серебристые, проворные, красивые, давно невиданные охотникомъ, жители водянаго царства!

Но вотъ лѣтняя теплая туча засинѣла на югозападномъ краѣ горизонта, брызнули дождевыя капли.... громъ.... и полился дождь.... Пора обмыть землю, выходящую изъ-подъ снѣга, опутанную тенетниками или паутинами, пора растопить и согнать послѣдніе, снѣжные, обледенѣлые сугробы! Тронулись большіе овраги, подошла лѣсная вода, бѣгутъ потоки, журчатъ ручьи со всѣхъ сторонъ въ рѣку, и — рѣка выходитъ изъ береговъ, затопляетъ низменныя мѣста, и рыба, оставляя безполезные берега, бросается въ полои. Наметка уже не годится: пришла пора употреблять другія рыболовныя снасти.

Этѣ снасти: *морды*, или верши, вятели (*), хвостуши. Морда (нéротъ или наротъ — по-московски, или верша — по-тульски), есть ничто иное, какъ плетеный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый, продолговатый мѣшокъ, или боченокъ, похожій фигурою на растопыренный колпакъ; задняя часть его кругловата и крѣпко связана, къ самому хвосту прикрѣпленъ камень, а передняя раскрыта широко, четвероугольною квадратною рамою, въ аршинъ и даже въ аршинъ съ четвертью въ квадратѣ (**). Внутри этой отверзтой стороны, выплетено, изъ прутьевъ же, горло въ видѣ воронки, для того, чтобы рыбѣ войти было удобно, а назадъ выйти нельзя.

Для ставленья мордъ въ полую воду приготовляются мѣста заранѣе, въ *межéнь*, какъ говорится. Извѣстно, по какимъ низменностямъ будетъ разливаться вода, а потому на ложбинкахъ, небольшихъ долочкахъ и

(*) Или вентели, которые въ Можайскомъ уѣздѣ называются «жохами».

(**) Около Москвы плетутъ нерота круглые, но это неудобно: они не плотно ложатся на дно и вставляются въ язы, и дыры надо затыкать *лапникомъ*, то-есть вѣтвями ели.

въ неглубокихъ овражкахъ, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнемъ, шириною отъ одной сажени до двухъ и болѣе, смотря по мѣстности, поверхъ котораго и сквозь который вода проходитъ, но рыба, кромѣ малявки, то есть самой мелкой, сквозь пройти не можетъ. Въ серединѣ этого плетня оставляются одни, иногда двое, воротъ или дверей (въ аршинъ или аршинъ съ четвертью шириною), въ которыя вставляются морды, прикрѣпленныя къ шестамъ; два хода, или отверзтія, оставляются иногда для того, чтобы можно было ставить одну морду по теченію, а другую противъ теченія воды: рыба идетъ сначала вверхъ, а потомъ, дойдя до края разлива, возвращается назадъ и будетъ попадать въ морды въ обоихъ случаяхъ. Когда же вода пойдетъ на убыль, то всѣ морды и другія снасти въ этомъ родѣ, ставятся противъ ската воды, то-есть противъ теченія. Мѣста въ полояхъ между кустами, устья ручейковъ, суходоловъ и вообще всякое углубленіе земли, сравнительно съ прочею мѣстностью, считаются самыми выгодными мѣстами. Въ такія морды съ загородками попадаетъ всякая рыба безъ

исключенія, не только крупная, но и мелкая, потому-что сквозь плетеный нéротъ не можетъ пролезть и плотичка. Морды или нерóты ставятъ и безъ плетней, даже безъ шестовъ, на однихъ веревкахъ; но это уже не весенній ловъ.

Вятиль, вентель или крылена, какъ зовутъ его въ низовыхъ губерніяхъ, фигурою — совершенно длинная морда, только вмѣсто прутьевъ, на основаніи деревянныхъ обручей, обтянута частой сѣткой, и сверхъ того, по обоимъ бокамъ разкрытой передней части, имѣетъ крылья или стѣнки изъ такой же сѣтки, пришитыя концами къ кольямъ; задняя часть или хвостъ вятиля также привязанъ къ колу, и на этихъ-то трехъ главныхъ кольяхъ, втыкаемыхъ плотно въ землю, крылена растягивается во всю свою ширину и длину. Ее ставятъ по залитымъ водою мѣстамъ, предпочтительно тихимъ, имѣющимъ ровное дно. Названіе крылена очень выразительно, потому-что боковыя ея стѣнки изъ сѣти, замѣняющія плетень около морды, имѣютъ видъ растянутыхъ крыльевъ: общая фигура снасти представляетъ разогнутую

широко подкову. Крылены имѣютъ ту выгоду, что для нихъ не нужно приготовлять мѣстъ заранѣе, набивать колья и заплетать плетни, что ихъ можно ставить вездѣ и переносить съ мѣста на мѣсто всякой день: ибо если рыба въ продолженіе сутокъ не попадаетъ, то это значитъ, что тутъ нѣтъ ей хода; но за то на мѣстахъ, гдѣ вода течетъ глубоко и быстро, вятиль или крылену нельзя ставить, потому-что ее можетъ снести сильнымъ теченіемъ и можетъ прорвать, если по водѣ плывутъ какія-нибудь коряги, большіе сучья, или вымытые изъ берега корни деревъ. Морду можно поставить на узкомъ и на довольно глубокомъ мѣстѣ (заранѣе приготовленномъ), потому-что рыба идетъ по дну; но крылена становится не глубже полутора аршина, а иногда и гораздо мельче, притомъ на мѣстахъ поло́гихъ и широкихъ, гдѣ бы могли растянуться ея крылья. И морду и крылену можно ставить съ лодки, хотя это и не такъ ловко; но русскіе люди не боятся простуды (за что не рѣдко дорого расплачиваются) и обыкновенно бродя въ водѣ, иногда по горло, становятъ свои рыболовныя снасти. Морда утверждена, то-есть:

*

крѣпко привязана въ двухъ мѣстахъ снаружи къ шесту, который проходитъ по серединѣ отверзтой стороны, и будучи длиннѣе, вершка на три, нижняго края морды, плотно втыкается въ дно. Крылена привязана къ тремъ главнымъ кольямъ и еще къ двумъ, такъ-сказать вспомогательнымъ, находящимся по срединѣ крыльевъ, имѣющихъ въ длину каждое до двухъ и болѣе аршинъ; два вспомогательные колышка, поменьше главныхъ, служатъ крыльямъ для лучшаго растягиванья и сопротивленья теченію воды. Всѣ пять кольевъ крѣпко втыкаются въ мягкое дно. — Въ крылены попадается, также какъ въ морды, всякая рыба, иногда въ такомъ количествѣ и такая крупная, что сѣтка разрывается или даже выскакиваютъ колья, на которыхъ утверждена крылена. — Въ водополь очень ловко перебивать нѣсколькими вятелями какой-нибудь значительный заливъ воды въ узкомъ его мѣстѣ. Крылены ставятъ одну возлѣ другой плотно, крыло съ крыломъ, наблюдая, чтобъ одна крылена стояла по теченію или ходу воды, а другая напротивъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы рыба — впередъ ли,

назадъ ли идетъ она — попадала въ разставленныя снасти.

Хвостуша уже названіемъ своимъ показываетъ, что должна имѣть длинный хвостъ. Это родъ морды; она также сплетена изъ прутьевъ, только не похожа фигурой своей на боченокъ, имѣющій въ серединѣ болѣе ширины, на который похожа морда. Хвостуша отъ самаго передняго отверзтія, которое дѣлается и круглымъ, и овальнымъ, и четвероугольнымъ, — все идетъ къ хвосту у́же и связывается внизу тамъ, гдѣ оканчиваются прутья, кончики которыхъ не обрубаютъ; бока хвостуши въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, смотря по ея длинѣ, переплетаются вокругъ поперечными поясами изъ такихъ же гибкихъ прутьевъ, для того, чтобъ вдоль лежащіе прутья связать плотнѣе и чтобъ рыба не могла раздвинуть ихъ и уйти. Хвостуша всегда бываетъ длиннѣе морды, и прутья для нея употребляемые — потолще; къ хвосту ея, и также къ двумъ концамъ нижней стороны, привязываются довольно тяжелые камни, для погруженія и плотнаго лежанья хвостуши на днѣ, ибо она ничѣмъ

другимъ на немъ не утверждается; къ тому же ставится всегда на самомъ быстромъ теченіи, или, лучше сказать, паденіи воды, потому-что только оно можетъ захлестать, забить рыбу въ узкую часть, въ хвостъ этой простой снасти, гдѣ, по тѣснотѣ, рыбѣ нельзя поворотиться и выплыть назадъ, да и быстрина воды мѣшаетъ ей сдѣлать поворотъ. Мнѣ случалось видѣть хвостуши, до того полныя рыбами, что заднія или послѣднія къ выходу, не умѣщались и до половины были наружи. Самое выгодное мѣсто для ставленья хвостушъ — крутой скатъ воды, и самое выгодное время — спускъ мельничныхъ прудовъ, когда они переполнятся вешнею водою, особенно если русло, по которому стремится спертый потокъ, покато. Я живо помню эту ловлю въ моемъ дѣтствѣ: рыбы въ рѣкѣ, на которой я жилъ, было такое множество, что теперь оно кажется даже самому мнѣ невѣроятнымъ; вешняка съ затворами не было еще устроено, въ которомъ можно поднимать одинъ запоръ за другимъ и такимъ образомъ спускать постепенно накопляющуюся воду. Вешнякъ запружали на-глухо, когда сливала полая вода; а весной, когда прудъ наливался

какъ полная чаша и грозилъ затопить плотину и прорвать, раскапывали заваленный вешнякъ. Вода устремлялась съ яростью и размывала прошлогоднюю запрудку до самаго дна, до материка. Сильная покатость мѣстоположенія умножала водную быстрину, и я видалъ тутъ такую ловлю рыбы хвостушами, какой никогда и нигдѣ не видывалъ послѣ. Во всю ширину теченія, въ разныхъ мѣстахъ, вколачивали заранѣе крѣпкіе колья; къ каждому, на довольно длинной веревкѣ, привязывалась хвостуша, такъ, чтобы ее можно было вытаскивать на берегъ не отвязывая. Впрочемъ, иногда веревка оканчивалась глухой петлей и надѣвалась на колъ. Рыба, которая шла сначала вверхъ, доходя до крутаго паденія воды, отбивалась стремленіемъ ея назадъ, а равно и та, которая скатывалась изъ пруда внизъ по теченію (что̀ всегда бываетъ по большой части ночью), попадала въ хвостуши, которыя, хотя не сплошнымъ рядомъ, но почти перегораживали весь потокъ. Рыбы вваливалось невѣроятное множество и такъ скоро, что люди, закинувъ снасти, не уходили прочь, а стояли на берегу, и отъ времени до времени, черезъ

полчаса, или много черезъ часъ, входили по поясъ въ воду, вытаскивали до половины набитыя хвостуши разной рыбой, вытряхивали ее на берегъ и вновь закидывали свои простыя снасти. На берегу была настоящая ярмарка: крикъ, шумъ, разговоры и бѣготня; куча бабъ, стариковъ и мальчишекъ таскали домой лукошками, мѣшками и подолами всякую рыбу; разумѣется не мало было и простыхъ зрителей, которые совѣтовали, помогали и шумѣли гораздо болѣе настоящихъ рыбаковъ. Все это довершалось ревомъ падающей воды, съ шумомъ, пѣной и брызгами разбивающейся о крѣпкое дно и колья съ привязанными хвостушами. Много попадалось очень крупныхъ головлей, язей, окуней, линей (фунтовъ по семи) и особенно большихъ щукъ. Я самъ видѣлъ, какъ крестьянинъ, съ помощію товарища, вытащилъ хвостушу, изъ которой торчалъ хвостъ щуки: вѣсу въ ней было одинъ пудъ пять фунтовъ. Не могу понять, какъ такая огромная и сильная рыба не выкинулась назадъ? Должно предположить, что стремленіе воды забило ея голову въ узкой конецъ хвостуши, гдѣ она ущемилась между связанными прутьями и

гдѣ ее захлестало водой; сверхъ того, натискавшаяся по бокамъ щуки, другая рыба лишала ее возможности поворотиться. Хвостуши, оставляемыя на ночь, то-есть часовъ на шесть, набивались рыбою только на четверть, не вровень съ краями; но сверху обыкновенно была мелкая плотва: вѣроятно крупная рыба выскакивала.

Во время самаго разлива полой воды, щуки мечутъ икру и выпускаютъ молòки; въ продолженіе этой операціи онѣ ходятъ по верху одна за другою, иногда по нѣскольку штукъ. Замѣтивъ мѣста, около которыхъ онѣ трутся,— всегда въ травѣ или кустахъ по полоямъ,— охотникъ входитъ тихо въ воду и стоитъ неподвижно съ боку рыбьяго хода, съ готовою острогою, и когда щуки подплывутъ къ нему близко, — бьетъ ихъ своимъ нептуновскимъ трезубцомъ, который имѣетъ, однако, не три, а пять и болѣе зубцовъ или иглъ съ зазубринами. Въ это же время стрѣляютъ щукъ изъ ружей крупною дробью, потому-что щуки ходятъ высоко, и не только спинное перо, но и часть спины видна на поверхности. И острогой, и ружьемъ добы-

ваютъ иногда такихъ огромныхъ щукъ, какія рѣдко попадаются рыбакамъ въ обыкновенныя рыболовныя снасти, и если попадаются, то снасти не выдерживаютъ.

ОХОТА СЪ ЯСТРЕБОМЪ

ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ.

« Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею
« доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело,
« да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія.
« Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добы-
« вайте, не лѣниво и безскучно, да не забудутъ
« птицы премудрую и красную свою добычу. »

« О славные мои совѣтники и достовѣрные и
« премудрые охотники! Радуйтеся и веселитеся,
« утѣшайтеся и наслаждайтеся сердцами своими,
« добрымъ и веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предъ-
« идущія лѣта! »

(Древ. Росс. Вивліоѳика, ч. III, книга
Урядникъ Сокольничья Пути).

Хотя содержаніе сей статьи положительно объясняется ея названіемъ, но я хочу пред-

варительно сказать нѣсколько словъ о ястребахъ вообще. Всѣ хищныя птицы, высшаго, средняго и даже низшаго разряда, могутъ быть раздѣлены на двѣ породы: соколиную и ястребиную. Принадлежащія къ первой, ловятъ свою добычу, устремляясь, *падая* на нее съ высоты, для чего имъ необходимо подняться на извѣстную мѣру вверхъ. Принадлежащія же къ породѣ ястребиной, напротивъ, ловятъ свою добычу *въ угонъ*, то-есть находясь съ ней въ одинаковомъ горизонтальномъ положеніи, гонятся за ней, и, по рѣзвости своего полета, догоняютъ. У насъ рѣчь идетъ о послѣднихъ. — Ястреба раздѣляются, по ихъ величинѣ, на три рода. Самые большіе, достигающіе величины крупной индѣйки, называются *гусятниками*, потому-что *берутъ*, то-есть ловятъ дикихъ гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно рѣдко, можно травить зайцевъ и даже лисицъ. Я имѣлъ одного такого ястреба уже двухъ осеней, котораго, какъ диковинку, привезъ моему отцу одинъ Башкирецъ. Онъ разсказывалъ, что затравилъ имъ двухъ лисъ, чему очень можно было повѣрить, судя по силѣ и жадности птицы. Я прошу позво-

ленія у читателей разсказать судьбу этого ястреба: онъ былъ чисторябый, то-есть свѣтлосѣрый, и такъ тяжелъ, что и сильный человѣкъ не могъ его долго носить на рукѣ. Башкирцы охотятся съ такими ястребами, а чаще съ беркутами, всегда верхомъ, и возятъ ихъ на палкѣ, которая придѣлывается къ сѣдельной лукѣ. По несчастію, этотъ рѣдкій ястребъ жилъ у насъ очень недолго. Мы затравили имъ только двухъ бѣляковъ, которыхъ сошли по первой октябрской порошѣ, и для опыта затравили русскаго гуся, привыкшаго хорошо летать. Вотъ какъ было это сдѣлано: стая дворовыхъ гусей повадилась ежедневно ходить пѣшкомъ на господское гумно, стоявшее на довольно высокой горѣ; накушавшись досыта и находя неудобнымъ и затруднительнымъ сходить внизъ съ крутой горы съ полными зобами, которые и на ровномъ мѣстѣ перетягиваютъ ихъ впередъ, — гуси обыкновенно слетали съ горы и опускались прямо на житный дворъ. Въ урочное время, я поставилъ охотника съ ястребомъ за хлѣбною кладью, у самаго того мѣста, гдѣ гуси должны были слетать съ горы, а самъ зашелъ сзади и погналъ гусей,

которые, ковыляя и падая, дошли до спуска съ горы и поднялись; ястребъ бросился, свалился съ однимъ гусемъ и, къ общему нашему удовольствiю, сладилъ съ нимъ безъ всякаго труда. Мы не дали ястреба въ обиду другимъ гусямъ (безъ чего они бы забили его крыльями и защипали бы своими носами) и накормили на добычѣ до отвалу. Не смотря на то, что эта славная хищная птица жила у насъ только двѣ недѣли, съ ней случилось диковинное приключенiе: была у насъ лѣтняя кухня на острову, въ которой давно уже перестали готовить; въ эту кухню, на толстой колодкѣ, стоявшей по срединѣ кирпичнаго пола, сажали на ночь этого большаго ястреба. Охотникъ, которому былъ онъ отданъ на руки, приходитъ однажды поутру, и видитъ, что ястребъ, привязанный должникомъ къ колодкѣ, стащилъ ее съ мѣста, сидитъ распустивъ крылья въ углу, и держитъ въ когтяхъ огромную сову, еще живую. Испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотникъ прибѣжалъ сказать объ этомъ мнѣ; мы съ отцомъ пришли немедленно и нашли ястреба въ томъ же положенiи. Съ большимъ трудомъ вынули изъ его когтей очень

большую, почти бѣлую сову, которая тутъ же издохла; на ястребѣ никакихъ знаковъ поврежденія не оказалось. Еслибъ я не самъ видѣлъ этотъ диковинный случай — я бы не вдругъ ему повѣрилъ: кухня была заперта; кромѣ трубы, которая оказалась не закрытою, другаго отверзтія въ кухнѣ не было; должно предположить, что сова попала въ кухню черезъ трубу для дневки, и что она залетѣла недавно, на самомъ разсвѣтѣ; но какъ поймалъ ее ястребъ, привязанный на двухъ-аршинномъ должникѣ — придумать трудно; во всякомъ случаѣ, жадность,злобность и сила ястреба удивительны. Я даже былъ увѣренъ, что никакой ястребъ не кинется и не возьметъ совы, особенно большой, потому-что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба, но такое предположеніе невѣроятно. Черезъ нѣсколько дней послѣ приключенія съ совой, наступила оттепель, снѣгъ совершенно сошелъ, сдѣлался отличный узеркъ, и я послалъ охотника съ ястребомъ верхомъ поискать въ наѣздку русаковъ, которые тогда совершенно выцвѣли; а самъ поѣхалъ стрѣлять тетеревовъ. Охотникъ,

поѣздивъ нѣсколько времени по горамъ и полямъ, и не найдя нигдѣ зайцевъ, сдѣлалъ соображеніе, что они всѣ лежатъ въ лѣсу; а какъ на бѣду онъ взялъ съ собой ружье, то, подъѣхавъ къ лѣсу, привязалъ въ опушкѣ лошадь къ дереву, посадилъ ястреба на толстый сучекъ, должникъ привязалъ къ сѣдлу, а самъ отправился стрѣлять въ лѣсъ зайцевъ. Очевидно, что все это было сдѣлано крайне глупо, и вотъ какія вышли послѣдствія: лошадь вѣроятно чего-нибудь испугалась, оторвала поводъ, стащила ястреба съ сучка и ускакала; только къ вечеру воротилась она домой. Несчастный ястребъ былъ еще живъ, но съ вытянутыми и вывихнутыми ногами; черезъ сутки онъ издохъ.... Такъ жалостно и совершенно даромъ погибла эта рѣдкая хищная птица. Я видѣлъ потомъ еще двухъ ястребовъ гусятниковъ: оба были меньше моего и гораздо темнѣе перомъ.

Втораго рода ястреба (вдвое менѣе первыхъ) называются *утятниками*, потому-что ими обыкновенно травятъ утокъ. Надобно сказать правду, что охота съ большими ястребами, гусятниками и утятниками, — охота пустая и мало добычливая, особенно съ послѣд-

ними. Для травли ястребами необходимо условіе, чтобы птица поднималась близко, иначе они не могутъ ее догнать; утки же всегда сидятъ на водѣ или на берегу воды, въ которую сейчасъ могутъ броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на водѣ не берутъ и брать не могутъ. И такъ, травля утокъ производится по маленькимъ рѣчкамъ или ручьямъ и озеркамъ, находящимся въ высокихъ берегахъ, для того, чтобъ охотникъ могъ подойти очень близко къ уткѣ, не будучи ею примѣченъ, и для того, чтобъ летъ ея продолжался не надъ водою; если же ястребъ схватитъ утку и она упадетъ съ нимъ въ воду, то рѣдко можно найти такого жаднаго ястреба, который не бросилъ бы своей добычи: ибо всѣ хищныя птицы не любятъ и боятся мочить свои перья, особенно въ крыльяхъ, и вымочивши какъ-нибудь нечаянно, сейчасъ распускаютъ ихъ какъ полузонтикъ и сидятъ въ укромномъ мѣстѣ, пока не высушатъ совершенно. Очевидно, что травля утокъ, безъ особенной, удобной мѣстности, невозможна. Иногда травятъ утятниками молодыхъ тетеревовъ, но для того необходимо, чтобы выводка находилась въ чистомъ полѣ;

травить же въ рѣдколѣсьѣ неудобно, потому-что ястребъ можетъ убиться объ дерево, чего онъ самъ по инстинкту такъ боится, что бросившись за тетеревенкомъ и увидя передъ собой даже рѣдкія деревца, сейчасъ взмоетъ къ верху или возьметъ въ сторону. Притомъ *помѣшавшійся* молодой тетеревъ летитъ очень проворно, и ястребъ догонитъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ поднимется очень близко. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что травля утокъ и тетеревовъ не можетъ быть добычлива. Совсѣмъ другое представляетъ охота за перепелками съ мелкими ястребами третьяго разряда, которые и называются *перепелятниками*: объ нихъ и объ охотѣ съ ними поговорю я подробно.

Я уже сказалъ, что ястреба-гусятники большая рѣдкость, такъ-что немногимъ охотникамъ удавалось видѣть ихъ на волѣ; утятники попадаются чаще, а перепелятниковъ деревенскіе жители видятъ по нѣскольку разъ въ день, или по крайней мѣрѣ замѣчаютъ эфектъ, производимый появленіемъ или присутствіемъ ястреба-перепелятника, котораго часто глазами и не увидишь. Эфектъ состо-

итъ въ томъ, что вся дворовая и около дворовъ живущая птица, закричитъ всполошнымъ крикомъ и бросится, или прятаться, или преслѣдовать воздушнаго пирата: куры поднимутъ кудахтанье, цыплята съ жалобнымъ пискомъ побѣгутъ скрыться подъ распущенныя крылья матерей-насѣдокъ, воробьи зачирикаютъ особеннымъ образомъ, и какъ безумные попрячутся куда ни попало, — и я часто видѣлъ, какъ дерево, задрожавъ и зашумѣвъ листьями, будто отъ внезапнаго крупнаго дождя, мгновенно прятало въ свои вѣтви цѣлую стаю воробьевъ; съ тревожнымъ, пронзительнымъ крикомъ, а не щебетаньемъ, начнутъ черкать ласточки по соколиному, налетая на какое-нибудь одно мѣсто; защекочутъ сороки, закаркаютъ вороны и потянутся въ ту же сторону — однимъ словомъ: поднимется общая тревога; и это навѣрное значитъ, что пробѣжалъ ястребъ и спрятался гдѣ-нибудь подъ повѣтью, въ овинѣ, или сѣлъ въ чащу зеленыхъ вѣтвей ближайшаго дерева. Иногда такъ и не увидишь ястреба. Онъ переждетъ тревогу, весьма ему невыгодную, потому-что она предупреждаетъ о немъ тѣхъ птицъ, которыя могли бы сдѣлаться

его добычей, да вѣроятно надоѣдаетъ и пугаетъ его весь этотъ пискъ, крикъ, шумъ и преслѣдованье, — переждетъ и улетитъ! Но я всегда любилъ такія явленія общей суматохи, всегда стерегъ вылетъ ястреба изъ его убѣжища, и часто видалъ, какъ онъ, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнетъ и скроется въ кустахъ уремы или въ ближайшемъ лѣсу.

Все, что я стану говорить о наружномъ видѣ ястребовъ-перепелятниковъ, объ ихъ выкармливаньѣ, вынашиваньѣ и проч., совершенно прилагается и къ двумъ первымъ родамъ. Перепелятники, перомъ свѣтлосѣрые, называются *чисторябыми*; они бываютъ посвѣтлѣе и потемнѣе. Оренбургскіе охотники приписываютъ это различіе въ перѣ (то-есть въ цвѣтѣ ястребиной *крыши*) вліянію деревъ, на которыхъ они вывелись, и потому свѣтлыхъ называютъ *березовиками*, а темныхъ — *дубовиками*. Ястреба коричнево-пестрые называются краснорябыми; ихъ гнѣзда всегда находятся на ольхахъ, а потому ихъ зовутъ *ольшняками*. Надобно замѣтить, что они мельче другихъ ястребиныхъ породъ. Хотя странно

приписывать цвѣтъ перьевъ птицы тому дереву, на которомъ она вывелась, и хотя я всегда плохо этому вѣрилъ, но я долженъ сознаться, что нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ мною самимъ, подтверждаютъ мнѣніе охотниковъ. — Самка перепелятника (какъ у всѣхъ хищныхъ птицъ) гораздо больше и сильнѣе *чеглика*, то-есть самца, который для травли не употребляется, по своей малосильности и стомчивости. Я пробовалъ воспитывать и вынашивать перепелятниковъ-чегликовъ: они въ выноскѣ гораздо понятнѣе и повадливѣе самокъ. Я травилъ ими воробьевъ и всякихъ мелкихъ птичекъ, даже перепелокъ; но чегликъ перепелятникъ такъ слабосиленъ, что легкую перепелку не *угонитъ*, а съ сытой старой едва сладитъ и нерѣдко выпускаетъ ее изъ когтей. Поршковъ перепелиныхъ онъ ловитъ хорошо и то не по многу. Поймавъ штукъ пять-шесть, онъ уже и ихъ не догоняетъ, и даже не летитъ съ руки, на которую присядетъ, если очень усталъ. Чегликовъ-утятниковъ употребляютъ иногда для травли перепелокъ; но это имѣетъ свои неудобства: для перепелки онъ слишкомъ силенъ, и поймавъ ее, не вдругъ опускается

на землю. Въ книгѣ: «Урядникъ Сокольничья Пути» Царя Алексѣя Михайловича, которую всякой охотникъ долженъ читать съ умиленіемъ, между прочимъ сказано: «Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сихъ доброутѣшна и привѣтлива правленныхъ (то-есть вынощенныхъ) ястребовъ и челиговъ (то-есть, чегликовъ; иногда называются они тамъ же «чеглоками») ястребьихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе». Изъ сихъ немногихъ строкъ слѣдуетъ заключить: 1) что копцовъ вынашивали, и что ими травили, чего я и другіе мнѣ извѣстные охотники никакъ добиться не могли, и признали ихъ къ ловлѣ неспособными. 2) Что *ястребьи челиги*, то-есть ястребиные чеглики, употреблялись для охоты точно также, какъ и самки; но должно думать, что это были ястреба большіе, а не перепелятники. Послѣднее доказывается словами: *«къ водамъ рыщеніе»*, а равно и тѣмъ, что перепелокъ никогда около Москвы, въ достаточномъ числѣ для охоты, не бывало, да и быть не могло. Слѣдственно рѣчь идетъ о травлѣ утокъ, вѣроятно, мелкихъ чирковъ, къ чему чеглики-утятники могутъ быть пригодны.

Ястреба вьютъ или кладутъ свои гнѣзда въ лѣсу изъ мелкихъ прутиковъ, на толстыхъ деревьяхъ, всегда на одномъ изъ главныхъ сучковъ и близъ самаго древеснаго ствола; самки кладутъ по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводкѣ есть одинъ чегликъ. Охотники заранѣе осматриваютъ лѣса, особенно тѣ мѣста, гдѣ выводились прежде ястреба, и по разнымъ признакамъ знаютъ навѣрное, гдѣ именно находится гнѣздо; но близко къ нему, до вывода молодыхъ, не подходятъ, потому-что самка броситъ яйца. Время выемки ястребовъ изъ гнѣздъ зависитъ отъ охотника: кто изъ нихъ не скучаетъ уходомъ за маленькими ястребятами, для корма которыхъ нужно мясо мелко рубить, тотъ вынимаетъ молодыхъ въ пушку; такіе ястребята ручнѣе, и вынашивать ихъ легче; но многіе охотники утверждаютъ, что они бываютъ тупѣе, то-есть не такъ жадны, рѣзвы и сильны, какъ ястребята оперившіеся, которыхъ ловить уже приходится силомъ на длинной лутошкѣ, потому-что когда человѣкъ влѣзетъ на дерево — они распрыгаются по сучьямъ. Хотя я выкармливалъ ястребятъ разныхъ возрастовъ, но какъ это

случалось въ разные годы, то я какъ-то не замѣчалъ разницы въ ихъ качествахъ; но что̀ касается до *слетковъ*, то-есть до молодыхъ ястребовъ, слетѣвшихъ съ гнѣздъ, заловившихъ на волѣ и пойманныхъ потомъ въ *кутню* (*), то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнѣздарей, но за то и вынашивать ихъ гораздо труднѣе. Вынутыхъ ястребятъ сажаютъ въ просторную клѣтку изъ прутиковъ или изъ сѣтки, а если они очень малы, то сначала кладутъ въ круглое лукошко, въ которомъ они, какъ въ гнѣздѣ, станутъ сидѣть смирно, плотно прижавшись другъ къ другу; даже кормятъ ихъ изъ рукъ рубленнымъ свѣжимъ мясомъ какихъ-нибудь птицъ: голуби и воробьи счи-

---

(*) Кутнею называется длинная клѣтка изъ сѣтки, разгороженная на 3 отдѣленія или клътки же: въ средней сидятъ живые воробьи для приманки, а двѣ боковыя имѣютъ спускныя дверцы также изъ сѣтки, которыя поднимаются и настораживаются какъ въ чепкахъ. Молодой ястребъ (слетокъ), увидѣвъ воробьевъ, бросается къ нимъ черезъ которую-нибудь боковую клѣтку, тронетъ сторожекъ, дверца опустится, и ястребъ пойманъ. Иногда попадаются и старые ястреба, но очень рѣдко.

таются самою здоровою пищею, которою можно скоро поправить слишкомъ исхудавшихъ ястребовъ, *натѣлить*, говоря по-охотничьи. Впрочемъ, можно давать баранину, говядину, телятину и зайчатину, если она случится. Когда ястреба подростутъ, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску мяса, всегда одинъ разъ въ сутки, и, если это мясо будетъ птичье, то непремѣнно съ перьями и костями. Изобильный кормъ, особенно парнымъ мясомъ только-что убитой птицы, — самое вѣрное средство выростить хорошихъ ястребовъ: они будутъ *ро́дны* (велики), сильны, выведутъ перья ровно, отъ чего летаютъ рѣзвѣе и поспѣваютъ ранѣе къ охотѣ. Я знавалъ такихъ охотниковъ, у которыхъ ястреба не только получали кормъ неточно, несвоевременно, но дня по два иногда постились. У такихъ ястребовъ всегда бываютъ на стволахъ хвостовыхъ перьевъ пережабины бѣловатаго цвѣта, и самыя перья какъ будто помяты, надломлены и взъерошены: эти знаки называются *заморами*. Если ихъ много — ястребъ тупъ на лету. Въ клѣткѣ надобно сдѣлать нашестки или поставить колодки для

ночевки и отдѣльнаго сидѣнья ястребятъ послѣ корма: послѣднее нужно для того, чтобы они какъ-нибудь не подрались между собою и не помяли полныхъ пищею зобовъ, что̀ бываетъ для нихъ иногда даже смертельно. Зобъ просиживается часовъ въ восемь, то-есть, пища разлагается и спускается изъ зоба въ кишки, послѣ чего скидывается ястребами такъ-называемая *погадка*, которая есть ничто иное, какъ перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое изъ проглоченнаго мяса, свернувшееся въ продолговатый, овальный сверточекъ, извергаемый ежедневно хищными птицами ртомъ. Когда ястребъ *скинулъ погадку*, можно идти съ нимъ въ поле на охоту: до совершенія же этой операціи, даже вольныя хищныя птицы, какъ утверждаютъ охотники, ничего не ловятъ и не ѣдятъ. Нужно также, чтобы въ клѣткѣ постоянно стояло корытцо съ водой, ежедневно перемѣняемой; въ жары ястреба часто пьютъ и купаются, что̀ способствуетъ ихъ здоровью, чистотѣ и скорой переборкѣ перьевъ. Хотя въ гнѣздѣ и на сучьяхъ выводнаго дерева нѣчего имъ пить и нѣгдѣ купаться, но слетѣвшіе съ гнѣздъ и старые

ястреба любятъ и то и другое во время лѣтняго зноя.

Наконецъ пришло время, обыкновенно въ половинѣ или исходѣ іюля, *поднимать* и *вынашивать* ястребовъ. Вечеромъ, когда довольно смеркнется, охотникъ осторожно влезаетъ въ клѣтку и бережно беретъ, вдругъ обѣими руками, спящаго ястреба, который спитъ всегда, поджавъ одну ногу со сжатыми въ кулачекъ пальцами, а голову завернувъ подъ крыло. При поимкѣ не спящаго ястреба днемъ, непремѣнно были бы помяты его перья и самъ бы онъ напугался. Охотникъ вытягиваетъ ему ноги, складываетъ ровно крылья, выправляетъ хвостовыя перья, и, оставя насвободѣ одну голову, спеленываетъ его въ платокъ, нарочно для того сшитый въ двое, съ отверзтіемъ для головы, плотно обвиваетъ краями платка и завязываетъ слегка снуркомъ или тесемкой; въ такомъ положеніи носитъ онъ на ладони спелененнаго гнѣздаря, по крайней мѣрѣ часа два, и непремѣнно тамъ, гдѣ много толпится народа; потомъ, развязавъ сзади пеленку, надѣваетъ ему на ноги *нагавки* съ *опутинками*, которыя при-

*

вязываются обыкновенною петлею къ *должнику* (*), на-глухо прикрѣпленному къ кожаной

(*) *Нагавками* или *обносцами* называются суконныя или кожаныя, но подшитыя тоненькимъ суконцемъ, онучки, шириною въ большой палецъ, которыми обертываютъ просторно, въ одну-рядь, ноги ястреба; на онучкахъ, то-есть, нагавкахъ, нашиты *опутинки*, плетеныя тесемочки, волосъ въ тридцать, длиною четверти въ полторы; каждая опутинка нижнимъ концемъ своимъ продѣвается въ петельку, пришитую къ нагавкѣ, затягивается и держится крѣпко и свободно на ногѣ. *Должникъ* — тонкій ремень или, пожалуй, снурокъ, аршина въ полтора длиною, наглухо пришитый къ охотничей рукавицѣ. Должникъ устроенъ довольно затѣйливымъ образомъ: другой конецъ его прикрѣпляется къ желѣзному прутику, вершка въ $2^1/_2$ длиною; прутикъ просовывается весьма свободно въ круглое отверзтіе костяной дощечки, просверленной на срединѣ, (длиною вершка въ два, а шириною въ палецъ), и держится въ дощечкѣ на широкой шляпкѣ, какая бываетъ у большаго гвоздя; къ обоимъ концамъ косточки прикрѣпленъ своими концами ремешекъ (въ четверть длиною), вытянутый по срединѣ кверху; онъ составляетъ острый трехъугольникъ, которому основаніемъ служитъ дощечка; къ верхнему острому углу ременнаго трехъугольника привязываются простою петлею обѣ опутинки: стóитъ дернуть за ихъ концы — петля развяжется и ястребъ можетъ летѣть. — Само собою разумѣется, что охотничьи названія всѣхъ *уборовъ* хищныхъ птицъ могутъ называться различно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и что уборы эти бываютъ роскошны и бѣдны,

рукавицѣ или перчаткѣ съ правой руки, на которой всегда будетъ сидѣть выученный ястребъ. Въ это же время прикрѣпляютъ къ ястребу бубенчикъ, въ чемъ хотя нѣтъ необходимости, но что̀ на охотѣ бываетъ очень полезно. Дутый мѣдный бубенчикъ, величиною съ крупный русскій орѣхъ или нѣсколько побольше, но круглый, звонкій и легкій, пришпиливается въ хвостѣ, для чего надобно взять ястреба въ обѣ руки, а другому охотнику разобрать бережно хвостъ на двѣ равныя половинки, и, отступя на вершокъ отъ рѣпицы, проколоть одно изъ среднихъ хво-

---

Драгоцѣнная книга Царя Алексѣя Михайловича, глаголемая «Урядникъ: новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути», показываетъ, какъ великолѣпно убирали соколовъ и кречетовъ: «и мало понаровя, подсокольничій молвитъ: *начальные, время наряду и часъ красотѣ*. И начальные емлютъ со стола нарядъ: первый, Парфентій, возьметъ клобучекъ, по бархату червчатому шитъ серебромъ съ совкою нарядною; вторый, Михей, возметъ колокольцы серебряны позолочены; третій, Леонтій, возметъ обнасцы и должикъ (должникъ) тканые съ золотомъ волоченымъ. И уготовавъ весь нарядъ на рукахъ, подошедъ къ подсокольничему, начальные сокольники наряжаютъ кречета». Очевидно, что колокольцы (бубенчики) всякой разъ, когда нужно, привязывались къ ногамъ ловчимъ птицъ.

стовыхъ перьевъ по срединѣ, обыкновенной мѣдной булавкой; на нее надѣть за ушко бубенчикъ, острый конецъ воткнуть въ другое среднее сосѣднее перо и вогнать булавку до самой головки; она будетъ такъ крѣпко держаться, что точно вростетъ въ перо; иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется навсегда. Прежде охотники привязывали бубенчикъ къ ногѣ; но этотъ способъ несравненно хуже: бубенчикъ будетъ безпрестанно за что-нибудь задѣвать и какъ разъ сломается; когда же ястребъ съ перепелкой сядетъ въ траву или въ хлѣбъ, то звука никакого не будетъ; а бубенчикъ въ хвостѣ, какъ скоро ястребъ начнетъ щипать птицу, при всякомъ наклоненіи головы и тѣла станетъ звенѣть и даетъ о себѣ знать охотнику, въ чемъ и заключается вся цѣль. — Потомъ охотникъ идетъ въ самое темное мѣсто, въ какой-нибудь сарай или хлѣвъ, бережно снимаетъ всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную отъ его когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и снаровки, чтобы онъ, бившись и вися на

опутинкахъ, не тронулъ, то-есть не вытянулъ ногъ, отъ чего ястреба навсегда остаются слабыми. Иногда гнѣздарь, смирный и привычный къ человѣку, наскучившій принужденнымъ положеніемъ въ пеленкѣ и боящійся въ темнотѣ летать (къ чему онъ и не привыкъ въ клѣткѣ) — съ разу садится на руку; разумѣется не то бываетъ съ слеткомъ, какъ сказано будетъ ниже. Какъ скоро ястребъ усядется на рукѣ, то надобно стоять смирно и оставаться съ полчаса въ томъ же темномъ мѣстѣ; потомъ растворить двери, отъ чего сдѣлается свѣтлѣе и ястребъ непремѣнно станетъ слетать съ руки; когда же онъ успокоится, охотникъ потихоньку выходитъ на вольный воздухъ и ходитъ съ своимъ ученикомъ по мѣстамъ уединеннымъ и открытымъ. Передъ солнечнымъ восходомъ сонъ начнетъ одолѣвать ястреба, и онъ сдѣлается смирнѣе; тутъ можно поступать смѣлѣе: поглаживать его, поправлять крылья, которыя онъ цѣлыя сутки держитъ въ распущенномъ положеніи (не подбираетъ), и потягивать полегоньку за хвостъ, чтобы онъ крѣпче держался когтями за руку охотника и не дремалъ. Часовъ въ 7 утра, можно по-

садить ястреба на колодку въ безопасномъ мѣстѣ и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы онъ не скоро заснулъ и не крѣпко спалъ, то надобно его раза три вспрыснуть водою: ястребъ не заснетъ до тѣхъ поръ, пока не провянутъ перья, которыя онъ безпрестанно будетъ прочищать и перебирать своимъ носомъ. Охотникъ также можетъ соснуть въ это время. Послѣ короткаго отдыха, котораго слеткамъ никогда въ первый день не даютъ, потому-что они гораздо упрямѣе и крѣпче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая мѣста, гдѣ меньше толкается народу: внезапное и быстрое появленіе новаго человѣка всегда пугаетъ и заставляетъ слетать съ руки молодыхъ ястребовъ; особенно не любятъ они, если кто-нибудь подойдетъ сзади. Вынашивая гнѣздаря, смирнаго и привычнаго къ человѣку, не нужно его слишкомъ вымаривать, а потому можно передъ вечеромъ дать ему соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же исторія, какъ и въ первую; на другой день, если ястребъ уже привыкаетъ хорошо сидѣть на рукѣ и если онъ не очень сытъ (то-есть не жиренъ), то можно къ вечеру предложить

ему мясо. Хотя рѣдко, но случается, что на другой день вечеромъ, ястребъ гнѣздарь, который не ѣлъ уже полторы сутки, да и въ предъидущій день былъ кормленъ очень мало, — станетъ ѣсть, сидя на рукѣ у охотника: въ такомъ случаѣ можно его *подкормить*, то-есть, покормить немного, дать третью часть противъ обыкновеннаго. На третій день ястребъ сдѣлается гораздо смирнѣе: безсонница и голодъ отнимутъ у него ту врожденную энергію дикости, которую еще не совсѣмъ истребила клѣтка. Вечеромъ надобно его начать *вабить* и заставить *перейти* на руку. Это дѣлается слѣдущимъ образомъ: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потомъ взять кусокъ свѣжаго мяса, показать сначала издали и потомъ поднести ему подъ носъ, и когда онъ захочетъ схватить его клевомъ, то руку отдернуть хотя на четверть аршина, и кускомъ мяса (вабиломъ) (*) поматывать, а самому почмокивать и посвистывать, (что̀ называется

(*) Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное съ мясомъ: охотнику ловко держать въ рукѣ папоротку крыла, которое не должно быть ощипано.

вабить, то-есть звать, манить). Ястребъ сначала будетъ вытягивать шею то на одну, то на другую сторону и наклоняться, чтобъ достать кормъ, но видя, что это невозможно, рѣшится перелетѣть или хотя перескочить съ своего мѣста на манящее его вабило въ рукѣ охотника; этотъ маневръ надобно повторить до трехъ разъ, и всякой разъ вабить дальше, такъ чтобы въ третій — ястребъ перелетѣлъ на сажень; тутъ надо покормить его побольше, потомъ посадить часа на два въ уединенное мѣсто, и вообще накормленнаго ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы онъ, слетѣвъ съ руки, не ударился о что-нибудь и не помялъ зоба. На четвертый день ястребъ, начавъ съ сажени, перейдетъ на руку разстояніе въ десять и двадцать саженъ: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ покормить еще побольше, въ-полсыта. Охотникъ продолжаетъ на слѣдующіе дни прежнюю выноску, и наконецъ въ семь или восемь дней птица сдѣлается такъ смирна и ручна, что охотникъ, вабившій съ каждымъ днемъ все дальше и дальше, — въ положенный часъ кормленія, посадивъ ястреба на заборъ или на крышу, самъ уйдетъ изъ виду вонъ, и

только свиснетъ особливымъ позывомъ, котораго звукъ трудно передать буквами, похожимъ нѣсколько на слогъ *пфу*, — какъ ястребъ сейчасъ прилетитъ и явится на рукѣ охотника. Впрочемъ, иногда даже и гнѣздарь, нѣсколько упрямый, не вдругъ привыкаетъ *сейчасъ* летѣть на свистъ и голосъ охотника, а сначала начнетъ оглядываться на право и на лѣво, какъ будто прислушиваясь, потомъ начнетъ кивать головой, вытягивать шею и присѣдать, что́ почти всегда дѣлаетъ птица, когда сбирается съ чего-нибудь слетѣть: вотъ, кажется, сію секунду полетитъ, совсѣмъ ужъ перевѣсился впередъ.... и вдругъ опять принимаетъ спокойное положеніе и даже начинаетъ носомъ перебирать и чистить свои правúльныя перушки. Но бываетъ иногда, что посреди такихъ занятій, вовсе безъ приготовленій, ястребъ внезапно слетаетъ съ мѣста, замахавъ сначала проворно крыльями; потомъ, увидѣвъ охотника, онъ быстро опускается и бѣжитъ низомъ, то-есть плавно плыветъ, стелется, какъ ласточка надъ землей.... воробьи зачиликаютъ и попрячутся, сороки защекочутъ, куры закудахчутъ, а ястребъ, подбѣжавъ вплоть къ охотнику, вдругъ

взмоетъ кверху и вцѣпится въ вабило, которое охотникъ успѣлъ уже укоротить, такъ что только маленькій кусочикъ мяса остался наружѣ. — Срокъ и строгость выноски зависитъ отъ понятливости и покорности ястреба, и также отъ крѣпости или слабости его силъ. Иногда попадается и гнѣздарь, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и въ десять дней не добьешься отъ него полнаго повиновенія, тогда какъ другаго на шестой день можно притравить, а на седьмой идти съ нимъ въ поле. Въ выноскѣ ястреба нужна строгая точность, неослабное вниманіе, а главное — нескучливость. Напримѣръ: ястребъ упрямится, не идетъ на руку иногда два часа съ ряду, тогда какъ наканунѣ черезъ такое же разстояніе перешелъ скоро, и сегодня долженъ былъ перейти еще скорѣе и дальше; скучливому охотнику надоѣстъ стоять на одномъ мѣстѣ, махать рукой и понапрасну звать ястреба, онъ самъ подойдетъ поближе и — испортитъ все дѣло: на завтрашній день ястребъ захочетъ еще бо̀льшаго сокращенія разстоянія, и переломить его упрямство еще труднѣе; онъ очень памятливъ, и впослѣд-

ствіи, когда выносится совсѣмъ и станетъ ходить на руку отлично хорошо, вдругъ вспомнитъ, что его когда-то побаловали, заупрямится безъ причины и совершенно неожиданно. Выноска должна происходить безъ всякой уступки: не идетъ на руку — не давать ѣсть, не давать спать; если ястребъ худъ и слабъ, то лучше просто покормить на рукѣ или въ садкѣ, но никакъ не уменьшать разстоянія въ переходѣ на руку. Вообще выноска — дѣло довольно трудное, и лѣнивому человѣку будетъ не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотникъ, которому можно поручить и довѣрить ястреба на время, а самому часокъ другой уснуть; но надо быть осторожну въ выборѣ помощника; мнѣ не рѣдко случалось видѣть, какъ спитъ охотникъ, присѣвъ къ забору, и спитъ ястребъ, сидя у него на рукѣ, тогда какъ ястребу не слѣдовало въ это время даже и дремать. Можно утвердительно сказать, что едва ли третья часть ястребовъ вынашивается хорошо. Единовременный кормъ самымъ свѣжимъ мясомъ и сбереженіе сытой птицы — также дѣло хлопотливое, и также утверди-

тельно можно сказать, что всѣ ястреба погибаютъ рановременно отъ неосторожности и недосмотра охотниковъ.

Слетка вынашивать всегда гораздо труднѣе, а если попадется прошлогодній ястребъ, и охотникъ захочетъ, за неимѣніемъ другихъ, его непремѣнно выносить, то это требуетъ много времени, хлопотъ и безпокойствъ, да и не благонадежно. Такой ястребъ не можетъ ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать въ черномъ тѣлѣ, слѣдовательно нѣсколько слабымъ, а *изъ тѣла* (то-есть сытый, жирный) онъ ловить не станетъ и при первомъ удобномъ случаѣ улетитъ и пропадетъ.

Слетокъ вынашивается точно такъ же какъ и гнѣздарь, только строже, точнѣе и долѣе. Обращаю вниманіе господъ охотниковъ на послѣднее обстоятельство: чѣмъ долѣе вынашивается ястребъ до начала травли, тѣмъ лучше, тѣмъ благонадежнѣе въ будущемъ. Чтобъ выносить скоро, надобно усмирить ястреба безсонницей и голодомъ, выморить его, а это иногда такъ ослабляетъ силы всего организма, что послѣ ничѣмъ нельзя возстановить его: тогда какъ продолжительная

нóска даетъ возможность выучить ястреба сытаго, полнаго силъ, вкоренить въ него ученье одной привычкой, которая гораздо вѣрнѣе насильственной покорности отъ голода и безсонницы; даже въ продолженіе травли, все свободное отъ охоты время, кромѣ пяти-часоваго сна, надобно носить ястреба на рукѣ постоянно, особенно слетка. Удивительно какая разница между слетками и гнѣздарями! Я пробовалъ кормить послѣднихъ такимъ отличнымъ кормомъ, всегда парнымъ, какого лучше, особенно въ такомъ изобильѣ, не могла доставать мать своимъ ястребятамъ; пойманный слетокъ далеко не бывалъ такъ сытъ, какъ поднимаемый на руку гнѣздарь, но между тѣмъ, всегда слетокъ оказывался какъ-то глаже, чище перомъ, складнѣе, рѣзвѣе и жаднѣе гнѣздаря. У послѣдняго глаза бываютъ бѣлесовато-мутнаго цвѣта, безъ всякаго выраженія, а у слèтка, глаза живые, ярко-желтые, *наигранные*, по выраженію охотниковъ, то-есть зоркіе и блестящіе. Правда, впослѣдствіи и гнѣздарь наиграетъ глаза: они пожелтѣютъ и получатъ нѣкоторый блескъ, но никогда не сравняются съ глазами вольнаго ястреба. — Возвращаюсь къ дѣлу. И такъ

ястребъ, какой бы онъ ни былъ, выношенъ совершенно, то-есть ходитъ на руку отлично, даже безъ вабила, на одинъ свистъ; надобно его притравить: дать ему поймать птицу и накормить до отвалу, на первой пойманной имъ добычѣ. Слетка не нужно притравливать, развѣ для того, чтобъ онъ бралъ птицу покрупнѣе; для гнѣздаря же это самое важное дѣло; если въ клѣткѣ онъ не поваженъ щипать птицу въ перьяхъ, то иногда, будучи уже выношенъ хорошо, не вдругъ бросится на живую птицу, даже не посмотритъ на нее: такого ястреба съ перваго разу не притравишь; но если въ садкѣ ему давали иногда птицъ въ перьяхъ и живыхъ воробьевъ или другихъ птичекъ, то притравить его легко. Охотники увѣряютъ, что притравливать надобно всегда на крупную птицу, и что такой ястребъ перепелятникъ будетъ жаднѣе и станетъ брать вольныхъ крупныхъ птицъ, какъ-то: утокъ чирятъ, не крупныхъ тетеревятъ, дупельшнеповъ, галокъ, сорокъ и голубей. Я въ этомъ сомнѣваюсь, и хотя самъ всегда притравливалъ ястребовъ голубями, и нѣкоторые мои ястреба точно брали поименованныхъ мною птицъ; но, кажется, это происходило

отъ врожденной злобности и отъ крѣпости въ ногахъ и пальцахъ, а не отъ первоначальной притравы, потому-что не всѣ, а только рѣдкіе бывали такъ жадны и сильны; притомъ другіе охотники притравливаютъ обыкновенно перепелками, а ястреба выходятъ отличные и даже иные берутъ дичь и птицу покрупнѣе.

Выношеннаго ястреба, пріученнаго видѣть около себя легавую собаку, притравливаютъ слѣдующимъ образомъ: охотникъ выходитъ съ нимъ на открытое мѣсто, всего лучше за околицу деревни, въ поле; другой охотникъ идетъ рядомъ съ нимъ (впрочемъ можно обойтись и безъ товарища); незамѣтно для ястреба вынимаетъ онъ изъ кармана или изъ *вачика* (*) голубя, предпочтительно молодаго, привязаннаго за ногу тоненькимъ снуркомъ, другой конецъ котораго привязанъ къ рукѣ охотника: это дѣлается для того, чтобъ задержать полетъ голубя и чтобъ, въ случаѣ неудачи, онъ не улетѣлъ совсѣмъ; голубь вспар-

(*) Вачикъ — холщевая или кожаная двойная сумка; въ маленькой сумкѣ лежитъ вабило, безъ котораго никакъ не должно ходить въ поле, а въ большую кладутъ затравленныхъ перепелокъ.

хиваетъ, какъ будто нечаянно, изъ-подъ самыхъ ногъ охотника; ястребъ, опутинки котораго заблаговременно отвязаны отъ должника, бросается, догоняетъ птицу, схватываетъ и падаетъ съ добычею на землю; охотникъ подбѣгаетъ и осторожно помогаетъ ястребу удержать голубя, потому-что послѣдній очень силенъ, и гнѣздарю одному съ нимъ не справиться; нужно придержать голубиныя крылья, и потомъ, не вынимая изъ когтей, отвернуть голубю голову. Тутъ надобно дать полную свободу ястребу: пусть онъ возится и управляется съ добычей, какъ ему угодно, лишь бы мѣсто было гладко; онъ ощиплетъ самъ перья съ голубя, и проглотивъ сначала голову и шею, изорванныя въ кусочки охотникомъ, наѣстся до отвала, такъ-что перестанетъ рвать мясо. Тогда охотникъ, взявъ осторожно ястреба на руку, относитъ его домой, сажаетъ на колодку и не трогаетъ до утра, чтобы онъ могъ выспаться хорошенько. Если притравленіе или притрава совершилась удачно, то повторять ее ненужно; если же, напримѣръ, ястребъ бросился, но не схватилъ голубя, или схватилъ, но не удержалъ, то надобно повторить притраву

и добиться, чтобъ ястребъ взялъ птицу хорошо. Въ случаѣ притравы успѣшной, на другой день послѣ обѣда, когда жаръ посвалитъ, охотникъ идетъ съ ястребомъ въ поле въ сопровожденіи собаки, непремѣнно хорошо дресированной, то-есть, имѣющей крѣпкую стойку и не гоняющейся за взлетѣвшею птицею; послѣднее качество собаки необходимо, особенно для гнѣздаря, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда онъ схватитъ перепелку и свалится съ ней въ траву, то ястребъ испугается, броситъ свою добычу, и трудно будетъ поправить первое впечатлѣніе. И такъ охотникъ выходитъ въ поле, имѣя въ вачикѣ *непремѣнно* вабило; собака пріискиваетъ перепелку, останавливается надъ ней, охотникъ подходитъ какъ можно ближе, поднимаетъ ястреба на рукѣ какъ можно выше, кричитъ *пиль*, собака кидается къ перепелкѣ, она взлетаетъ, ястребъ бросается, догоняетъ, схватываетъ на воздухѣ и опускается съ ней на землю. Повторяется вчерашняя исторія, то-есть, ястребъ накармливается досыта. На третій день начинается настоящая травля, но въ самомъ умѣренномъ числѣ: болѣе осьми и много де-

сяти перепелокъ травить не слѣдуетъ. Притомъ и возни съ ястребомъ будетъ много; въ каждую перепелку онъ такъ вкогтится, что не вдругъ отнимешь, потому-что надобно это дѣлать бережно, отоптавъ кругомъ траву, чтобъ не помять перья у ястреба, и вотъ какимъ образомъ: лѣвою рукою должно закрыть пойманную перепелку отъ глазъ ястреба, вмѣстѣ съ его ногами, а правою рукою — отгибать когти, для чего нужно сначала разогнуть пріемный передній ноготь, и потомъ задній, тогда розогнутся остальные сами собою. Иной ястребъ такъ сердитъ, что когда разогнутъ когти на обѣихъ его ногахъ и отнимутъ добычу, то онъ сожметъ пальцы въ кулачекъ, такъ-что они замрутъ и долго иногда остаются въ этомъ судорожномъ состояніи. Отнявъ перепелку, охотникъ, за спиною у себя, отрываетъ ей голову, кладетъ къ себѣ въ вачикъ, а шейку съ головкой показываетъ ястребу, который и вскакиваетъ съ земли на руку охотника, который, давъ ему клюнуть раза два теплаго перепелинаго мозжечка, остальное прячетъ въ вачикъ и отдаетъ ястребу послѣ окончанія охоты. Охотникъ даетъ время ястребу опомниться, оправляетъ его,

растопыренныя отъ злости, крылья, и когда онъ перестанетъ когтить руку и совсѣмъ успокоится, заставляетъ собаку пріискать новую перепелку: гдѣ ихъ много, особенно около просяницъ, тамъ попадаются онѣ на всякомъ шагу. Если собака пріищетъ выводку поршковъ (перепелятъ), то ихъ травить не надо; во-первыхъ, они подростутъ и къ осени можно ихъ затравить *въ поръ*, и во-вторыхъ, такая легкая добыча балуетъ молодаго ястреба. Одного перваго поршка непремѣнно затравишь, потому-что не знаешь, надъ какой перепелкой стоитъ собака; но потомъ надобно ее отозвать отъ перепелиной выводки и отвесть въ сторону: затравленный поршокъ пойдетъ на кормъ ястреба. — Съ каждымъ днемъ увеличивается число затравленныхъ перепелокъ, и наконецъ травля продолжается отъ выхода охотника въ поле вплоть до ночи. Мнѣ разсказывали, что въ старые годы охотники затравливали по сту перепелокъ, но самъ я болѣе пятидесяти не принашивалъ; впрочемъ другіе, неутомимые охотники, травили и въ мое время до семидесяти штукъ въ одно поле, въ числѣ которыхъ находилось иногда до десяти корос-

телей, особенно къ осени, когда они изъ болотъ всѣ выбѣгаютъ въ поля и опушки. Коростеля беретъ не всякой молодой ястребъ, потому-что коростель кричитъ, когда его догоняютъ; крикъ его похожъ на огрызанье хорька или на щекотанье сороки. Если гнѣздарь не возьметъ его съ перваго раза, то уже не будетъ брать никогда. Слетокъ же крику дергуна не боится.

Бывало въ иной вечеръ, охотники съ четырьмя ястребами приносили болѣе двухъ-сотъ перепелокъ. Это цѣлый ворохъ. За позднимъ временемъ, некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всѣхъ перепелокъ раскладывали на большомъ лубкѣ, заранѣе прилаженномъ на льду въ погребѣ. Это дѣлалось сколько для того, чтобы не-выпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошенько охолодѣла. Теплую, жирную перепелку щипать невозможно, потому-что съ выдернутыми перушками будетъ отставать и прорываться кожа, рястянутая жиромъ до необыкновенной тонины. На другой день, рано поутру, въ прохладной западной тѣни погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а всѣ

дворовыя и горничныя дѣвушки и дѣвочки пополамъ со смѣхомъ, шутками и бранью, щипали перепелокъ; доставалось тутъ охотникамъ, которыхъ въ шутку называли «побродяжками», за ихъ многочисленную добычу, безъ шутокъ надоѣдавшую всѣмъ, потому-что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чѣмъ строго смотрѣла ключница. Перепелокъ сушили, коптили, а всего болѣе солили. Сначала употребляли въ пищу свѣжихъ, въ пастетахъ, соусахъ, и жареныхъ на сковородѣ въ сметанѣ; но скоро онѣ, по своей приторности, такъ надоѣдали, что никто не могъ смотрѣть на нихъ безъ отвращенія. — Число затравленныхъ перепелокъ зависѣло не отъ числа прiисканныхъ собакою, а отъ силы ястреба и, главное, отъ того, что поймавъ перепелку, онъ иногда слишкомъ злобится, когтитъ, не даетъ отнять своей добычи, и время уходитъ даромъ; впрочемъ, у молодаго ястреба это добрый знакъ. Травля тогда бываетъ вполнѣ успѣшна, когда ястребъ немедленно выпускаетъ изъ когтей перепелку, какъ скоро охотникъ наложитъ на нее руку. Это послѣднее дѣлаетъ только

ястребъ старый, пересидѣвшій зиму въ садкѣ; впрочемъ, и молодой гнѣздарь къ концу осени уже перестаетъ сердиться, или, лучше сказать, упрямиться, и легко уступаетъ свою добычу охотнику.

Живо воображая себѣ эту охоту теперь, съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ удивленіемъ вспоминаю, какъ я увлекался єю въ ребячествѣ, и какіе страстные охотники были до нея мои товарищи, люди пожилые и даже старики! Въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ въ Курской, травля перепелокъ составляетъ промыселъ однодворцевъ; но въ Оренбургской губерніи, кажется, и до сихъ поръ никто не охотится за ними для выгодъ денежныхъ. Тогда у насъ было три охотника, я четвертый; соревнованіе кипѣло горячее: чей ястребъ лучше и кто затравитъ перепелокъ больше! Бывало, не знаешь, что̀ дѣлать отъ нетерпѣнія, отъ ожиданія, когда жаръ посвалитъ и можно будетъ ѣхать въ поле. Охотники не позволяютъ травить въ жаркіе дни часовъ до пяти по-полудни, утверждая, что ястребъ залѣнится и заиграетъ. Это точно иногда бываетъ. Въ такомъ случаѣ, если ястребъ какъ-нибудь улетитъ совсѣмъ и черезъ

нѣсколько дней будетъ пойманъ, надобно продержать его нѣкоторое время въ садкѣ, чтобы онъ забылъ свой побѣгъ, и потомъ вынашивать вновь, хотя не такъ уже строго. Впрочемъ, и собакѣ искать, и охотнику ходить, конечно, въ жаръ тяжело; но въ дни сѣренькіе, или къ осени, уже прохладные. какъ скоро ястребъ скинетъ погадку, можно хоть съ утра идти съ нимъ въ поле. Травишь, бывало, до ночи, и всякой разъ ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступаютъ сумерки! По захожденіи солнца перепелки сидятъ уже не такъ крѣпко, летятъ шибче, поднимаются отъ земли выше и перемѣщаются дальше; ястребъ же утомился, ловитъ не жадно, и нерѣдко случается, что онъ не догоняетъ перепелокъ легкихъ, тоесть не такъ разжирѣвшихъ, *чекушъ*, какъ ихъ называютъ охотники, потому-что онѣ налету кричатъ похоже на слоги: *чекъ*, *чекъ чекъ*, — не догонитъ, повернетъ назадъ и прямо сядетъ на руку охотника или на его картузъ, если онъ не подставитъ руки. Это называется: «ястребъ ходитъ на руку съ оборотомъ». — Нечего дѣлать, надо возвращаться домой: сядешь на охотничьи дрожки

и ѣдешь шагомъ, кормя дорогой ястреба и пересчитывая въ умѣ затравленныхъ перепелокъ. Замѣчательно, что этотъ счетъ никогда не бываетъ вѣренъ: какъ не считаешь аккуратно — всегда ошибаешься, хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя.—Безъ сомнѣнія, главное удовольствіе въ охотѣ доставляетъ рѣзвость, ловчивость ястреба и доброе чутье и вѣжливость легавой собаки. Они такъ свыкаются между собою, что это удивительно: ястребъ такъ умѣетъ различать поискъ собаки, что по ея движеніямъ и по маханью хвостомъ знаетъ, когда она близко добирается до перепелки, особенно понимаетъ стойку собаки: онъ уже не спускаетъ съ нея глазъ, блестящихъ какой-то пронзительною ясностію, весь подберется, присядетъ, наклонится впередъ и готовъ броситься каждое мгновеніе. Ястребъ уже совершенно не боится приближенія собаки, не слетаетъ съ нашеста или колодки, когда она подходитъ, и часто подъ самымъ ея рыломъ щиплетъ пойманную добычу. Если ястребъ безъ бубенчика, и свалится съ перепелкой въ высокую траву или нежатый хлѣбъ, то для скорѣйшаго отысканія его обыкновенно употребляютъ собаку,

и она, найдя ястреба, который притаится и приляжетъ въ травѣ, сдѣлаетъ стойку и начнетъ махать хвостомъ отъ удовольствія; если же охотникъ далеко, и ее не видитъ въ густомъ хлѣбѣ, то начинаетъ лаять. Если ястребъ такъ свыкается съ собакой, то еще болѣе привыкаетъ къ своему хозяину: у другаго охотника онъ долго не будетъ такъ ловить и особенно ходить на руку, какъ у того, кто его выносилъ и охотился съ нимъ сначала. Когда перепелки жирны, а ястребъ рѣзовъ и силенъ, то можно не подходить очень близко къ найденной перепелкѣ, а велѣть собакѣ издали спугать ее; тогда на дальнемъ разстояніи можно дольше любоваться рѣзвостью ловчей птицы. Иные горячіе охотники крикомъ поощряютъ въ это время своего ястреба, какъ псовые охотники — собакъ: «Эхъ, милый! ну, — ну, — ну, подцѣпи; не промахнись!» и пр. и пр. Про лихаго ястреба говорятъ, что онъ какъ пуля догоняетъ перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелокъ бываетъ во второй половинѣ августа, и, смотря по погодѣ, иногда въ началѣ сен-

*

тября. перепелки превратятся въ жиръ, отяжелѣютъ, и пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, падаютъ на землю; даже не видя ястреба, поднимаются не охотно, а завидя его, лежатъ такъ плотно, что мнѣ случалось брать ихъ руками; невѣжливая и поваженная къ тому собака переловитъ много такихъ перепелокъ. Съ особенною жадностью охотишься, бывало, въ началѣ сентября, потому-что каждый день ожидаешь перемѣны въ погодѣ и начала *пропаданья* перепелокъ: никакъ нельзя сказать, что онѣ отлетаютъ, — онѣ именно пропадаютъ съ каждымъ днемъ. Это всегда случается при наступленіи холоднаго ненастья, особенно съ сѣвернымъ вѣтромъ или морозомъ. Первое уменьшеніе гораздо значительнѣе и замѣтнѣе, а потомъ съ каждымъ днемъ травишь менѣе и спустишься штукъ на шесть, на пять. Тутъ всѣ охотники обыкновенно бросаютъ травлю; но я продолжалъ ее упорно; ѣздилъ и ходилъ цѣлые дни по всѣмъ любимымъ мѣстамъ исчезающихъ перепелокъ, какъ-то: по широкимъ межамъ, которыя въ Оренбургской губерніи бываютъ въ сажень ширины, поросшимъ густою травою и мелкимъ кустарникомъ чилизника, бобовника и

вишенника, по залежамъ, начинающимъ лужать и зарастающимъ круговинами необыкновенно мягкою и густою шелковистою травкою; также по жнивью зазеленѣвшему по мѣстамъ длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатаго просяница, брошеннаго за малостью урожая. Не одинъ десятокъ верстъ проѣдешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку.... наконецъ нѣтъ ни одной, на другой день тоже — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребовъ бываютъ слѣдующіе: часто случается, что молодой ястребъ *охватывается* и проносится мимо перепелки, или даже садится за ней въ траву, а перепелка, особенно легкая, пробѣжавъ немного, быстро поднимается и возьметъ большой передъ; ястребъ же, оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонитъ; иногда даже схватитъ повидимому перепелку налету и вмѣстѣ съ ней упадетъ на землю: охотникъ подбѣгаетъ и находитъ, что ястребъ держитъ въ когтяхъ траву или какой-нибудь прутикъ, а перепелки и слѣдъ простылъ. Это показы-

ваетъ или горячность, которую охотники выражаютъ словомъ *обзарился*, или — слабость въ ногахъ; первое пройдетъ отъ опытности, а второе, если не происходитъ отъ худобы случайной, бываетъ неисправимо. Худобу же поправить легко: стоитъ дня два поменьше травить, побольше кормить парнымъ мясомъ и побольше давать спать, однимъ словомъ — понатѣлить ястреба. Иногда бываетъ совсѣмъ противное: ястребъ плохо ловитъ отъ лѣни, отъ того что жиренъ; такого, разумѣется, слѣдуетъ повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильныхъ ястребовъ, даже у несытыхъ, встрѣчается иногда особенный недостатокъ: они *носятъ* — говоря по-охотничьи, то-есть, поймавъ перепелку, не сейчасъ опускаются на землю, а летятъ съ нею саженъ пятьдесятъ, а иногда сто, и потомъ опускаются; это очень скучно и утомительно. Для избѣжанья такого невзгодья, подлѣпляютъ у ястреба воскомъ, въ самыхъ корняхъ, пріемные когти, чтобъ они сдѣлались короче, и чтобъ ястребъ, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчасъ опускался съ нею въ траву. Наконецъ попадаются

ястреба просто глупые, тупые, не рѣзво летающіе, лѣнтяи и ротозѣи; они по большой части слабосильны, и такихъ надо выпускать на волю. Хорошаго ловца можно узнать съ перваго взгляда: на рукѣ онъ сидитъ бодро и весело, перо лежитъ у него гладко, головка маленькая, спина широкая, станъ круглый, посадка стопкой, ноги здоровыя и крѣпкія, но не длинныя, емь большая, пальцы твердые, когти острые, умѣренно-круглые (не хорошо, когда они пологи; еще хуже, если слишкомъ круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Вѣрной примѣтой считается, что ястребъ хорошъ, — если у него на хвостѣ находится семь «черней», то-есть семь поперечныхъ темныхъ полосъ. Всѣ противоположные признаки изобличаютъ ястреба посредственнаго или плохаго.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кромѣ перепелокъ и коростелей, весьма незначительна, и обыкновенные охотники ею не занимаются, развѣ представится очень благопріятный случай самъ собою. Но я любилъ эти опыты и пробовалъ травить жадными перепелятниками тетеревятъ, которыхъ

они берутъ очень хорошо, если выводка захвачена въ чистомъ полѣ и если тетеревята малы, а какъ скоро зайдутъ за полтетерева, то такихъ уже догнать не могутъ, да и не удержатъ; дупелей также берутъ хорошо, если они очень жирны и поднимаются изъ-подъ самаго рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняютъ. Я затравилъ въ продолженіе моей охоты съ ястребами, одного жирнаго осенняго валдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищетъ по коростелю въ лѣсной опушкѣ; затравилъ двухъ чирковъ и одного болотнаго молодаго кулика; голубей русскихъ перетравилъ множество, а также галокъ и сорокъ; но только два ястреба изъ нѣсколькихъ десятковъ ловили у меня отлично послѣднихъ трехъ птицъ. По мнѣнію охотниковъ, ихъ потому беретъ не всякій ястребъ, что голубь очень силенъ, галка черна, а сорока щекочетъ и больно дерется клювомъ и ногами. Первая и послѣдняя — причины справедливыя и весьма уважительныя: но точно ли не нравится черный цвѣтъ ястребу — утверждать не могу. Вся хитрость состоитъ въ томъ, что ястребу надобно нечаянно, изъ-за чего-нибудь, близко

налетѣть на этихъ птицъ; въ противномъ случаѣ онъ ихъ не догонитъ. Одинъ охотникъ при мнѣ травилъ сорокъ, даже зимой, старымъ ястребомъ, но вотъ какимъ образомъ: онъ выбрасывалъ кости и всякой соръ подъ самымъ окошкомъ своей избы, сороки налетали, а онъ поднималъ тихонько оконницу, подносилъ ястреба, который, возрясь въ сорокъ, бросался и захватывалъ которую-нибудь почти на мѣстѣ. Этотъ охотникъ, въ продолженіе всей зимы, почти ежедневно травилъ такимъ образомъ сорокъ и кормилъ ими ястреба, который оставался совершенно здоровъ, начиналъ линять очень рано, въ началѣ мая, и совершенно поспѣвалъ къ травлѣ еще въ концѣ іюня мѣсяца: очевидно, что мясо сорокъ хищнымъ птицамъ здорово. Во время линянья надобно ястреба посадить въ садокъ, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могутъ жить у добраго и попечительнаго охотника по нѣскольку лѣтъ; годъ отъ года становятся они перомъ свѣтлѣе, бѣлесоватѣе и наконецъ сдѣлаются какъ-будто сѣдые. У меня не жили ястреба болѣе двухъ зимъ и всегда погибали отъ какого-нибудь недосмотра; одинъ изъ нихъ улетѣлъ во вто-

рую зиму и не воротился: я полагаю, что онъ какъ-нибудь погибъ, потому-что былъ очень ручен и большой пискунъ. Надобно замѣтить, что нѣкоторые гнѣздари пищатъ, когда проголодаются, а другіе — никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица: бралъ все, что ни попало, даже грачей; въ разное время поймалъ болѣе десяти валдшнеповъ; одинъ разъ вцѣпился въ сѣрую дикую утку (полукрякву) и долго плавалъ съ ней по пруду, не смотря на то, что утка ныряла и погружала его въ воду; наконецъ она бросилась въ камышъ, и ястребъ отцѣпился; утокъ-чирятъ ловилъ при всякомъ удобномъ случаѣ; въ шестое лѣто, онъ сталъ не такъ рѣзовъ, и умеръ на седьмую зиму внезапно, отъ какой-то болѣзни; онъ былъ такъ уменъ, что идя въ поле, охотникъ не бралъ его на руку, а только отворялъ чуланъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, — ястребъ вылеталъ и садился на какую-нибудь крышу; охотникъ не обращалъ на него вниманія и отправлялся куда ему надобно; черезъ нѣсколько времени, ястребъ догонялъ его и садился ему на

голову или на плечо, если хозяинъ не подставлялъ руки; иногда случалось, что онъ долго не являлся къ охотнику, но подходя къ знакомымъ березамъ, мимо которыхъ надо было проходить (если идти въ эту сторону), охотникъ всегда находилъ, что ястребъ сидитъ на деревѣ и дожидается его; одинъ разъ прямо съ дерева поймалъ онъ перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому-что тутъ прежде никогда не бывало перепелокъ. У этого ястреба можно было взять изъ когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить въ садокъ на зиму, что̀ часто и дѣлали; только охотникъ накладывалъ руку на пойманную имъ перепелку, какъ ястребъ выпускалъ ее изъ когтей и отпрыгивалъ въ сторону. Повидимому въ немъ уже не было собственной жадности, и онъ ловилъ такъ, по привычкѣ, или какъ бы для удовольствія своего хозяина. Можно себѣ представить, что съ такой умной птицей удовольствіе травли несказанно увеличивалось. Вѣроятно на слѣдующій годъ ястребъ сталъ бы ловить еще тупѣе, но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадокъ силъ. Не смотря на то, что

охотникъ его былъ человѣкъ самый простой и грубый, онъ плакалъ о своемъ лихомъ посѣдѣломъ ловцѣ, и всегда говорилъ: «нѣтъ, мнѣ ужъ не нажить такого ястреба.»

ПРИЛЕТЪ ДИЧИ

И

НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ ПТИЦЪ,

ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предлагаю мои охотничьи замѣтки о прилетѣ дичи, съ 1811-го по 1826-й годъ включительно, кромѣ 1812, 1816 и 1821-го годовъ. Первые восемь лѣтъ я жилъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, что нынѣ Самарская; а послѣдніе пять — въ Белебѣевскомъ уѣздѣ, который и теперь составляетъ часть Оренбургской губерніи. Числа прилета птицы записывались тѣ, въ которыя поднимали дичь *съ земли*, или когда видѣли ее сидящую на водѣ и деревьяхъ, а не тѣ, въ которыя видѣли птицу пролетаю-

щую въ вышинѣ. Пролётъ не то, что пролётъ; пролётъ совершается почти всегда ночью, или по зарямъ, всегда высоко, и свѣдѣнія о немъ бываютъ иногда слишкомъ не точны. Прилётъ значитъ появленіе птицы на мѣстахъ ея обыкновеннаго жительства.

—

1811-й годъ.

(въ бугурусланскомъ уѣздѣ).

Мѣсяцъ мартъ.

14. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи.
21. Скворцы.
22. Жаворонки.
25. Дрозды.
27. Пиголицы. Гусей и лебедей видѣли гораздо ранѣе.
30. Появились по рѣкѣ и по материку пруда нырки.

Апрѣль.

10. Съ этого дня началась дружная весна; птица летѣла всякая.

10. Поднялъ валдшнепа.
12. Появились бекасы и кулички-травники.
13. Утки всѣхъ крупныхъ родовъ и кулички-зуйки.
16. Чирки.
18. Болотные кулики.
20. Кроншнепы и дуппельшнепы.
22. Гаршнепы.
25. Стрепета и журавли.

Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда осенью, сначала на дрожкахъ, а потомъ на саняхъ, продолжалась до 27-го ноября и прекратилась за углубленіемъ снѣга.

—

1813-й годъ.

Февраль.

28. Нашелъ двухъ крохалей или гагаръ на родниковомъ озеркѣ, которое не мерзло и зимой. Должно заключить, что это были утки зимовыя, потому-что въ мартѣ не было совсѣмъ прилета птицы, кромѣ грачей, которые показались 18-го.

Апрѣль.

2. Съ этого числа, по ночамъ и по зарямъ начался валовой пролетъ дичи, особенно утокъ; но на мѣстахъ около рѣки, въ разстояніи десяти верстъ, я нигдѣ не могъ найти даже одной птички.
6. Наконецъ явились необыкновенно запоздавшіе клинтухи и скворцы.
7. Пиголицы, дрозды большіе и малые, а къ удивленію моему, поручейники и черныши. Тепла было очень мало, а потому мало и проталинъ; не смотря на то
8. показались бекасы, которымъ сидѣть было совсѣмъ негдѣ.
9. Появились нырки по рѣкѣ стаями, чего никогда не бываетъ: они показываются всегда парами или въ одиночку. Началось тепло.
12. Вездѣ шатались травники. Поднялъ въ саду валдшнепа. Появились всѣ породы утокъ.
14. Показалось множество мелкихъ куличковъ.
15. Дуппельшнепы.
19. Кроншнепы.

21. Гаршнепы.
26. Журавли.
30. Стрепета.

Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда продолжалась до 30-го ноября.

—

1814-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ птицъ ранній.

8. Прилетѣли грачи.
12. Клинтухи.
20. Пиголицы.
22. Жаворонки.
25. Скворцы, дрозды и нырки.
27. Гуси, лебеди, крупныя утки, даже витютины, всегда прилетающія поздно.
30. Красноножки или щеголи и травники.
31. Вдругъ вездѣ появились валдшнепы.

Апрѣль.

3. Показались болотные и степные кулики и всѣ мелкіе куличкн.
5. Бекасы.

10. Дупели.
12. Гаршнепы.
15. Горлинки.
22. Журавли и стрепета.

—

1815-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ птицъ начался еще ранѣе.

3. Показались грачи.
9. Клинтухи по всѣмъ гумнамъ.
13. Не только нырки, но всѣ крупныя породы утокъ.

Воды, то-есть весеннихъ лужъ, не было нигдѣ, и потому всѣ утки садились по рѣкѣ, мало замерзавшей и зимою, и я никогда не убивалъ столько утокъ, даже въ апрѣлѣ, сколько убилъ въ этомъ году, въ мартѣ. Дни стояли красные, а по ночамъ морозы. Настъ образовался довольно крѣпкой, и ходить по немъ было очень ловко и легко, какъ по паркету.

17. Прилетѣли жаворонки; но гдѣ они сидѣли, неизвѣстно, потому-что проталинъ не было.
19. Оказались валдшнепы, дрозды и скворцы.
23. Убилъ бекаса, но потомъ они не появлялись до 3-го апрѣля.
26. Гуси, лебеди и журавли.

Апрѣль.

1. Дружная весна. Явились витютины и мелкіе кулички всѣхъ родовъ.
3. Болотные кулики.
5. Кроншнепы.
7. Дуппельшнепы и гаршнепы вмѣстѣ.
10. Снѣгъ сошелъ. Вездѣ по полямъ показалось множество стрепетовъ. Два раза выпадалъ потомъ снѣгъ съ морозами и вѣроятно погибло много птицъ.

—

Въ 1816 году, я воротился въ деревню уже къ осени. Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда была необыкновенно добычлива и продолжалась до 7-го декабря.

—

1817-й годъ.

Февраль.

28. Показались клинтухи на гумнахъ и свиристели. Клинтуховъ было очень много.

Мартъ.

6. Прилетѣли грачи.
7. Убилъ на рѣкѣ малаго рода гагару. Клинтухи попадались вездѣ, но до 4-го апрѣля никакой прилетной птички не было, кромѣ жаворонковъ, прилетѣвшихъ на Благовѣщеніе. Время стояло холодное и проталинъ не было.

Апрѣль.

4. Показались пиголицы.
5. Дрозды большіе и малые. Начало сильно таять.
9. Черные кулички и зуйки.
10. Бекасы, витютины, нырки, гуси и видѣли лебедей.

11. Валдшнепы, дуппельшнепы, травники и другіе мелкіе кулички.
15. Крупныя породы утокъ.
17. Болотные кулики.
18. Кроншнепы и чирки во множествѣ.
20. Гаршнепы.
22. Болотные коростели (погоныши).
26. Журавли, которые впрочемъ летѣли уже давно, и стрепста. Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда продолжалась до 20-го ноября.

Прилетъ горлинокъ, погонышей, кречетокъ, курахтановъ болотныхъ и сивокъ рѣдко отмѣчался въ моихъ запискахъ, а прилета луговыхъ коростелей, перепелокъ и болотныхъ куръ — нѣтъ совсѣмъ. Это значитъ, что они прилетали или оказывались поздно, когда я уже переставалъ записывать прилетъ дичи.

—

1818-й годъ.

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
25. Клинтухи, жаворонки и скворцы.

28. Нырки.
31. Дрозды и чибисы. Большой дроздъ-рябинникъ былъ застрѣленъ мною зимой въ январѣ, въ верхней уремѣ рѣки Бугуруслана, гдѣ она мѣстами не мерзла.

Апрѣль.

2. Бекасы.
3. Кулички-травники.
4. Гуси (одного убилъ), черные кулички и зуйки.
6. Крупныя утки и болотные кулики.
7. Дуппельшнепы.
9. Витютины, чирята и всѣ породы мелкихъ куличковъ.
11. Гаршнепы.
13. Кроншнепы и озимыя куры (сивки).
25. Рѣчные кулики и курахтаны. Долго стояли холода и выпадалъ снѣгъ при морозахъ.

Май.

2. Появились журавли на поляхъ.
6. Стрепета.
20. Погоныши.

Осенью 31-го августа и 2-го сентября, было много, въ сравненіи съ другими

годами, пролетныхъ щеголей или красноножекъ. Стрѣльба съ подъѣзда тетеревовъ продолжалась только до 11-го ноября, по множеству выпавшаго снѣга.

—

1819-й годъ.

Мартъ.

19. Прилетѣли грачи.
22. Клинтухи.
26. Жаворонки и скворцы.
29. Пиголицы и дрозды.

Апрѣль.

2. Показались кряковныя утки.
5. Нырки. Было 13 градусовъ морозу.
8. Валдшнепы, въ кустахъ около рѣки.
9. Болотные кулики.
10. Бекасы.
11. Дуппельшнепы и гаршнепы вмѣстѣ, большими высыпками, по размокшимъ луговинамъ. Кроншнепы и малые дрозды.
12. Черные куличкии и зуйки, утки шилохвости и сѣрыя.

14. Кулички-травники, утки чирята и пиголицы, опоздавшія очень много противъ обыкновенія.
19. Витютины и горлинки.
21. Журавли и сивки.
23. Стрепета.
30. Высыпки турахтановъ.

—

1820-й годъ.

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
22. Клинтухи, жаворонки, скворцы, нырки, и кряковныя утки.
23. Большіе дрозды и гуси.
26. Пиголицы.
30. Бекасы.

Апрѣль.

2. Журавли и лебеди (одного убилъ).
3. Черные кулички и зуйки.
4. Травники.
8. Чирята и всѣ другія крупныя и мелкія утки; дуппельшнепы и болотные кулики.

13. Гаршнепы и красноножки.
16. Всѣ мелкіе кулички.
19. Крошнепы и стрепета.
22. Витютины и журавли.
28. Болотные коростели или погоныши.

—

1822-й годъ.

(Въ Белебеевскомъ уѣздѣ.)

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
22. Скворцы, клинтухи, и видѣлъ гусей.
24. Жаворонки.

Апрѣль.

6. Пиголицы.
8. Болотные кулики, кроншнепы, нырки, дрозды большіе и малые.
10. Бекасы и дуппельшнепы вмѣстѣ. — Близко болотъ отъ меня не было, и вся прилетная птица оказывалась по лужамъ на прошлогоднихъ жнивахъ.
11. Чирки, клинтухи и куличики-травники.

13. Гаршнепы, тоже по жнивѣ и лужамъ.

16-го апрѣля выпалъ снѣгъ въ пол-аршина глубиною и не сходилъ трое сутокъ; какъ только показались проталины, то на нихъ свалилась всякая птица: болотная, водяная, степная и лѣсная. Такъ что я билъ на одной и той же проталинѣ: витютиновъ, утокъ и куликовъ.

26. Появились сивки или озимыя куры.

Май.

4. Вдругъ оказались вездѣ стрепета
9. Кречетки. — Подъѣздъ къ тетеревамъ продолжался до 8-го ноября.

—

1823-й годъ.

Мартъ.

15. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи.
27. Жаворонки.
28. Пиголицы.
30. Скворцы и дрозды.

Апрѣль.

1. Убилъ чернаго дрозда, какого никогда не видали въ Белебеевскомъ уѣздѣ. — Появились дрозды малаго роду.
4. Кряковныя утки, крохали и нырки.
9. Бекасы и витютины.
11. Кроншнепы и болотные кулики.
12. Дуппельшнепы и чирята.
13. Гаршнепы.
15. Валдшнепы.
20. Стрепета.
24. Озимыя куры и погоныши.
26. Журавли.

Май.

3. Кречетки. — Подъѣздъ къ тетеревамъ прекратился 20-го октября, по глубинѣ рано выпавшаго во множествѣ снѣга.

—

1824-й годъ.

Мартъ.

11. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи и крупныя утки. Видѣли лебедей.

*

21. Скворцы и дрозды.
23. Пиголицы. До 4-го апрѣля птица не показывалась за стужей. Весны и признака не было.

Апрѣль.

4. Дружная весна, и въ одинъ день я увидѣлъ всю птицу: всякихъ утокъ, журавлей, болотныхъ и степныхъ куликовъ, травниковъ, чернышей и бекасовъ.
7. Показались валдшнепы во множествѣ.
8. Дупели и гаршнепы.
15. Стрепета и кречетки.
29. Озимыя куры.
30. Погоныши.

Октября 18-го я убилъ бекаса въ степи, около большой лужи, когда уже лежалъ и шелъ сильный снѣгъ, котораго 19-го октября выпало столько, что подъѣздъ къ тетеревамъ прекратился. Въ этотъ же годъ снѣгъ засталъ стрепетовъ еще не улетѣвшихъ, и я отыскивалъ ихъ по слѣдамъ, какъ куропатокъ.

—

1825-й годъ.

Мартъ.

22. Прилетѣли грачи.
28. Клинтухи и жаворонки.
30. Скворцы и пиголицы.

Апрѣль.

1. Гуси.
3. Кроншнепы и травники. Видѣлъ пару пролетѣвшихъ бекасовъ.
4. Утки всѣхъ родовъ и дрозды.
5. Лебеди и болотные кулики.
8. Бекасы показались на мѣстахъ.
10. Дупели и гаршнепы вмѣстѣ, высыпками.
14. Журавли.

Это былъ замѣчательный прилетъ: самыя раннія, первыя четыре прилетныя птицы, появились очень поздно; но за то вся остальная птица прилетѣла ранѣе другихъ годовъ, такъ что 14-го апрѣля была вся уже дома, кромѣ стрепетовъ, кречетокъ и озимыхъ куръ, которыя очень запоздали.

Май.

10. Кречетки.
12. Стрепета.
14. Сивки или озимыя куры. Подъѣздъ къ тетеревамъ продолжался до 5-го ноября.

—

1826-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ самый позднiй, хотя время стояло обыкновенное.

28. Прилетѣли грачи.

Апрѣль.

7. Скворцы и жаворонки.
10. Дрозды.
12. Пиголицы.
16. Нашелъ всю птицу прилетѣвшую вдругъ, какъ-то: валдшнеповъ, дупелей, бекасовъ, и гардшнеповъ, кроншнеповъ, болотныхъ куликовъ, травниковъ и утокъ всѣхъ

породъ; но остальная птица появилась опять после долгаго промежутка.

Май.

4. Явились стрепета, кречетки и озимыя куры.
10. Болотные коростельки или погоныши.

Объ отлетѣ дичи у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ замѣтокъ. Причина очевидная: я съ жаромъ занимался охотой и не записывалъ постоянно убыли въ породахъ дичи, хотя не могъ не замѣтить ее. Скажу однако вообще, что птица — пропадаетъ въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Въ концѣ августа, иногда и въ половинѣ, улетаютъ кроншнепы (всегда прежде всѣхъ), болотные кулики и всѣ породы мелкихъ куличковъ; за ними клинтухи и витютины, а горлинки прежде ихъ. Потомъ дупельшнепы, за ними бекасы и наконецъ гаршнепы и валдшнепы. Изъ утиныхъ породъ — ранѣе улетаютъ чирки, но утки держатся

до ноября. Гуси начинаютъ летѣть въ исходѣ августа, но держатся иногда, независимо отъ летящихъ, до половины сентября. Отлетъ журавлей бываетъ въ иные года очень ранній и тянется очень долго. Мнѣ случалось замѣчать летящихъ журавлей въ исходѣ іюля и въ исходѣ сентября: это два мѣсяца! — Народная примѣта, что ранній отлетъ журавлей значитъ раннюю зиму, не всегда сбывается.

ЛОВЛЯ ШАТРОМЪ

ТЕТЕРЕВОВЪ И КУРОПАТОКЪ.

—

Вѣроятно, двѣ трети тетеревовъ и сѣрыхъ куропатокъ, (особенно послѣднихъ), потребляемыхъ въ Россіи въ огромномъ количествѣ, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою*, въ промышленномъ значеніи этого слова; но въ скучное безконечное зимнее время, въ отдаленной деревнѣ, за отсутствіемъ всѣхъ другихъ охотъ, можно и ею заняться съ удовольствіемъ. Я знавалъ многихъ людей, большихъ охотниковъ «крыть

тетеревовъ и куропатокъ». Я самъ въ ранней молодости горячо имъ сочувствовалъ и много ѣзжалъ со стариками, не смотря ни на какую погоду, не только крыть уже приваженную птицу, но даже разставлять привады, — что̀ вѣроятно не многимъ можетъ понравиться. Эта охота имѣетъ свои тонкости, свое знанье дѣла, свое умѣнье, свои удачи и неудачи, слѣдственно имѣетъ свой интересъ.

Шатромъ называется сѣть, связанная изъ суровыхъ, посконныхъ и преимущественно конопляныхъ крѣпкихъ нитокъ. Эта птицеловная снасть представляетъ подобіе колпака или воронки, или, всего ближе — островерхой палатки, *шатра*, отчего и названа очень вѣрно этимъ послѣднимъ именемъ. Квадратныя ячейки шатровой тетеревиной сѣти имѣютъ въ поперечникѣ, вверху шатра, одинъ вершокъ, а внизу — полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтобъ накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самыхъ крыльевъ; чтобъ, обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лезла впередъ, а никакъ не вздумала вынуть голову назадъ и выбѣжать изъ-подъ шатра. Цѣпкость сѣтки зависитъ отъ тонины

нитокъ и ширины петель или ячеекъ. Чѣмъ нитки тоньше, а петли шире, тѣмъ лучше: само собою разумѣется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролезать птица. Величина шатра можетъ быть произвольная; но, по большой части, окружность его, когда шатеръ поставленъ и растянутъ, бываетъ въ десять саженъ.

Охотникъ, занимающійся ловлею шатромъ, еще съ осени наблюдаетъ за тетеревами и знаетъ: много ли ихъ, гдѣ они предпочтительно держатся и куда летаютъ кормиться. Какъ скоро выпадетъ порядочный снѣгъ, онъ ставитъ привады именно на тѣ мѣста, куда тетерева повадились летать за кормомъ. Привада состоитъ изъ нѣсколькихъ овсяныхъ необмолоченныхъ сноповъ, воткнутыхъ въ снѣгъ стоймя, разумѣется кистями къ верху, и непремѣнно изъ кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною въ четырехъ или пяти саженяхъ отъ привады: эта куча соломы впослѣдствіи преобразится въ шалашъ, въ которомъ будетъ сидѣть охотникъ, когда придетъ время крыть тетеревовъ. Разставивъ нѣсколько такихъ привадъ, охотникъ, дни черезъ два, начинаетъ ихъ осматривать, наб-

людая слѣдующія предосторожности: 1-е) Онъ осматриваетъ привады на лошади, въ санкахъ, а не пѣшкомъ, и преимущественно въ полдень, когда тетерева уже побывали на кормовыхъ мѣстахъ и улетѣли на такія, гдѣ они обыкновенно отдыхаютъ, сидя на деревьяхъ, или на землѣ, если снѣгъ еще мелокъ. 2-е) Такъ какъ иногда случается, что тетерева полднюютъ недалеко отъ привадъ, то надобно приближаться къ нимъ весьма осмотрительно, то-есть, не подъѣзжать прямо къ привадѣ, не вылезать изъ саней и не подходить къ ней, а проѣхать мимо поближе (ибо человѣка, ѣдущаго на саняхъ, тетерева не боятся), такъ, чтобъ можно было разглядѣть: бываютъ тетерева на привадѣ или нѣтъ? 3-е) Если слѣдовъ тетеревиныхъ много и снопы растрепаны, обиты и обдерганы, то надобно ихъ оправить и прибавить свѣжихъ; но если тетерева сидятъ близко, то-есть въ виду, то ни подъ какимъ видомъ на приваду не ходить и даже не останавливаться. Оправку старыхъ сноповъ и прибавку новыхъ можно сдѣлать на другой день; а если опять тетерева будутъ сидѣть не подалеку, то сдѣлать все это рано поутру, то-есть

на зарѣ, до ихъ вылета, или поздно вечеромъ, когда они сядутъ на ночевку. Въ свѣтлыя, мѣсячныя ночи оправляютъ привады даже по ночамъ; впрочемъ многіе охотники дѣлаютъ это всегда на утренней зарѣ, для того, чтобы къ прилету тетеревовъ привады находились въ хорошемъ видѣ: это имѣетъ свою полезную сторону. Въ снѣжную, буранную (по-оренбургски) погоду необходимо каждый день ѣздить на привады и отряхивать снопы отъ снѣга, чтобъ они были виднѣе и приманчивѣе. Необходимо также отряхивать снѣгъ съ копны соломы для того, чтобъ тетерева привыкали постоянно видѣть будущій шалашъ.

Если привада стоитъ недѣли двѣ, не посѣщаемая тетеревами, и даже по близости ихъ не видно, то надобно ее перенесть на другое мѣсто; какъ же скоро на нѣкоторыхъ привадахъ тетерева начнутъ ѣсть, то всѣ другія около нихъ слѣдуетъ уничтожить совершенно и закидать снѣгомъ, чтобъ онѣ тетеревовъ не развлекали въ разныя стороны. Ходъ тетеревовъ на привады загадочное дѣло! Въ иной годъ идутъ очень хорошо, а въ другой очень плохо; бываютъ года, что ней-

дутъ совсѣмъ: такъ что гдѣ крыли въ зиму паръ по двѣсти — не покроютъ и двухъ десятковъ. Иногда это можно объяснить случайнымъ изобиліемъ кормовъ (если хлѣбъ остался въ полѣ не сжатымъ), малоснѣжностью зимы, отсутствіемъ сильныхъ морозовъ (*); но иногда нѣтъ ни одной изъ вышесказанныхъ причинъ, тетеревовъ много, а тетерева нейдутъ на привады, да и только! Не одинъ разъ видалъ я, какъ большія тетеревиныя стаи, сидятъ кругомъ привады и щиплятъ себѣ тощія березовыя почки или ольховыя шишки, поглядываютъ умильно на желтыя кисти овсяныхъ сноповъ и — не приближаются къ нимъ! Мало этого: изъ стаи паръ въ сорокъ, два или три тетерева всякой день слетятъ на приваду и ѣдятъ овсяныя зерна до сыта, а всѣ другіе только смотрятъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе,

(*) Въ малоснѣжныя зимы, хлѣбныя жнивы и озими иногда до февраля мало бываютъ покрыты снѣгомъ, и тетерева по привычкѣ продолжаютъ летать на нихъ, для отыскиванья корма. Въ теплыя же зимы, по мнѣнію охотниковъ, тетерева мало ѣдятъ и довольствуются одними древесными почками. Въ обоихъ случаяхъ, они не собираются въ большія стаи. Что холодъ возбуждаетъ аппетитъ у всѣхъ животныхъ — это дѣло извѣстное.

что тетерева имѣютъ, всѣмъ охотникамъ извѣстное, баранье свойство: куда полетѣлъ и гдѣ сѣлъ одинъ — туда полетятъ и тамъ сядутъ всѣ. На этомъ-то основаніи, для большаго привлеченья тетеревовъ, сначала къ привадѣ, потомъ подъ шатеръ, употребляютъ тетеревиныя чучела; въ первомъ случаѣ ставятъ ихъ на длинныхъ шестахъ *около* привады; а въ послѣднемъ на снопы, лежащіе на самой привадѣ. Иногда такая приманка бываетъ очень полезна.

Привада, на которой ѣдятъ постоянно тетерева, получаетъ по немногу свой окончательный видъ, то-есть: въ серединѣ привады становится шестъ, аршина въ три вышиною, на которомъ будетъ держаться сѣть; около него, правильнымъ кругомъ, набиваются колышки, каждый четверти въ полторы, къ которымъ будутъ привязаны веревочками нижніе подборы шатра, — и наконецъ, куча соломы превращается въ шалашъ, въ которомъ могли бы помѣститься два человѣка. Если, послѣ всѣхъ этихъ добавленій, сдѣланныхъ не вдругъ, а постепенно, чтобъ измѣненіемъ вида привады не испугать тетеревовъ, станутъ они ежедневно

и смѣло ѣсть кормъ — слѣдуетъ немедленно крыть птицу. День для сего выбирается не снѣжный и не вѣтреный: снѣгъ заноситъ приваду, налипаетъ на сѣть и можетъ даже повалить шатеръ, а вѣтеръ качаетъ его и также можетъ уронить; и то и другое обстоятельство, особенно послѣднее, (то-есть качка шатра) пугаетъ тетеревовъ и они подъ шатеръ не пойдутъ; однимъ словомъ: чѣмъ морозъ сильнѣе и погода тише, тѣмъ лучше. На зарѣ, за долго до вылета тетеревовъ съ ночевки, охотникъ съ товарищемъ являются на привадѣ и разставляютъ шатеръ: узкимъ концемъ надѣваютъ его на шестъ, подложивъ подъ самый узелъ верхушки небольшую круглую дощечку; нижніе подборы или края привязываются тонкими и крѣпкими веревочками къ колышкамъ (которыхъ бываетъ до двадцати), шатеръ растягивается во всѣ стороны и совершенно представляетъ фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижніе края сѣти поднимаются отъ поверхности снѣга (нѣсколько утоптаннаго) четверти на двѣ, чтобъ тетеревамъ было свободно и не страшно подходить подъ шатеръ. Къ шесту, на которомъ держится вер-

хушка шатра, въ самомъ низу, привязана веревка, протянутая въ шалашъ: она засыпается слегка снѣгомъ, чтобъ ее не было видно. Шестъ, до того времени крѣпко воткнутый острымъ концемъ своимъ въ снѣгъ или землю, тогда обрубается гладко и устанавливается на маленькой дощечкѣ, для того, чтобы дернувъ за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревовъ упавшею на нихъ сѣтью. Устроивъ все хорошенько и затрусивъ свои слѣды, дощечку и веревку, на самой привадѣ мякиной, а около нея снѣгомъ, — охотникъ съ товарищемъ садятся въ шалашъ, затыкаютъ входъ изнутри соломой и, притаясь, смирно дожидаются прилета тетеревовъ.

Долго тянется зимній разсвѣтъ и долго царствуетъ глубокая тишина. Скучно и душно сидѣть въ темномъ шалашѣ. Наконецъ свѣтъ проникаетъ въ его скважины, и на дворѣ наступаетъ *бѣлый день*, какъ говорится; послышится карканье воронъ и щекотанье сорокъ; потомъ *заскрипятъ* снигири и зазвенятъ пронзительно голоса зеленыхъ и голубыхъ синицъ (бѣсковъ — по-оренбургски), также привыкшихъ кормиться около привады. Какъ,

бывало, обрадуешься голосу живой твари! Но вотъ зардѣлся юго-востокъ, солнце готово выкатиться изъ-за горы; наступило время прилета тетеревовъ на приваду, которое, впрочемъ, иногда можетъ замедлиться отъ разныхъ причинъ. Вдругъ прошумѣлъ сильный вѣтеръ.... стая тетеревовъ пронеслась надъ шалашемъ и разсѣлась около него по деревьямъ, а если ихъ нѣтъ по близости (что̀ бываетъ на привадахъ полевыхъ), то по снѣгу; даже садятся иногда на шалашъ и на шатеръ (*). Вотъ самая интересная минута! Видъ шатра такъ иногда поражаетъ тетеревовъ, что они, посидѣвъ нѣсколько минутъ на деревьяхъ, или побродя по снѣгу около привады, — вдругъ улетаютъ, какъ будто чѣмъ испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходятъ подъ шатеръ; иногда подойдутъ два-три тетерева (вѣроятно по смѣлѣе другихъ) и досыта наѣдятся, а всѣ остальные или смотрятъ, или клюютъ.

(*) Однажды при мнѣ тетеревъ сѣлъ на верхушку шалаша, провалился ногами и сталъ биться: охотникъ принужденъ былъ схватить его за ноги и протащить въ шалашъ, чтобъ онъ хлопаньемъ крѣпкихъ своихъ крыльевъ не перепугалъ тетеревовъ.

древесныя почки, точь въ точь, какъ это бываетъ съ первоначала, или въ такіе года, когда нѣтъ хода тетеревамъ на привады. Впрочемъ, такіе случаи — отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. По большой части тетерева, привыкшіе безъ опасенія ежедневно наѣдаться на привадѣ, не смущаются видомъ шатра и, осмотрѣвшись, черезъ нѣсколько минутъ, одинъ за другимъ, всѣ подойдутъ подъ шатеръ. Тогда охотникъ сильно дергаетъ за веревку, шестъ падаетъ, съ нимъ вмѣстѣ падаетъ сѣть, и — тетерева покрыты. Это дѣйствіе называется: «уронить шатеръ». Охотникъ съ товарищемъ выскакиваютъ изъ шалаша и, если тетеревовъ очень много и они, взлетывая, поднимаютъ на себѣ сѣть высоко, такъ что нижніе тетерева, не успѣвшіе запутаться, выбѣгаютъ изъ-подъ шатра и улетаютъ, — охотники бросаются на шатеръ, опускаютъ его къ низу и придерживаютъ нижніе подборы до тѣхъ поръ, пока всѣ покрытые тетерева увязнутъ въ ячейкахъ сѣти. Тогда колятъ ихъ въ голову перьями, тутъ же выдернутыми изъ крыльевъ, или простымъ желѣзнымъ гвоздемъ, или заостренной, крѣпкой деревянной

палочкой, которыми запасаются заранѣе. Чуваши, Мордва и Татары, въ Оренбургской губерніи, очень усердно занимающіеся ловлею тетеревовъ шатрами, съ покрытыми управляются безъ церемоніи, то-есть: не колятъ, а бьютъ ихъ палками. Если тетеревиная стая съ перваго раза покрыта не вся, что́ по большой части бываетъ, то приваду надобно оправить: перья всѣ собрать, утоптанный и окровавленный снѣгъ заметать свѣжимъ и положить новыхъ овсяныхъ сноповъ. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которыхъ была покрыта, черезъ нѣсколько времени опять станутъ прилетать на приваду и ѣсть кормъ, такъ что въ одну зиму, на одной и той же привадѣ, кроютъ тетеревовъ раза три; но иногда, послѣ перваго покрытія, уже ни одинъ тетеревъ на приваду не прилетитъ. Замѣчательно, что оставшееся, иногда небольшое число тетеревовъ, посѣщая по прежнему приваду, нерѣдко приводитъ съ собою новую тетеревиную стаю.

Важною помѣхою въ приваживаніи тетеревовъ, бываютъ большіе ястреба и орлы; они ловятъ тетеревовъ и часто угоняютъ да-

леко съ привады; если это повторится нѣсколько разъ, то тетерева совсѣмъ бросаютъ приваду, хотя бы и привыкли къ ней. Въ такомъ случаѣ, самое лучшее средство — застрѣлить ястреба или орла, по крайней мѣрѣ ранить. Для этого надобно поставить недалеко отъ шалаша чучелу, сдѣланую изъ настоящей тетеревиной кожи съ перьями, привязавъ её крѣпко къ присадѣ (то-есть къ длинному шесту). Орелъ или ястребъ, повадившійся летать на приваду, принявъ чучелу за настоящаго тетерева, вцѣпится въ нее, и охотникъ, караулившій хищника въ шалашѣ, можетъ легко застрѣлить его.

Все до сихъ поръ сказанное мною относится къ тетеревинымъ привадамъ въ началѣ зимы, которыя становятся иногда на хлѣбной жнивѣ, даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса; но когда выпадетъ много снѣгу и глубокіе сугробы совершенно закроютъ самую высокую жниву, тетерева перестанутъ летать въ поля и постоянно держатся около лѣсныхъ мѣстъ и даже въ серединѣ лѣсовъ, по небольшимъ полянамъ; тогда и привады переносятся именно на такія поляны и на лѣсныя опушки. Въ буранныя зимы тетерева

скоро сваливаются въ уремы (*), что *обыкновенно* бываетъ въ концѣ зимы: тамъ для нихъ теплѣе и сытнѣе; охотники и тамъ преслѣдуютъ тетеревовъ своими привадами и, не смотря на изобиліе ольховыхъ шишекъ, соблазняютъ овсяными снопами. Ловля шатромъ производится тѣмъ же порядкомъ.

Если почему-нибудь, уже приваженные тетерева, не прилетятъ именно въ то утро, когда шатеръ поставленъ и охотникъ сидитъ въ шалашѣ, или прилетятъ, но подъ шатеръ не пойдутъ, то нѣкоторые охотники шатра не снимаютъ и оставляютъ его до слѣдующаго утра, а иногда и на нѣсколько дней; будто бы для того, чтобы тетерева къ шатру присмотрѣлись, а въ самомъ дѣлѣ изъ лѣни; но я слыхалъ отъ самыхъ опытныхъ охотниковъ, что этого никогда дѣлать не должно. Не говоря уже о томъ, что шатеръ можетъ упасть отъ многихъ причинъ и закрыть приваду, а если упадетъ въ присутствіи те-

(*) Мнѣ случилось одинъ разъ видѣть свалившихся тетеревовъ въ ольшняковую урему по рѣкѣ Усень (Оренбургской губерніи Белебеевскаго уѣзда), въ такомъ множествѣ, что только своимъ глазамъ можно было повѣрить. Это случилось въ половинѣ ноября.

теревовъ, то непремѣнно ихъ напугаетъ, — шатра не должно оставлять потому, что онъ весь опушится инеемъ и скроетъ совершенно приваду отъ глазъ тетеревовъ. Къ этому должно прибавить, что лежащій на снѣгу шатеръ очень часто портятъ мыши.

Должно сдѣлать общее замѣчаніе, что курочки идутъ на приваду и подъ шатеръ гораздо скорѣе и охотнѣе косачей; это вѣроятно происходитъ отъ того, что курочки вообще смирнѣе. Если стая состоитъ изъ однѣхъ курочекъ, то ее привадить къ корму и покрыть несравненно легче; самыя упорныя и осторожныя бываютъ стаи изъ одних косачей; среднее между ними составляютъ стаи смѣшанныя, въ которыхъ курочки всегда первыя слетаютъ на приваду и подходятъ подъ шатеръ: за ними, иногда очень не скоро, послѣдуютъ и косачи.

Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ ростетъ сосна, и гдѣ водятся вмѣстѣ съ простыми, полевыми тетеревами глухари или глухіе тетерева, — кроютъ и ихъ также простыми тетеревиными шатрами, только всегда въ маломъ числѣ. Обыкновенно глухари прилетаютъ на привады вмѣстѣ съ полевыми те-

теревами, увлекаясь ихъ примѣромъ; одни же они никогда на приваду не пойдутъ, особенно если летаютъ отдѣльною стаей. Одинъ охотникъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, занимаясь крытьемъ тетеревовъ болѣе десяти лѣтъ и видя, что глухари, прилетая иногда къ привадѣ вмѣстѣ съ простыми тетеревами, никогда на нее не шли, а сидѣли въ близкомъ разстояніи на деревьяхъ, преимущественно на соснахъ, ломая крѣпкими своими носами молодые лѣтніе побѣги, называемые погонцами, — вздумалъ употребить эти погонцы для приманки глухарей; онъ нарубилъ верхнихъ побѣговъ съ молодыхъ сосенъ и натыкалъ ихъ на привадѣ, около овсяныхъ сноповъ. Догадка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: глухари стали опускаться на приваду и, купая сначала сосновыя верхушки, стали потомъ ѣсть и овесъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно втыкать сосновые побѣги на привадахъ, если замѣчалъ глухарей въ числѣ простыхъ тетеревовъ. Въ иной годъ, удавалось ему, въ разное время, покрыть въ продолженіе зимы до двухъ десятковъ глухарей; но никогда болѣе трехъ въ одинъ разъ онъ не крывалъ. Я не могу сказать

положительно, существуетъ ли гдѣ нибудь въ Россіи крытье шатромъ собственно однихъ глухихъ тетеревовъ? Если существуетъ, то для нихъ нуженъ шатеръ большаго размѣра, вязанный болѣе широкими петлями, изъ нитокъ болѣе крѣпкихъ и толстыхъ, потому-что стая глухарей, паръ въ двадцать, — разорвутъ или оторвутъ отъ кольевъ обыкновенный тетеревиный шатеръ.

Для куропатокъ, напротивъ, приготовляется шатеръ гораздо мѐньшаго объема: въ окружности саженъ въ шесть; сообразно этому уменьшенію, ячейки вяжутся поуже и нитки употребляются потоньше. Впрочемъ, фигура шатра, его устройство, постановка и весь процессъ ловли — одинъ и тотъ же. Привады кладутся также въ поляхъ, въ началѣ зимы, куда съ осени повадились прилетать куропатки, и потомъ на гумнахъ, куда загонятъ ихъ глубокіе снѣга и мятели. Куропаточьи привады дѣлаются не изъ сноповъ, а изъ хлѣбной мякины всякаго рода: насыпается кругъ мякины, сажень въ поперечникѣ, и во всѣ стороны отъ этого круга, въ видѣ расходящихся лучей, проводятся дорожки изъ той же мякины; длина ихъ произвольная

и, можно сказать, чѣмъ они будутъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Какъ скоро хоть одна куропатка изъ стаи, бѣгающей всегда въ разсыпную, нападетъ на мякинную дорожку, то сейчасъ побѣжитъ по ней и закричитъ призывнымъ крикомъ, похожимъ на куриное кудахтанье; въ одну минуту вся стая сбѣжится и прямо по дорожкѣ отправится на приваду, которую всю разроетъ и выклюетъ. Куропатки очень просты или глупы, какъ выражаются охотники. Если разъ побываютъ онѣ на привадѣ, то на другой же день можно поставить шатеръ и покрыть ихъ всѣхъ *до одной*. Если же, какимъ-нибудь образомъ, нѣсколько куропатокъ выбѣгутъ изъ-подъ шатра и улетятъ, то завтра непремѣнно прилетятъ опять, подбѣгутъ подъ шатеръ и будутъ покрыты.

ВЫНИМАНЬЕ ЛИСЯТЪ.

—

Во многихъ губерніяхъ нашихъ существовало обыкновеніе, и теперь существуетъ, вынимать или доставать изъ норъ лисятъ, выкармливать ихъ и, когда они выростутъ и выкунѣютъ, что̀ бываетъ не ранѣе половины декабря, — воспользоваться ихъ шкурками. Лисьи шкурки, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, имѣютъ разныя цѣны; въ Оренбургской губерніи онѣ продавались отъ шести до десяти рублей ассигнаціями, въ то время, о которомъ я пишу, то-есть около 1808-го года; слѣдовательно это было прибыльно,

*

потому-что деньги тогда были дороже теперешняго. Но кромѣ выгодъ денежныхъ, добыванье лисятъ полезно, какъ истребленіе хищныхъ звѣрей, которые сильно переводятъ всякую дичь и домашнихъ птицъ. Вотъ какъ производилось это добыванье въ старые годы, и вѣроятно также производится теперь: въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда лисята ранняго помёта выростутъ съ обыкновенную кошку, отправляются охотники для отысканія лисьихъ норъ, разумѣется по мѣстамъ болѣе или менѣе имъ извѣстнымъ, удобнымъ для укрыванія лисы съ лисятами. Такія мѣста бываютъ по скатамъ горъ и долинамъ, поросшимъ полевыми кустарниками, иногда по крутымъ оврагамъ, покрытымъ мелкими, древесными побѣгами, но *не лѣсомъ:* по крайней мѣрѣ я не видывалъ, чтобы лиса пометала дѣтей *въ настоящемъ лѣсу;* можетъ быть она знаетъ по инстинкту, что на открытыхъ мѣстахъ безопаснѣе жить ея дѣтямъ, что приближеніе всякой опасности виднѣе и что они, въ случаѣ надобности, могутъ ту же минуту спрятаться въ нору. Если охотникъ отправляется на поискъ одинъ, то непремѣнно долженъ ѣхать верхомъ, а если охотниковъ двое,

то могутъ идти пѣшкомъ. Въ первомъ случаѣ это нужно потому, что лиса, одаренная отъ природы самымъ тонкимъ чутьемъ, не боится только конскаго слѣда и не броситъ своей норы, когда побываетъ на ней человѣкъ верхомъ на лошади; во второмъ случаѣ, необходимо быть двоимъ охотникамъ потому, что найдя нору съ лисятами, одинъ долженъ остаться для караула, а другой воротиться домой за лопатами, заступами, мѣшкомъ или кошелемъ, за хлѣбомъ для собственной пищи и за какимъ-нибудь платьемъ потеплѣе, для ночнаго времени и на случай дождя, ибо для поимки лисятъ надобно оставаться въ полѣ иногда нѣсколько дней. Если же человѣкъ пѣшкомъ побываетъ на норѣ и уйдетъ, то лиса, хотя бы на это время была въ отсутствіи, воротясь, услышитъ чутьемъ слѣды недобраго гостя и непремѣнно уведетъ лисятъ въ другое скрытное мѣсто, сначала не подалеку отъ перваго, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться: случайно ли заходилъ человѣкъ на ея нору, или съ недобрымъ умысломъ? Какъ скоро въ тотъ же, или на другой день, опять появится человѣкъ на норѣ — лиса уводитъ дѣтей дальше; если же,

напротивъ, никто не приходитъ — лиса возвращается съ своими лисятами и поселяется попрежнему въ своей норѣ. Лиса рѣдко вырываетъ нору сама въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть норы сурочьи или барсучьи; собственная нора лисы всегда очень не глубока, коротка и довольно широка: двоимъ работникамъ не трудно разрыть ее въ одинъ день и переловить лисятъ; барсучья нора — почти тоже; но совсѣмъ другая исторія съ норами сурочьими. Сурки живутъ семьями, штукъ по пяти и болѣе. Чѣмъ многочисленнѣе семейство и чѣмъ больше живетъ на одномъ мѣстѣ, тѣмъ больше норъ и подноpковъ (то-есть: заднихъ выходовъ, употребляемыхъ только въ случаѣ особенной надобности), тѣмъ глубже и обширнѣе ихъ подземельные закоулки, и тѣмъ выше и шире становится сурчина или бугоръ земли, выгребаемой изъ норъ при ихъ копаньѣ и ежегодной разчисткѣ. Разрыть такую сурчину, со всѣми ея подземными помѣщеніями, — тяжкая работа, требующая много времени и рукъ. Послѣ разныхъ опытовъ, охотники придумали способъ, какъ доставать лисятъ, не разрывая норы, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые

охотники утверждаютъ, что лиса предварительно истребляетъ семейство сурковъ и потомъ занимаетъ ихъ нору; можетъ быть это и случается, за неимѣньемъ норъ пустыхъ, старыхъ, брошенныхъ сурками; но я всегда находилъ лисятъ въ старыхъ сурочьихъ норахъ, очевидно разчищенныхъ *нѣсколько*, а не *вполнѣ*, уже самою лисою, которой не нужно много мѣста для временнаго помѣщенія. Безъ сомнѣнія, лисѣ не трудно сладить съ суркомъ, но трудно его поймать; онъ вѣчно сидитъ надъ самой норой и при всякомъ шорохѣ прячется въ нее, а нора бываетъ очень длинна, глубока и мѣстами узка, такъ что лисѣ тѣсно лазить для преслѣдованія сурка и даже не пролезть безъ разчистки, по всѣмъ ея закоулкамъ. Впрочемъ, я не считаю невозможнымъ, что лиса, замышляя временное помѣщеніе будущему семейству, въ продолженіе весны переловитъ сурковъ, подстерегши ихъ поодиначкѣ при выходѣ изъ норы. Барсучью нору можетъ занять лиса, разумѣется, только брошенную хозяиномъ, потому-что барсукъ злобенъ и ей не сладить съ нимъ. Нору, въ которой живетъ лиса съ лисятами, узнать не трудно всякому,

сколько-нибудь опытному охотнику: лазъ въ нее угдаженъ и на его бокахъ всегда есть волосья и пухъ отъ влезанья и вылезанья лисы; если лисята уже на возрастѣ, то не любятъ сидѣть въ подземельѣ, а потому мѣсто кругомъ норы утолочено и даже видны лежки и тропинки, по которымъ отбѣгаютъ лисята на нѣкоторое разстоянie отъ норы; около нея валяются кости и перья, остающiяся отъ птицъ и звѣрковъ, которыхъ приноситъ мать на пищу своимъ дѣтямъ, и наконецъ самый вѣрный признакъ — слышенъ сильный и противный запахъ, который всякой почувствуетъ, наклонясь къ отверзтiю норы. Лиса по необходимости должна безпрестанно отлучаться отъ дѣтей, когда перестанетъ кормить ихъ своимъ молокомъ. Ей нужно не только самой питаться, но и доставать пищу лисятамъ, а потому она въ норѣ почти не живетъ: принесетъ какого-нибудь звѣрка или птицу, притащитъ иногда часть падали (*), которую волочитъ по землѣ, не имѣя силы нести во рту, и, отдавъ дѣтямъ, снова отправляется

(*) Около норы часто находятъ кости бараньи, телячьи и даже кости коровъ и лошадей.

на добычу. Многіе охотники своими глазами наблюдали такія явленія. Въ эту трудную пору, лиса бываетъ такъ худа, какъ скелетъ, кожа на ней виситъ и шерсть вся въ клочьяхъ. По большой части лиса приноситъ дѣтямъ зайцевъ и зайчатъ, тетеревятъ и тетеревиныхъ матокъ: видно эту дичь ей легче доставать; впрочемъ, таскаетъ тушканчиковъ (*), сусликовъ и даже молодыхъ сурковъ, куръ, гусей, утокъ и всякихъ другихъ дворовыхъ и дикихъ птицъ безъ исключенія.

Удостовѣрясь по вышесказаннымъ мною признакамъ, что лисята точно находятся въ норѣ, охотники съ того начинаютъ, что, оставя одинъ главный выходъ, всѣ другія норы и поднорки забиваютъ землей и зако-

(*) Тушканчикъ — земляной зайчикъ, величиною вчетверо менѣе обыкновеннаго зайца. Сидя на заднихъ лапкахъ у своей норы, по зорямъ утреннимъ и вечернимъ и даже ночью, онъ громко свищетъ. Этотъ свистъ далеко бываетъ слышенъ въ тихомъ воздухѣ. Зиму онъ проводитъ въ норѣ, вѣроятно въ такомъ же снѣ или оцѣпенѣніи, какъ и сурокъ, вмѣстѣ съ которыми появляется весною. Я пробовалъ держать тушканчиковъ въ клѣткахъ и ящикахъ съ прорѣзными отверстіями, но они не ѣли травы, имъ въ изобиліи предлагаемой, и скоро умирали.

лачиваютъ деревомъ наглухо; главную нору, ощупавъ ея направленіе палкой на сажень отъ выхода, пробиваютъ сверху четвероугольной шахтой (ямой, называемый «подъямокъ»), дно которой должно быть глубже норы, по крайней мѣрѣ на два аршина; четырехъугольныя стѣнки этой шахты, имѣющей, въ квадратномъ поперечникѣ, около полутора аршина, должны быть совершенно отвѣсны и даже къ низу нѣсколько просторнѣе, чѣмъ къ верху, для того, чтобы лисята, попавъ въ этотъ колодезь или западню, никакъ не могли выскочить. Пересѣченную шахтою нору соединяютъ мостикомъ изъ тоненькихъ прутиковъ или сухихъ бастылинъ, закрывъ ихъ мелкою травою и засыпавъ легонько землей; верхъ ямы закрываютъ плотно прутьями и травой, чтобы свѣтъ не проходилъ. Когда выгоняемый голодомъ и вызываемый завываньемъ и лаемъ матери, лисенокъ ступитъ на этотъ мостикъ, считая его продолженіемъ дна норы, то сейчасъ провалится, и выскочить изъ подъямка уже никакъ не можетъ; онъ начнетъ сильно визжать и скучать, такъ-что охотникъ услышитъ и вынетъ его, а мостикъ поправитъ и опять насторожитъ:

черезъ нѣсколько времени попадетъ другой, и такимъ образомъ переловятъ всѣхъ лисятъ, которыхъ бываетъ до девяти. Если они уже велики, то иногда приходится вымаривать ихъ съ недѣлю. Въ продолженіе этой ловли, или, вѣрнѣе сказать, подстереганья лисятъ, охотники наблюдаютъ большую осторожность; ночью всегда остаются двое и попеременню не спятъ: ночью лиса бываетъ такъ смѣла, что подходитъ на нѣсколько сажень къ человѣку, особенно когда услышитъ голосъ попавшагося въ западню лисенка, и, если караульный заснетъ, она отроетъ который-нибудь изъ подноpковъ и уведетъ лисятъ, что случалось не одинъ разъ и въ мое время съ сонливыми караульщиками. Многіе охотники говорятъ, что при лисятахъ бываютъ отецъ и мать, то-есть самецъ и самка. Мнѣ сказывали даже, что одинъ глупый охотникъ застрѣлилъ близко подошедшую лису (шкура ея, въ это время года, никуда не годится), и что это былъ самецъ; но я сомнѣваюсь въ вѣрности разсказа, судя по ихъ *течкѣ*, сходной съ течкою собакъ, у которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, отцы не имѣютъ не малѣйшаго чувства къ дѣтямъ,

никогда ихъ не знаютъ и вообще терпѣть не могутъ маленькихъ щенятъ и готовы задавить ихъ.

Пойманныхъ лисятъ сажаютъ въ лисятникъ (нарочно для того построенную амбарушку), съ крѣпкимъ поломъ, потолкомъ и толстою дверью: въ противномъ случаѣ лисята какъ разъ прогрызутъ отверзтіе и всѣ уйдутъ. Кормятъ ихъ всякимъ мясомъ, даже дохлой скотиной, хлѣбомъ, творогомъ, а за неимѣніемъ всего этого — овсянкой, какъ борзыхъ собакъ.

Я помню, когда былъ еще ребенкомъ, что насъ одолѣвали грачи, переселившіеся изъ сосѣдней рѣчной уремы въ садовыя березовыя рощи и губившіе ихъ безжалостно; чтобы отогнать эту докучливую птицу, всякой день разоряли гнѣзда грачей и приносили по нѣскольку десятковъ грачатъ, которыхъ отдавали лисятамъ; это было лакомство для нихъ, и они съ жадностью съѣдали, каждый лисенокъ — по пяти и болѣе грачатъ. Помню также, что по множеству ловимой рыбы, бросали лисятамъ мелкую плотву и щурятъ, и что они кушали ихъ съ большимъ аппетитомъ.

Въ одномъ осьми-аршинномъ лисятникѣ, болѣе десяти или двѣнадцати лисятъ, держать не годится: когда сдѣлается холодно, они начнутъ жаться въ кучу, отъ чего нижнимъ и среднимъ бываетъ такъ жарко, что шерсть на нихъ подопрѣваетъ. Не смотря на видимую дружбу во время холода, лисята бываютъ очень не дружны и злобны между собой: жестоко грызутся за кормъ и въ случаѣ голода, пожираютъ другъ друга. Лисятникъ надобно содержать въ чистотѣ и сухости, если охотникъ хочетъ получить хорошія шкуры: лѣтомъ и осенью ежедневно чистить и усыпать полъ пескомъ, а когда выпадетъ снѣгъ, то всякой день накидывать свѣжаго снѣга, о который они трутся и лучше выцвѣтаютъ, или выкуниваютъ. Сытые лисята очень живы и рѣзвы; они любятъ играть и прыгать по лавкамъ, которыя нарочно для того устроиваютъ въ лисятникѣ; они весьма похожи на щенятъ выборзковъ, только въ первомъ своемъ возрастѣ, покуда не сложились, покуда не распушились ихъ хвосты и покуда безцвѣтные, молочные, какъ называютъ охотники, глаза ихъ не загорѣлись тѣмъ фосфорическимъ блескомъ, отъ кото-

раго свѣтятся они въ темную ночь и во всякомъ темномъ мѣстѣ. Не охотникъ, невидавшій лисятъ прежде, съ перваго взгляда не различитъ лисенка отъ обыкновеннаго щенка выборзка; но всмотрѣвшись пристально, по выраженію даже молочныхъ глазъ, можно узнать, что это дикой и въ тоже время хищный звѣрь.

При одиночномъ воспитаніи лисенка, постоянно между людьми и домашними животными, дикость его постепенно уменьшается, и онъ можетъ сдѣлаться совершенно ручнымъ; но это требуетъ безпрестанныхъ заботъ и попеченій, чтобы лисенокъ не ушелъ сначала, покуда еще не привыкъ; притомъ его не должно кормить мясною пищею и особенно сырымъ мясомъ. Многіе охотники утверждаютъ, что лису можно перевоспитать и совершенно обратить въ дворную собаку. Я не дѣлалъ такихъ опытовъ, но слыхалъ о нихъ отъ людей достовѣрныхъ. Въ этомъ даже нельзя сомнѣваться: всѣмъ извѣстно, что знаменитый Бюффонъ воспиталъ двухъ лисъ, которыя ходили подъ ружьемъ, какъ легавыя собаки.

Я очень любилъ разсматривать и наблюдать лисятъ въ узкія и длинныя отверзтія лисятника (какія дѣлаются въ конюшняхъ), которыя нарочно вырубаются, высоко отъ пола, для свободнаго протока воздуха, безъ чего въ лисятникѣ, лѣтомъ, было бы очень жарко и душно. Когда лисята сыты, они играютъ между собой, точно какъ щенята: прыгаютъ, гоняются другъ за другомъ, прячутся по угламъ и подъ лавками, притворяются спящими, и вдругъ бросаются на того, который нечаянно подойдетъ къ нимъ; подкрадываются одинъ къ другому ползкомъ и соединяютъ въ своихъ пріемахъ и ухваткахъ, вмѣстѣ съ собачьимъ, что-то кошачье. Если лисята голодны, то ссорятся и грызутся безпрестанно; если кормъ получатъ только нѣкоторые, то всѣ остальные бросятся отнимать; если каждому лисенку дано по куску хлѣба, мяса, или по птицѣ, то всѣ разбѣгутся въ разныя стороны, и который съѣстъ проворнѣе свою добычу, тотъ кинется отбивать у другаго, не доѣвшаго своего участка. Когда кормъ дается общій, въ корытѣ, то поневолѣ ѣдятъ вмѣстѣ, но безпрестанно огрызаясь другъ на друга. Лисята очень прожорливы и трудно

ихъ накормить до отвала; до живыхъ птицъ весьма лакомы, и прежде чѣмъ начнутъ ѣсть, перегрызаютъ имъ крылья, а потомъ шею, что̀ дѣлаютъ даже и съ мертвыми птицами; очевидное доказательство слѣпаго инстинкта, который не умѣетъ различать живыхъ птицъ отъ мертвыхъ, и употребляетъ ненужную предосторожность.

Будучи въ ребячествѣ безотчетно-страстнымъ охотникомъ до всякой ловли, я считалъ, бывало, большимъ праздникомъ, когда отпускали меня на лисьи норы; я много разъ ночевывалъ тамъ, и часто не спалъ до восхода солнца, замѣняя караульщика. Тутъ я наслушался, какими разными голосами, похожими на сиплый лай и завыванье собакъ, манитъ лиса своихъ лисятъ, и какъ они, въ отвѣтъ ей, также скучатъ и слегка взлаиваютъ. Лиса безпрестанно бѣгаетъ кругомъ норы и пробуетъ манить дѣтей, то громко, то тихо. Какъ скоро взойдетъ солнце, она удаляется. Должно признаться, что ни малѣйшее чувство жалости не входило мнѣ тогда ни въ сердце, ни въ голову. Впрочемъ, это всегда такъ бываетъ: мальчикъ-охотникъ — существо самое безжалостное въ отношеніи

къ звѣрямъ и птицамъ. Оставя въ сторонѣ охоту, уже непонятную въ зрѣломъ возрастѣ, я не могу однако вспоминать безъ живаго удовольствія, какъ хороши были этѣ ночевки, въ полѣ, послѣ жаркаго дня, въ прохладномъ ночномъ воздухѣ, напоенномъ ароматами горныхъ, степныхъ травъ, при звучномъ боѣ перепеловъ, крикахъ коростелей и посвистываньяхъ тушканчиковъ и сурковъ. Какъ сладко дремалось передъ солнечнымъ восходомъ и потомъ, какъ крѣпко спалось подъ кожаномъ, или ергакомъ, короткой мѣхъ котораго серебрился утренней росою!...

ОХОТА СЪ ОСТРОГОЮ.

—

Охота съ острогою можетъ доставить много удовольствія, особенно потому, что производится въ позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать: слѣдственно первой, лучшей изъ рыболовныхъ охотъ — уже не существуетъ; да и другими способами, въ это время года, ловить рыбу не удобно. Не меньшее преимущество этой охоты состоитъ въ томъ, что острогою бьется крупная рыба, какъ-то: щуки, сомы, жерихи, судаки и проч., достигающіе иногда такой величины, что обыкновенныя рыболовныя снасти ихъ не удержатъ:

я разумѣю бредни, небольшіе невода, сѣти и вятили. Надобно еще прибавить, что эта охота бываетъ ночью, и весь короткой, осенній день остается свободнымъ для охотника и онъ можетъ заниматься всякими другими охотами, существующими въ позднее, осеннее время года. Охота съ острогою имѣетъ въ себѣ даже много поэтическаго, и хотя люди, занимающіеся ею, повидимому не способны принимать поэтическихъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ, понимаютъ ихъ безсознательно, говоря только, что «ѣздить съ острогою весело!»

Охота съ острогою требуетъ трехъ условій: темной ночи, свѣтлой воды и совершенно тихой погоды; первымъ двумъ условіямъ всегда удовлетволяетъ осень, то-есть: ночи дѣлаются длинны и темны, а вода отъ морозовъ становится совершенно прозрачною; третьяго условія — тишины, надо выжидать. Охота производится на лодкѣ небольшой, но и не маленькой; лодка должна быть легка, ходка, но не качка̀ и не вертлява и довольно глубока. Къ кормѣ ея, на прочной, желѣзной рукояткѣ, придѣлывается желѣзная же четвероугольная рѣшетка, около аршина въ

квадратѣ, на которой долженъ горѣть постоянный огонь, яркой, но спокойный, для чего нужно имѣть въ лодкѣ порядочный запасъ мелко наколотыхъ, сухихъ, березовыхъ дровъ. Рѣшетка, посредствомъ изогнутой къ верху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освѣщать воду до дна. Бой рыбы острогою можетъ производиться только на водахъ тихихъ или стоячихъ: на прудахъ, озерахъ и на большихъ затонахъ, или заливахъ рѣкъ порядочной величины, но не быстро текущихъ. Въ темную осеннюю ночь (чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотниковъ въ лодку: одинъ на кормѣ съ весломъ, а другой съ острогою почти посрединѣ, немного поближе къ носу; двѣ запасныя остроги кладутся въ лодку: одна обыкновенной величины или нѣсколько поболѣе, а другая очень большая для самой крупной рыбы, съ длинною, тонкою, но крѣпкою бичевкою, привязанною за желѣзное кольцо къ верхнему концу остроги. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, что отрога имѣетъ фигуру столовой вилки, только съ короткими зубьями, которыхъ числомъ бываетъ отъ пяти до семи; каждый зубъ или игла бы-

ваетъ не короче четырехъ вершковъ и оканчивается зазубриной, точно такою, какая дѣлается на концѣ рыболовнаго крючка, для того, чтобы проколотая острогою рыба не могла сорваться; желѣзная острога прикрѣпляется очень прочно къ деревянному шесту, крѣпкому, гладкому, сухому и легкому, длиною въ сажень и даже въ полторы, но никакъ не длиннѣе, потому-что рыбу приходится бить не болѣе какъ на трехъ-аршинной глубинѣ, а побольшой части на двухъ-аршинной и менѣе. Трехъ-аршинную глубину воды огонь озаряетъ неясно, да и дѣйствовать острогою, чѣмъ глубже вода, тѣмъ тяжеле и труднѣе: и глазъ и рука становятся невѣрны. Попасть въ рыбу острогою, кажется дѣло не хитрое; но не всякой къ нему способенъ: кромѣ вѣрнаго глаза и вѣрной сильной руки, надобно имѣть много сметки и ловкости. Даже человѣкъ, имѣющій всѣ эти качества и получившій подробныя наставленія отъ опытнаго бойца, сначала будетъ ошибаться, и, не попадая въ настоящее мѣсто, станетъ попадать близко къ хвосту или въ конецъ рыбьей головы, или будетъ совершенно промахиваться. Самое

главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы отгадать мѣру разстоянія, пунктъ, съ котораго тихое, медленное опущеніе остроги — должно мгновенно перейти въ быстрый ударъ. Эту мѣру можно приблизительно положить отъ полуторы до двухъ четвертей отъ рыбы. Острога опускается въ воду не прямо надъ рыбою, не отвѣсно, потому-что въ этомъ положеніи шестъ остроги и рука человѣческая закрыли бы рыбу, и умѣтить въ нее было бы невозможно. И такъ, острога опускается сначала мимо рыбы и, когда подойдетъ къ ней такъ близко, что надобно уже ударить, — осторожно переносится на цѣль и направляется противъ рыбьей спины. Самымъ лучшимъ ударомъ считается тотъ, который угодитъ въ спину, не далѣе, какъ пальца на три отъ головы. Такой ударъ лишаетъ возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на острогѣ, что̀ непремѣнно случится, если острога попадетъ близко къ хвосту, или къ концу рыла; въ обоихъ этихъ случаяхъ большая рыба легко можетъ сорваться и, не смотря на жестокія раны, отъ которыхъ въ послѣдствіи уснетъ, — можетъ уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже

ударъ въ самый лобъ, случающійся очень рѣдко, если не убьетъ рыбу наповалъ, даетъ ей возможность и возиться, и сойти съ остроги. Правящій весломъ долженъ быть также мастеръ своего дѣла, потому-что управленіе лодкою во время плаванья за рыбою съ острогою, совсѣмъ не то, что плаванье на лодкѣ въ обыкновенное время; даже весло нужно другое: нѣсколько пошире, похожее на деревянную лопатку, но въ тоже время — самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться впередъ ровно, тихо и безъ всякаго волненія водяной поверхности; весло никогда не вынимается изъ воды и всѣ повороты, всѣ движенія производятся подъ водою, подобно тому, какъ производитъ ихъ, своими веслообразными лапами, гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобы дать болѣе ясное и болѣе полное понятіе объ этой охотѣ, я опишу со всѣми подробностями одну изъ моихъ, самыхъ замѣчательныхъ и добычливыхъ поѣздокъ съ острогою, въ которой я, по молодости моихъ лѣтъ, былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицемъ.

Длинны, темны становились осенія ночи;

морозы прохватили, остудили воду, осадили на дно водяныя травы: шмару, плесень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и свѣтла стала вода въ полояхъ и заливахъ нашего широкаго пруда. Уже нѣсколько времени поговаривали охотники, что «пора ѣздить съ острогою», собирались и наконецъ собрались; взяли и меня съ собою. Время стояло самое благопріятное, то-есть: было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на рѣшеткѣ, уложили въ лодку все нужное, усѣлись безъ шума, оттолкнулись отъ берега и поплыли по полоямъ. Огонь ярко освѣщалъ только небольшое, кругловатое пространство около рѣшетки; даже носъ лодки освѣщался уже слабо; кругъ свѣта скоро поглощался мракомъ, и еще темнѣе, чернѣе казалась ночь, охватившая насъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, безграничное пространство воды окружало насъ; въ густомъ мракѣ не видно было ни камышей, ни плотины, ни береговъ; одна лодка плыла въ свѣтломъ кругѣ. Я сидѣлъ спиной къ огню; лице и весь образъ рыбака съ острогою, молодаго и крѣпкаго человѣка, сидящаго противъ меня, были ярко

освѣщены. Когда же я оглядывался на стараго рыбака съ весломъ, освѣщаемаго и даже подогрѣваемаго сзади, то онъ представлялся черною фигурою, образомъ безъ лица, рисовавшимся на огненномъ кругѣ; при всякомъ поворотѣ лодки или движеніи гребца, свѣтъ обливалъ его то съ лѣва то съ права и, казалось, заглядывалъ ему въ лице. Видъ съ берега на плавающую съ огнемъ лодку по водѣ — также очень живописенъ. Какъ очарованная, до половины ярко освѣщенная, какъ будто предводимая пламенемъ, двигалась лодка безъ шума и по видимому безъ движенія, безъ участія сидящихъ въ ней какихъ-то призраковъ.

Скоро стала попадаться намъ спящая мелкая рыба, стоявшая или, лучше сказать, лежавшая на днѣ, по маленькимъ ямкамъ и впадинамъ; охотники не обращали на нее вниманія; меня же очень занимало разсматриванье тинистаго прудоваго дна, освѣщеннаго огнемъ. Вдругъ снималась пелена съ другаго неизвѣстнаго міра, съ его разными почвами неровностями, растеніями и спящими обитателями!... Мнѣ заранѣе приказано было сидѣть смирно и громко не говорить, и я только

шепотомъ или пальцемъ указывалъ на рыбу, мимо которой мы проѣзжали и которая казалась мнѣ довольно большою и стоющею удара остроги. Я ошибался, потому-что рыба въ водѣ, особенно ночью, при огненномъ освѣщеніи, кажется гораздо крупнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Молодой рыбакъ, державшій въ рукѣ острогу, положа ее поперекъ лодки, не слушалъ меня и только трясеніемъ головы или отрывистымъ шепотомъ: «это все дрянь, сидите смирно» — отвѣчалъ на мои знаки и слова. Наконецъ поплыли мы по протоку: такъ называлось извилистое, длинное протяженіе, пересѣкавшее діагонально почти весь прудъ, никогда не зароставшее травою; вѣроятно это былъ когда-нибудь материкъ рѣки, старица, какъ его называютъ, если онъ не затопленъ водою; можетъ быть также, что это былъ овражекъ, по которому нѣкогда бѣжалъ ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но большею частію простиралась отъ полутора до двухъ аршинъ, и не смотря на то, была вдвое глубже окружавшихъ его полоевъ. Протокъ имѣлъ подъ водою свои собственные берега, оброставшіе густыми, водя-

ными травами въ лѣтнее время, разстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитыя сверху морозами, они опустились и лежали по дну грядами, наклонясь въ одну сторону. Въ этомъ-то протокѣ начала попадаться намъ крупная рыба: «придержи» — шепнулъ главный рыбакъ; лодка пріостановилась, острога скользнула въ воду, шла сначала медленно, потомъ быстро вонзилась, и черезъ нѣсколько секундъ былъ осторожно вытащенъ огромный язь, по крайней мѣрѣ фунтовъ въ шесть, увязшій въ зубьяхъ остроги; зазубрины такъ въѣлись въ тѣло язя, что даже руками не вдругъ его сняли. Вторая добыча попалась — окунь такой величины, какого въ нашемъ пруду ни прежде, ни послѣ не лавливали. Къ сожалѣнію, тогда не взвѣшивали рыбу, и я не могу положительно сказать, сколько вѣсилъ этотъ окунь; но конечно въ немъ было болѣе пяти фунтовъ Потомъ стали попадаться средніе язи и окуни, которыхъ набили десятка полтора. Вытащили также нѣсколько очень крупныхъ плотицъ. Изрѣдка наѣзжали на щукъ, отъ трехъ до семи и до десяти фунтовъ, (говоря примѣрно), которыхъ также убили штукъ

пять, не считая мелкихъ: щукамъ не давали пощады и били всякаго щуренка, котораго только могли зацѣпить зубья остроги. Такое озлобленіе на щукъ происходило отъ того, что онѣ слишкомъ развелись и безъ сомнѣнія поѣдали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться намъ чаще по заливамъ, около камышей и предпочтительно въ озеркахъ, кругомъ обросшихъ камышами, и также въ отлогихъ впадинахъ, которыя оканчивались материкомъ рѣки. Не должно думать, что рыбакъ убивалъ всякую рыбу, которая намъ попадалась; напротивъ, нѣкоторыя были такъ чутки, что уходили при одномъ приближеніи лодки, а другія уходили по большой части въ то время, когда направлялась въ нихъ острога. Надобно также замѣтить, что при вытаскиваніи порядочной рыбы нельзя было обойтись безъ нѣкотораго шума и движенія воды, и потому много уходило рыбъ, которыя стояли и спали поблизости. Наконецъ выплыли мы на материкъ и, поднявшись довольно далеко въ верхъ, поворотили узкимъ, но глубокимъ заливомъ опять въ камышъ, и только стали входить въ круглое широкое озеро, какъ рыбакъ подозрилъ

щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, не вдалекѣ отъ сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда онъ, положа свою острогу, взялъ изъ лодки самую большую. Я понялъ, что̀ это значитъ. Шепотомъ и знаками указалъ онъ своему товарищу мѣсто, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мнѣ толстою и длинною деревянною плахою, или вершиной бревна, лежащаго на днѣ. Съ удвоенною осторожностью направилъ рыбакъ свой трезубецъ или, правильнѣе сказать, семизубецъ, долго наводилъ и мѣтилъ, и наконецъ ударилъ изо-всѣхъ силъ, проворно приподнялся на ноги, придавилъ, что есть мочи, острогу, и оттолкнулъ отъ себя.... вода точно закипѣла подъ нами, лодка зашаталась отъ толчка и волненія, и я очень испугался, хотя глубина была не больше двухъ аршинъ и хотя тогда я боялся воды менѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Повернувшись и сильно взволнованъ воду, щука бросилась сначала какъ стрѣла; но потомъ пошла тише; шестъ въ наклоненномъ положеніи до половины торчалъ изъ воды: собственная тяжесть и

крѣпкая бичевка, привязанная къ верхнему концу, склоняли его на бокъ. Щука шла прямо изъ озера въ материкъ рѣки. Держа въ рукахъ конецъ бичевки, молодой рыбакъ уже громкимъ и веселымъ голосомъ сказалъ: «попалась, утятница! давно я до тебя добирался!» но другой рыбакъ отвѣчалъ почти сердито: «ну, ну, погоди радоваться. Веревку то не выпусти изъ рукъ.» Въ самомъ дѣлѣ, веревка стала натягиваться, рыбакъ замоталъ ее за руку, и мы поплыли вслѣдъ за щукою, увлекаемые ею. Сойдя въ материкъ, она сначала не одинъ разъ погружала въ воду весь, слишкомъ четырехъ-аршинный шестъ, но потомъ начала утомляться: металась, всплывала наверхъ, пыталась бросаться въ камышъ, чтобы вырвать изъ себя острогу, но напрасно; рыба видимо изнемогала. Рыбакъ черезъ нѣсколько времени, не менѣе какъ черезъ полчаса, подтащилъ къ себѣ за бичевку верхній конецъ шеста, взялъ его въ обѣ руки, всталъ на ноги и опять притиснулъ; но щука уже не бросилась такъ быстро, какъ въ первый разъ, а сдѣлала небольшое движеніе саженъ на шесть впередъ, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащивъ щуку саженъ

пять на бичевкѣ, рыбаки рѣшились поднять ее и положить въ лодку. Мы вошли въ извѣстный уже читателямъ протокъ, устье котораго было отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба рыбака, не безъ труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее въ лодку, не вынимая остроги; она была еще жива, разѣвала ротъ, но не шевелилась. Шестъ положили ко мнѣ на плечо; я придерживалъ его обѣими руками, чтобы онъ не свалился въ воду и не мѣшалъ плыть. Молодой рыбакъ также взялъ весло, сѣлъ на носъ лодки, и мы полетѣли какъ стрѣла къ мельничному каузу. Тамъ мы позвали мельника и, съ помощію его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тѣмъ набѣжали помольщики изъ мельничнаго амбара, разглядѣли, при свѣтѣ зажженной лучины, славную добычу и раздались громкія восклицанія удовольствія и удивленія. Между помольцами случился одинъ, очень малаго роста, и сейчасъ посыпались на него шутки. «Ну, Гришка, говорилъ одинъ, очень высокой ростомъ; хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты лѣтось вѣдь купался здѣсь: зглонула бы она тебя, какъ утенка, и поми-

най какъ звали—пропалъ бы ты безъ вѣсти!»
—«Нѣтъ, нѣтъ, подавилась бы, возразилъ другой, все ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь онъ все покрупнѣе утенка....» И громкой хохотъ заглушалъ на время шумъ падающей воды и мельничныхъ колесъ. Между тѣмъ вытащили острогу изъ уснувшей щуки и мы съ торжествомъ понесли всю рыбу домой. Мнѣ сказывалъ на другой день мельникъ, что помольщики долго не спали, дивились, смѣялись и толковали о диковинной щукѣ, которая, при свѣтѣ горящей лучины, показалась имъ просто чудовищемъ. Что касается до меня, то съ самой той минуты, какъ началась возня со щукой, я былъ въ какомъ-то забытьи, смѣшанномъ (должно признаться) съ нѣкоторымъ страхомъ. Только дома, когда внесли щуку въ комнату, положили на рогожу и окружили свѣчами, чтобы лучше разглядѣть, — я опомнился и вполнѣ предался шумной радости молодаго рыбака. Настоящіе виновники побѣды были не разговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина; но за то я за нихъ разсказывалъ долго и громко всѣ малѣйшія подробности только что совершившагося со-

бытія, ссылаясь на нихъ и заставляя подтверждать слова мои. Плохо спалось мнѣ эту ночь! Впечатлѣнія были такъ живы и противоположны, что произвели сильное волненіе въ моей крови. Щука, со всею обстановкою ея убіенія, грезилась мнѣ безпрестанно, да и въ самомъ дѣлѣ — было отъ чего взволноваться! Еслибъ это случилось со мной въ порѣ зрѣлаго возраста, когда охота къ рыбной ловлѣ была уже развита во мнѣ вполнѣ, еслибъ это случилось даже теперь со мною — кажется, впечатлѣніе было бы еще сильнѣе. По молодости, я не могъ тогда достаточно оцѣнить важность столь замѣчательнаго происшествія въ исторіи рыболовства, особенно если взять въ соображеніе, что щука, достигающая такихъ размѣровъ многими десятками лѣтъ, а можетъ быть и сотнею годовъ, чрезвычайно рѣдко попадается въ столь незначительныхъ водахъ, какъ нашъ прудъ и рѣка, — и еще рѣже становится добычей рыбаковъ. У насъ это былъ единственный случай, который до сихъ поръ еще не повторился. Надобно только представить себѣ, каковы были первыя движенія и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла въ материкъ,

гдѣ могла погрузиться глубоко, она производила такое волненіе, что, еслибъ мы не находились отъ нея въ нѣсколькихъ саженяхъ, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знаютъ по опыту, что въ ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрогнешь, когда поворотится или плеснется вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ описываемою мною щукою. Но на небольшой лодкѣ, довольно тяжело нагруженной, на порядочной глубинѣ, на кажущемся безграничномъ пространствѣ воды, въ непроницаемой темнотѣ, кромѣ небольшаго освѣщеннаго круга, безпрестанно ожидая отчаянныхъ порывовъ водянаго чудища, которое возило и поворачивало нашу ладью во всѣ стороны.... признаюсь, сердце замираетъ отъ одного воспоминанья, и въ старости можно отказаться отъ вторичнаго участія въ такой поэтически рыбачьей сценѣ!...

Щуку разсмотрѣлъ я подробно на другой день. Мѣрою она была слишкомъ полтора аршина безъ хвостоваго пера и очень толста. Всѣхъ удивляла необыкновенная ширина ея лба, на которомъ были расположены какіе-

то узоры сѣраго цвѣта, казавшіеся выпуклыми и сѣдыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лобъ *поросъ мохомъ*; когда разѣвали ей пасть, то по истинѣ страшно было смотрѣть на ея двойные, острые зубы, крупные и мелкіе; горло у ней было такъ широко, что она безъ всякаго затрудненія могла проглотить старую утку. Уже много лѣтъ замѣчали ея присутствіе въ нашемъ пруду и, конечно, много утятъ, и дикихъ и домашнихъ, переглотала она на своемъ вѣку. Къ сожалѣнію, эта рѣдкая щука не была взвѣшена, и я не могу сказать опредѣлительно объ ея тяжести; но судя по сравненію со щукой въ одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ, которую я видѣлъ нѣсколько лѣтъ послѣ (*), щука, убитая острогою, должна была вѣсить около двухъ пудъ.

Въ послѣдствіи мнѣ случалось не одинъ разъ ѣздить съ острогою и самому бить рыбу; но никакой замѣчательной добычи намъ не попадалось, да и надо признаться, что я

(*) Я упомянулъ объ этомъ въ моихъ «Запискахъ объ уженьи рыбы», стр. 225-я. Эта щука попала въ хвостушу весною, въ полую воду.

этого дѣла былъ не мастеръ. Одинъ только разъ, тотъ же самый охотникъ привезъ съ нижняго соколовскаго пруда (на томъ же Бугурусланѣ, восемью верстами ниже) огромнаго налима, котораго убилъ также острогою, въ материкѣ подъ корягами, стоявшаго такъ глубоко, что онъ едва могъ достать его самою большою острогою. Въ немъ было вѣсу около тридцати фунтовъ, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелкѣ. Это случилось въ самую позднюю осень, когда мелкіе полои уже покрыты были льдомъ.

Острогой бьютъ щукъ и другую крупную рыбу въ то время, когда она мечетъ, *бьетъ* икру, выражаясь по-рыбачьи. Въ эту пору особеннаго своего состоянія, рыба ходитъ стаями и не рѣдко поднимается такъ высоко, что верхнія перья бываютъ видны на поверхности воды: рыбакъ, стоя неподвижно въ камышѣ, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, или на берегу, притаясь у какого-нибудь куста, сторожитъ свою добычу и вонзаетъ острогу въ подплывающую близко рыбу. Въ глубокихъ ямахъ, подъ вешняками, крупная рыба любитъ идти противъ падающей воды, всплываетъ иногда довольно высоко и упорно дер-

жится въ неподвижномъ положеніи, уткнувъ голову въ хворостъ и всякой лѣсъ, которымъ обыкновенно бываетъ устлано дно спуска, подъ деревяннымъ его поломъ или помостомъ. Рыбакъ, по большей части мельникъ, потомучто это ему сподручно, подкарауливъ или замѣтивъ высоко стоящую рыбу, подкрадывается съ острогою и выхватываетъ иногда славнаго язя, головля, окуня или жериха. Все это бываетъ очень пріятною, случайною добычею; но не можетъ назваться настоящею *охотою съ острогою.*

ЛОВЛЯ МЕЛКИХЪ ЗВѢРКОВЪ.

—

Когда послѣ долгой, то мокрой, то морозной осени, въ продолженіе которой всякой звѣрь и звѣрокъ вытрется, выкунѣетъ, то-есть, шкурка его получитъ свой зимній видъ, сдѣлается крѣпковолосою, гладкою и красивою, когда заяцъ-бѣлякъ, горностай и ласка, побѣлѣютъ какъ кипень, а спина побѣлѣвшаго и мѣстами пожелтѣвшаго, какъ воскъ, русака покроется пестрымъ ремнемъ съ завитками; когда куница, норчина, хорекъ, или хорь, потемнѣютъ и заискрятся блестящею осью; когда, послѣ многихъ замерзковъ,

выпадетъ наконецъ настоящій снѣгъ и ляжетъ пороша — тогда наступаетъ лучшая пора звѣроловства. О капканной ловлѣ я стану говорить особо. Куницъ ловить мнѣ не удавалось, потому-что ихъ водилось очень мало въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я живалъ и охотился; но хорьковъ, горностаевъ и ласокъ я лавливалъ разными поставушками, и объ этой-то охотѣ, также горячо любимой мною въ ребячествѣ и ранней молодости, доставлявшей мнѣ, въ свою очередь, много радостныхъ минутъ, хочу я разсказать молодымъ, преимущественно деревенскимъ, охотникамъ.

Видъ земли, покрытой первымъ снѣгомъ, послѣ грязной, гнилой, осенней погоды, надоѣвшей даже горячимъ псовымъ охотникамъ (*), веселитъ сердце каждаго. Все сдѣлается сухо, бѣло, чисто и опрятно; безчисленные звѣрковые и звѣриные слѣды, всякихъ формъ и размѣровъ, показываютъ,

(*) Извѣстно, что псовые охотники проводятъ въ отъѣзжихъ поляхъ цѣлые мѣсяцы. Мокрая и сырая погоды считаются выгодными для этой охоты; но иногда такъ надоѣдаютъ охотникамъ, что они радуются сильнымъ морозамъ, дѣлающимъ неудобною псовую охоту съ гончими и борзыми собаками.

что и звѣри обрадовались снѣгу, что они прыгали, играли большую часть долгой ночи, валялись по снѣгу, отдыхали на немъ въ разныхъ положеніяхъ, и потомъ, послѣ отдыха, снова начинали, сначала необыкновенно сильными скачками, свою неугомонную бѣготню, которая наконецъ получала уже особенную цѣль — доставленіе пищи проголодавшемуся желудку. Съ полночи звѣрокъ уже не рѣзвится, не *жируетъ* около однѣхъ и тѣхъ же мѣстъ, а рыщетъ тамъ, гдѣ скорѣе можетъ встрѣтить какую-нибудь добычу, для чего пробѣгаетъ иногда значительное пространство. Внимательное разсматриванье, неутомимое преслѣдованіе звѣрковыхъ слѣдовъ, раскрываетъ наблюдательному охотнику все, что̀ звѣрки дѣлали ночью; дневной свѣтъ объясняетъ, выводитъ наружу всѣ тайны ночной темноты. Для меня это имѣло особенный интересъ, и я не рѣдко жертвовалъ разсчетами добычливаго охотника, удовлетворяя любопытству наблюдателя. Идя по слѣду ласки, я видѣлъ какъ она гонялась за мышью, какъ лазила въ ея узенькую снѣговую норку, доставала оттуда свою добычу, съѣдала ее и снова пускалась въ путь; какъ

хорекъ, или горностай, желая перебраться черезъ родниковый ручей или рѣчку, затянутую съ краевъ тоненькимъ ледочкомъ, — осторожными, укороченными прыжками, необыкновенно растопыривая свои мягкія лапки, доходилъ до текучей воды, обламывался иногда, попадался въ воду, вылезалъ опять на ледъ, возвращался на берегъ и долго катался по снѣгу, вытирая свою мокрую шкурку; послѣ чего нѣсколько времени согрѣвался необычайно широкими прыжками, какъ будто преслѣдуемый какимъ-нибудь врагомъ; какъ норка или порѣчина, бѣгая по краямъ рѣки, мало замерзавшей и среди зимы, вдругъ останавливалась, бросалась въ воду, ловила въ ней рыбу, вытаскивала на берегъ и тутъ же съѣдала..... Все это совершенно ясно разсказывали звѣрковые слѣды опытному глазу молодаго охотника.

Начинаю съ ловли хорька, который гораздо больше, хищнѣе и неутомимѣе горностая и ласки. Хорекъ есть ничто иное, какъ полевая или каменная куница. Названіе каменной придается ему нѣкоторыми натуралистами потому, что онъ любитъ жить въ каменныхъ, опустѣлыхъ зданіяхъ и развалинахъ; впро-

чемъ, хорекъ живетъ иногда въ фундаментахъ и подвалахъ жилыхъ каменныхъ строеній, и даже въ подвалахъ и погребахъ деревянныхъ домовъ и крестьянскихъ избъ. Всего чаще онъ только посѣщаетъ ихъ по ночамъ для отысканія себѣ добычи и не рѣдко залезаетъ въ курятники и голубятни. Величиною онъ бываетъ нѣсколько меньше и тоньше лѣсной куницы, которая далеко превосходитъ его достоинствомъ своего пушистаго и осистаго мѣха; шерсть на хорькѣ коротка и жестка; лѣтомъ она бываетъ желтовато-бураго цвѣта, а зимою темная, какъ на соболѣ и на куницѣ. Хорьки живутъ по полямъ въ норахъ и въ нихъ выводятъ дѣтей, числомъ отъ трехъ до четырехъ; вѣроятно, зимою, земляныя лѣтнія норы заносятся снѣгомъ, и тогда хорьки живутъ въ снѣжныхъ норахъ или подъ какими-нибудь строеніями: мнѣ случилось одинъ разъ найти постоянное, зимнее жилье хорька подъ толстымъ стволомъ сломленнаго дерева; онъ пролезалъ подъ него сверху, въ сквозное дупло. Не одинъ разъ находилъ я также хорька въ снѣжной норѣ на большомъ разстояніи отъ человѣческаго жилья. Хорекъ,

равно какъ горностай и ласка, вполнѣ хищный звѣрокъ; онъ ловитъ всякихъ птицъ, дикихъ и дворовыхъ, во время ихъ сна на ночевкахъ, нападаетъ даже на гусей, какъ увѣряютъ охотники; въ случаѣ же нужды питается также крысами и мышами. Хорекъ злобенъ до невѣроятности, и въ крайности не только огрызается, но бросается даже на собаку. Огрызанье его сопровождается звуками, похожими на щекотанье сороки. Хорекъ никогда не ходитъ, не бѣгаетъ (*), а прыгаетъ, скачетъ, становясь обѣими лапками вмѣстѣ, отъ чего слѣдъ его издали можетъ показаться лисьимъ нарыскомъ, когда лиса спокойно идетъ тихимъ шагомъ; обыкновенные прыжки хорька бываютъ около полуторы четверти, а если онъ чѣмъ-нибудь испуганъ, то скачки его достигаютъ до двухъ четвертей и болѣе. Ловятъ хорьковъ маленькими капканами и самострѣлами. Капканы становятся на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ непремѣнно долженъ пройти хорекъ, вылезая или влезая въ свою нору, или пролезая сквозь какое-нибудь отверзтіе въ курятникъ, подвалъ, голубятню, куда онъ

(*) Точно также горностай и ласка.

повадился ходить за своей добычей. Самострѣлы становятся непремѣнно надъ отверзтіемъ хорьковой норы, когда онъ застигнутъ въ ней охотникомъ, потому-что хорекъ можетъ попасть въ самострѣлъ, только вылезая изъ норы. Самострѣлъ довольно замысловатое орудіе и трудно получить объ немъ понятіе безъ рисунка. Это ничто иное, какъ натянутый лукъ со стрѣлою, которая, вмѣсто копья оканчивается довольно широкою лопаточкою; лопаточка ходитъ въ пазахъ длинной рамки, вдѣланной прочно въ средину лука, и, будучи спущена, плотно и крѣпко прижимается силою тетивы къ краю рамки. Настороженный самострѣлъ накладывается на выходъ изъ норы, и хорекъ не можетъ изъ нея вылезть, не тронувъ сторожка, утвержденнаго поперекъ открытаго отверзтія рамки; какъ скоро сторожекъ соскочитъ, тетива спускается, и стрѣла мгновенно прищемляетъ звѣрка.

Горностай и ласка могутъ быть причислены къ одному роду. Вся розница между ними состоитъ въ томъ, что горностай вдвое толще и вершка на три длиннѣе ласки; фигура, всѣ стати, нравы и цвѣтъ шерсти у нихъ совершенно одинаковы, кромѣ того,

что у горностая кончикъ хвоста черный. Оба эти звѣрка лѣтомъ имѣютъ шкурку рыжевато-бурую, которая кажется тогда даже пестрою, а зимой — бѣлую, какъ снѣгъ; оба хищной породы и питаются мясомъ; оба имѣютъ, съ перваго взгляда, очень граціозную наружность; но всмотрѣвшись хорошенько въ очертаніе ихъ рта, вооруженнаго частыми и острыми зубами, особенно въ ихъ маленькіе, безцвѣтные глазки, — почувствуешь, что они принадлежатъ къ злобной и кровожадной породѣ звѣрей. Особенно ласка, будучи слишкомъ длинна и тонка, и потому изгибая свою спинку дугою, когда останавливается, — напоминаетъ, какъ-то, изгибающуюся змѣю. Вѣроятно горностай также хищенъ и злобенъ, какъ хорекъ и ласка, что и подтверждается охотниками звѣроловами; но мнѣ не удавалось видѣть своими глазами доказательствъ его хищности; кровожадности же хорька и особенно ласки я много видѣлъ удивительныхъ опытовъ (*). Хорекъ, забравшись въ курят-

(*) Я разсказалъ въ «Запискахъ ружейнаго охотника» о невѣроятной жадности и смѣлости ласки, подымающейся съ тетеревомъ на воздухъ и умерщвляющей зайца въ снѣжной норѣ.

никъ, или утиный хлѣвъ, или въ голубятню, никогда не удовольствуется одною жертвою, а всегда задушитъ нѣсколько куръ, утокъ или голубей. Онъ обыкновенно прокусываетъ шею у своей добычи, напивается крови, оставляетъ ее, кидается на другую, и такимъ образомъ умерщвляетъ иногда до десятка птицъ; мясо ихъ остается нетронутымъ; но у многихъ бываютъ головы совсѣмъ отъѣдены и даже двѣ, три изъ нихъ куда-то унесены; иногда же я находилъ куръ, у которыхъ черепъ и мозгъ были съѣдены. Если хорекъ заѣдаетъ по одной, или не болѣе двухъ птицъ, что̀ случается довольно рѣдко, то уже непремѣнно уноситъ ихъ головы. Довольно трудно объяснить, отъ чего происходитъ у хорька такая розница въ числѣ жертвъ и въ способѣ употребленія въ пищу своей добычи. Я слыхалъ отъ охотниковъ, что одни молодые хорьки отгрызаютъ головы у птицъ и выѣдаютъ мозгъ, а старые пьютъ только кровь, и что, будучи умнѣе молодыхъ, они умерщвляютъ только по одной или по двѣ штуки, для того, чтобы долѣе пользоваться добычей. Но такому мнѣнію противорѣчатъ самые эти признаки; то есть, если старый

хорекъ пьетъ только кровь заѣденныхъ имъ птицъ и умерщвляетъ не болѣе одной или двухъ, не касаясь ихъ мяса, то отъ чего же я всегда находилъ, что если умерщвлена одна или двѣ птицы, то головы ихъ непремѣнно отгрызены и унесены? И такъ, надобно искать другаго объясненія.

Горностаевъ и ласокъ рѣдко ловятъ самострѣлами, потому-что рѣдко попадаются ихъ норы. Для ловли этихъ маленькихъ звѣрковъ употребляютъ *плашки* и *стульчики*. Плашка дѣйствительно есть ничто иное, какъ плаха, то есть половина бревна, въ отрубѣ вершковъ четырехъ или пяти, расколотаго посрединѣ. Отрубокъ такой плахи, въ аршинъ или нѣсколько болѣе длиною, гладко вытесанный съ плоской стороны, накладывается на такую же плаху и пригоняется къ ней плотно; потомъ верхняя плаха поднимается на четверть или на полторы и, по извѣстному всѣмъ способу, настораживается сторожкомъ, къ которому привязана прикормка или приманка: опаленная мышь, какая-нибудь птичка или кусокъ ветчиннаго сала съ кожей, также опаленнаго на огнѣ для того, чтобы запахъ прикормки былъ слышнѣе. Задній

конецъ плахи имѣетъ продолбленную, продолговатую дыру, сквозь которую проходитъ колышекъ, крѣпко утвержденный въ нижней плахѣ; это сдѣлано съ цѣлію, чтобы заднiй конецъ верхней плахи не могъ соскочить; разумѣется, верхняя плаха поднимается и опускается на немъ свободно. Звѣрокъ, почуявъ лакомую пищу, подходитъ и хватаетъ ее зубами, сторожекъ соскакиваетъ, верхняя плаха падаетъ и придавливаетъ его.

Стульчикомъ называются двѣ палочки. всегда изъ сыраго тальника, каждая слишкомъ аршинъ длиною, которыя кладутся крестъ на крестъ и связываются крѣпкою бичевкою; потомъ концы ихъ сгибаются внизъ и также связываются веревочками, такъ что всѣ четыре ножки отстоятъ на четверть аршина одна отъ другой, отъ чего весь инструментъ получаетъ фигуру четвероножника, связаннаго вверху плотно; во внутреннiе бока этихъ ножекъ набиваются волосяные силья, разстоянiемъ одинъ отъ другаго на полвершка; въ самомъ верху стульчика, въ крестообразномъ его сгибѣ, должна висѣть такая же приманка, какую привязываютъ къ сторожку плахи; приманка бываетъ со всѣхъ сторонъ

окружена множествомъ настороженныхъ сильевъ; звѣрокъ, стараясь достать добычу, полезетъ по которой-нибудь ножкѣ и непремѣнно попадетъ головой въ силокъ; желая освободиться, онъ спрыгнетъ внизъ и повиснетъ, удавится и запутается въ сильяхъ даже всѣми ногами. Впрочемъ, случается иногда, что онъ сначала попадаетъ лапкой, и въ такомъ случаѣ онъ отгрызетъ силокъ. Плашка и стульчикъ становятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ много замѣчено горнастаевыхъ и ласкиныхъ слѣдовъ, и гдѣ они отыскиваютъ себѣ добычу. Ласку, извѣстную истребительницу мышей въ гумнахъ съ хлѣбомъ и въ хлѣбныхъ амбарахъ, никогда не должно около нихъ ловить. Ласка, по своему тонкому и длинному стану, имѣетъ возможность пролезать въ мышиныя норки, въ самыя узенькія щели и даже въ хлѣбныя клади и копны, а потому мышамъ нѣтъ отъ нея спасенья.

Разставя съ вечера нѣсколько такихъ поставушекъ, на разсвѣтѣ надобно ихъ обойти и всѣ собрать, а въ сумерки, оправивъ все какъ слѣдуетъ и положивъ свѣжей приманки, разставить вновь по другимъ мѣстамъ, какія охотникъ сочтетъ болѣе удобными. Эта охота

можетъ продолжаться всю зиму, разумѣется на лыжахъ и кромѣ тѣхъ ночей, когда идетъ сильный снѣгъ или *крутитъ буранъ*, выражаясь по Оренбургски. Въ буранную погоду такъ занесетъ поставушки, что ихъ на другой день и не отыщешь. Мнѣ не рѣдко случалось терять мои звѣроловные снаряды, потому что часто съ вечера бываетъ тихо и поставушки поставишь, а къ утру подымется такая мятель, что и самому нельзя носа показать. Впрочемъ простое устройство этихъ снастей даетъ возможность въ одинъ день замѣнить потерянныя новыми.

Кажется, чтó можно найти привлекательнаго въ этой охотѣ? Но именно въ томъ состоитъ тайна всѣхъ охотъ, что ихъ нельзя объяснить и опредѣлить. То, что покажется не охотнику смѣшно, скучно и нелѣпо, — горячитъ, тревожитъ и радостно волнуетъ сердце охотника. Я самъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ горячо нѣкогда охотился за маленькими звѣрками. Разставивъ десятка полтора разныхъ поставушекъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ добыча казалась вѣроятною, воротясь поздно домой усталый, измученный отъ ходьбы на лы-

жахъ — не вдругъ заснешь, бывало, воображая, что можетъ быть въ эту минуту хорекъ, горностай или ласка попала въ какую-нибудь поставушку, попала какъ-нибудь неловко и потому успѣетъ вырваться въ продолженіи зимней, долгой ночи. Рано проснешься поутру, одѣнешься за долго до свѣта и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ дожидаешься зари; наконецъ пойдешь, и къ каждой поставушкѣ подходишь съ сильнымъ біеніемъ сердца, издали стараясь разсмотрѣть, не спущенъ ли самострѣлъ, не уронена ли плашка, не запуталось ли что-нибудь въ сильяхъ, и когда въ самомъ дѣлѣ попалась добыча, то съ какой, бывало, радостью и торжествомъ возвращаешься домой, снимаешь шкурку, распяливаешь и сушишь её у печки, и потомъ повѣсишь на стѣну у своей кровати, около которой въ продолженіе зимы набиралось и красовалось иногда десятка три разныхъ шкурокъ.

Я ничего не сказалъ о ловлѣ норокъ, потому-что мнѣ не удавалось самому ловить ихъ; но я видѣлъ, какъ добывали ихъ другіе охотники: они ставили по берегамъ рѣкъ, на которыхъ много было норкиныхъ слѣдовъ,

маленькіе капканы, для чего разрывали небольшую ямку въ снѣгу, а если снѣгъ мелокъ, то въ пескѣ или землѣ бе́рега; въ первомъ случаѣ, капканъ засыпался слегка снѣгомъ, а въ послѣднемъ — сухими листочками. Недавно увѣряли меня, что норка питается не одною рыбою, а кушаетъ и мясо. Норку застали очень рано поутру у кухни и гнались за нею до рѣки, въ которую она будто бы бросилась и нырнула. Изъ этого вывели заключеніе, что норка приходила къ кухнѣ, стоящей на довольно большой горѣ, не для ловли рыбы. Я нѣсколько усумнился и говорилъ объ этомъ съ самымъ опытнымъ звѣроловомъ, который тридцать лѣтъ ловитъ норокъ капканами и знаетъ наизусть образъ ихъ жизни. Онъ увѣряетъ, что видѣли хорька вмѣсто норки, который вѣроятно бросился не въ рѣку, а подъ берегъ, гдѣ у него была нора; норка же, по его увѣренію, никогда къ человѣческому жилью не подходитъ.

КАПКАННЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

—

Ловля звѣрей капканами распространена по всей Россіи, кромѣ губерній южныхъ, гдѣ снѣгу бываетъ мало или вовсе не бываетъ. Я стану говорить собственно объ Оренбургскомъ краѣ и сосѣдственныхъ ему губерніяхъ на сѣверъ. Въ этихъ мѣстахъ рѣдко можно найти деревушку, въ которой бы не было хотя одного капканщика; во многихъ же большихъ селеніяхъ, почти въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ есть охотникъ, а иногда и два. Капканами ловится преимущественно заяцъ, потомъ лиса и волкъ. Я слыхалъ, что въ Вятской и Пермской губерніяхъ, ловили прежде огромными капканами медвѣдей и

россомахъ; но больше я ничего не знаю объ этой интересной охотѣ. И такъ, обращаюсь къ знакомому мнѣ предмету.

Я не стану описывать простаго, всѣмъ извѣстнаго механизма капкановъ. Они бываютъ двухъ сортовъ: большіе и малые, круглые и четвероугольные, волчьи и заячьи; первые почти втрое больше послѣднихъ. Лиса обыкновенно ловится заячьими капканами; собственнно же для нея, особенной снасти, средней величины, не знаю почему, не дѣлаютъ, а это было бы не дурно; иногда попадается лиса и въ волчьи капканы. Я видалъ маленькіе капканчики для мелкихъ звѣрковъ, но ихъ надобно было дѣлать на заказъ. Теперь ихъ стали приготовлять больше.

Волковъ и лисъ добываютъ слѣдующимъ образомъ: еще съ осени, по-голу, не позже половины октября, на открытыхъ мѣстахъ около большаго лѣса, или въ мелкомъ лѣсу, въ перелѣскахъ, вообще гдѣ чаще видаютъ лисъ и волковъ, — кладутъ притравы, то-есть: бросаютъ ободранную лошадь или корову, для того чтобъ волки и лисы заблаговременно привыкли ихъ кушать; впрочемъ для этого пригодна всякая падаль или дохлая скотина. Какъ скоро

привада будетъ съѣдена, то вмѣсто нея кладутъ другую, и если зима становится поздно, то случается положить и третью. Когда выпадетъ снѣгъ порядочной глубины, то-есть, четверти въ полторы или двѣ, и волки, продолжая ходить на притраву, почти всегда по однимъ и тѣмъ же слѣдамъ, набьютъ тропы—наступаетъ время ставить капканы. Это случается, по большей части, около зимняго Николы. Надобно замѣтить, что волки ходятъ на притраву цѣлымъ обществомъ, или выводками, которые отъ трехъ и четырехъ простираются до восьми и девяти штукъ, а лиса—всегда въ одиночку. Звѣроловъ заранѣе объѣзжаетъ верхомъ всѣ мѣста около привады или притравы, осматриваетъ волчьи и лисьи тропы и назначаетъ мѣста, гдѣ ставить капканы; потомъ, также верхомъ, отправляется для ихъ постановки. Ѣздить верхомъ потому необходимо, что только конскаго слѣда звѣрь не боится; охотники увѣряютъ, что если подъѣдешь къ приводѣ на саняхъ и, еще хуже, подойдешь пѣшкомъ, то волки и лисы перестанутъ ходить на притраву. И такъ, звѣроловъ, взявъ съ собою нѣсколько капкановъ, отправляется верхомъ на свой

промыселъ. Не доѣзжая шаговъ ста до притравы, онъ привязываетъ лошадь гдѣ-нибудь къ дереву или кусту, беретъ одинъ изъ капкановъ и деревянную лопаточку, которая служитъ ему единственнымъ орудіемъ для произведенія всѣхъ работъ, какъ мы увидимъ послѣ. Обувь охотника должна быть чиста и не издавать никакого запаха, навознаго или дегтярнаго, и потому лучше употреблять свѣжіе, не заношенные лапти и онучи, чѣмъ сапоги; руки и рукавицы или варишки звѣролова также должны быть чисты. Подойдя къ мѣсту, то-есть къ тропѣ, охотникъ, наклонясь какъ можно дальше впередъ, но не становясь обѣими ногами вмѣстѣ, очерчиваетъ лопаточкой четвероугольникъ на самой бойкой тропѣ, такъ, чтобы тропа приходилась по срединѣ, бережно снимаетъ пластъ снѣга почти до самой земли и, сохраняя по возможности фигуру волчьихъ слѣдовъ, кладетъ пластъ снѣга позади себя, на свой собственный слѣдъ; на очищенномъ мѣстѣ, котораго величина должна быть соразмѣрна величинѣ снасти, онъ ставитъ капканъ съ его полотномъ, разводитъ дуги, настораживаетъ ихъ, и потомъ достаетъ, также позади себя чистаго

снѣгу и бережно съ лопаточки засыпаетъ имъ капканъ, такъ, чтобы снѣжная поверхность была совершенно равна, и на этомъ пушистомъ снѣгу, угломъ или концомъ рукоятки той же лопаточки, искусно выдѣлываетъ тропу волчьихъ слѣдовъ, копируя снятый имъ съ этого мѣста слѣдъ. Все это надо такъ мастерски устроить, чтобы острое зрѣніе звѣря ничего не могло замѣтить, и тонкое его чутье ничего не могло услышать; однимъ словомъ, чтобы мѣсто, съ поставленнымъ капканомъ и поддѣланною на немъ волчьей тропою, было совершенно похоже на окружающую его мѣстность. Потомъ охотникъ начинаетъ отступать задомъ, становясь ногою въ свой прежній слѣдъ и засыпая его, по мѣрѣ отступленія, также свѣжимъ, пушистымъ снѣгомъ; отойдя такимъ образомъ сажень двадцать и болѣе, онъ возвращается къ своей лошади, уже не засыпая своихъ слѣдовъ; садится опять верхомъ, ставитъ другой капканъ, третій, и даже гораздо болѣе, смотря по числу волчьихъ тропъ и слѣдовъ, идущихъ къ притравѣ съ разныхъ, иногда противуположныхъ сторонъ. Я знавалъ такихъ мастеровъ ставить капканы, что безъ удивленія нельзя было смотрѣть

на поддѣланныя ими звѣриныя тропы и засыпанные собственные слѣды. Вся работа производилась при моихъ глазахъ лопаточкой, и на другой день я самъ не узнавалъ и не находилъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были поставлены капканы. Точно такимъ же образомъ ставятъ заячьи капканы на лисьихъ тропахъ, проложенныхъ къ притравѣ или къ какому-нибудь другому мѣсту, куда лиса повадилась ходить за своей добычей; предосторожности наблюдаются тѣ же. Въ старину, какъ разсказывали мнѣ тоже старые охотники, къ волчьимъ капканамъ привязывали веревку съ чурбаномъ или рычагомъ для того, чтобы попавшійся волкъ, задѣвая ими за кочки, кусты и деревья, скорѣе утомлялся и не могъ уходить далеко; но потомъ этотъ способъ былъ совершенно оставленъ: ибо, кромѣ хлопотъ зарывать въ снѣгъ веревку и чурбанъ, они оказывались безполезными: волкъ перегрызалъ веревку — и охотники начали ставить капканы, на волковъ и лисъ, ничего къ нимъ не привязывая. Въ послѣдствіи, по примѣру *верховыхъ* (*) охотниковъ, ввели въ

(*) Верховыми называются тѣ охотники, которые живутъ въ верховьяхъ Волги.

употребленіе капканы съ желѣзной цѣпью и якоремъ, и это много облегчило отыскиванье и убой попавшагося звѣря; впрочемъ, капканы заячьи (они же и лисьи) ставятся безъ всякой привязки, отъ чего лисы иногда довольно далеко уходятъ и тѣмъ утомляютъ охотниковъ. Волкъ попадаетъ всегда одной ногой; лиса же изрѣдка двумя; это случается, когда она прыгаетъ, скачетъ, а не бѣжитъ рысью или не идетъ тихой ходою. Лисъ часто ловятъ на заячьихъ тропахъ, потому-что онѣ слѣдятъ зайцевъ и ловятъ ихъ, какъ борзыя собаки. Заячьи капканы на зайцевъ становятся точно также на тропахъ, но нѣсколько съ меньшими предосторожностями. Заячій слѣдъ поддѣлывается иногда отрубленной и высушенной заячьей лапкой; но по большей части тою же лопаточкой. Заяцъ попадаетъ довольно часто двумя ногами, а изрѣдка и тремя; бываютъ примѣры, что заяцъ умудряется попасть лапкой и рыльцомъ; одинъ разъ мнѣ случилось видѣть, что заяцъ попалъ въ капканъ одною переднею и одною заднею ногой: это еще мудренѣе. Вообще зайцы не уходятъ далеко съ капканами, хотя бы попали одною заднею ногой.

Бывали примѣры, что если волки ходятъ на приваду стаей, и одинъ изъ нихъ попадетъ въ капканъ, то всѣ другіе бросаются на него, разрываютъ въ куски и даже съѣдаютъ, такъ что на большомъ, утолоченномъ и окровавленномъ пространствѣ снѣга останется только лапа въ капканѣ да клочки кожи и шѐрсти: это особенно случается около святокъ, когда наступаетъ извѣстное время течки. Если волкъ попадетъ заднею ногою, то уноситъ капканъ дальше; но если переднею, и высоко, то уходитъ не далеко. Поймавнаго въ капканъ волка, особенно безъ цѣпи и якоря (*), иногда бываетъ трудно убить и еще труднѣе взять живьемъ; отчаянное положеніе волка приводитъ его въ бѣшенство, и тогда онъ дѣлается опаснымъ. Смѣлость и горячность многихъ охотниковъ въ такихъ случаяхъ по истинѣ изумительны! Съ дубинкой или палкой въ рукѣ, охотникъ, всегда одинъ, преслѣдуетъ звѣря иногда по нѣскольку верстъ: задыхаясь отъ усталости, обливаясь пòтомъ, онъ не рѣдко бросаетъ

(*) Въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, многіе охотники до сихъ поръ ставятъ волчьи капканы безъ всякой привязки; доставать цѣпь и якорь хлопотливо и дорого.

шапку, рукавицы, тулупъ, и въ одной рубахѣ, не смотря на сильный морозъ, не отстаетъ отъ волка и не даетъ ему вздохнуть; онъ старается загнать звѣря въ лѣсъ, потому-что тамъ онъ задѣваетъ капканомъ за пеньки и деревья и иногда такъ завязнетъ въ нихъ, что не можетъ пошевельнуться съ мѣста; тогда охотникъ уже смѣло бросается на свою добычу и нѣсколькими ударами по головѣ убиваетъ волка; но никогда не должно приближаться къ нему на чистомъ мѣстѣ. Много бываетъ примѣровъ, что даже по рѣдколѣсью, волкъ въ капканѣ, преслѣдуемый близко охотникомъ, выбравши какую-нибудь полянку, вдругъ оборачивается назадъ, бросается на охотника и наноситъ ему много жестокихъ ранъ, даже на груди и на шеѣ: въ такомъ опасномъ случаѣ надобно зарѣзать волка ножемъ, который не худо имѣть охотнику на своемъ поясѣ. Въ лѣсу волкъ не можетъ этого сдѣлать. Онъ будетъ цѣпляться капканомъ за деревья, да и охотникъ можетъ прятаться отъ него за всякимъ стволомъ большаго дерева. Замѣчательно, что многіе охотники спасались въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ отъ нападающаго волка—вдругъ крик-

нувъ на него грознымъ голосомъ: «Прочь! куда ты? пошелъ назадъ, ступай своей дорогой....» или что-нибудь подобное. Я слышалъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ, старыхъ и опытныхъ охотниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе капкановъ съ цѣпью и якоремъ очень много способствуетъ безопасности охотника; но волка, попавшаго въ капканъ, взять живьемъ — это уже другая исторія. Это не то, что звѣрь, загнанный въ степи до такой усталости, что едва переводитъ дыханіе (о чемъ будетъ разсказано послѣ): съ такимъ волкомъ можетъ человѣкъ дѣлать что ему угодно. Живаго волка въ капканѣ берутъ двое и даже трое охотниковъ: утомивъ предварительно и потомъ нагнавъ волка близко, одинъ изъ охотниковъ просунетъ длинный рычагъ подъ дугу капкана, прижметъ къ землѣ и такимъ образомъ совершенно остановитъ звѣря: другой бросаетъ ему на шею мертвую петлю и затягиваетъ, а третій сзади хватаетъ волка за уши; тогда первый охотникъ, бросивъ рычагъ, связываетъ волку ротъ крѣпкой веревочкой, или надѣваетъ намордникъ и завязываетъ позади головы на шеѣ. Послѣ того можно вести или тащить

его на веревкѣ куда угодно. Живыхъ волковъ добываютъ для травли собаками.

Очень странно, что волкъ почти никогда не отвертываетъ, не отрываетъ своей ноги, завязшей въ капканѣ, не смотря на отчаянныя усилія, которыя онъ для того употребляетъ. Онъ нарочно задѣваетъ капканомъ за дерево или кустъ, мечется и вертится во всѣ стороны; даже зайцу иногда удается оторвать ногу, а лисѣ очень часто. Лиса, будучи вообще смирною въ капканѣ, какъ разъ переломитъ ногу въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ она сжата капканными дугами, потомъ перетретъ кожу и, оставивъ свою лапу въ капканѣ, всегда по выше перваго позвонка,*— преблагополучно уходитъ. Псовымъ охотникамъ случалось затравливать лисъ о трехъ ногахъ, которыя, по ихъ словамъ, бѣжали очень рѣзво.

Зайцевъ капканами ловятъ великое множество, по большей части бѣляковъ, но довольно добывается и русаковъ. Тропъ русачьихъ нѣтъ, потому-что они живутъ по открытымъ степямъ и горамъ, гдѣ никакіе кусты и деревья не заставляютъ ихъ ходить по одному и тому же мѣсту; но за то русаки иногда

имѣютъ довольно постоянныя денныя лежки въ выкопанныхъ ими небольшихъ норахъ, въ снѣжныхъ сугробахъ, или въ норахъ сурочьихъ; тутъ натоптываются нѣкоторымъ образомъ такія же тропы, какъ и въ лѣсу, и на нихъ-то ставятъ капканы; но по большей части ловятъ русаковъ на крестьянскихъ гумнахъ, куда ходятъ они и зимою кушать хлѣбъ, пролезая для того, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, сквозь прясла гуменнаго забора, или перескакивая черезъ него, когда онъ почти до верху занесенъ снѣгомъ. На этихъ-то прыжкахъ, или пролезаньяхъ сквозь прясла, всего вѣрнѣе ставить капканы. Если около гуменъ находится поблизости болотистая урема или лѣсъ, то и бѣляки посѣщаютъ гумна, отъ чего дѣлаются очень жирны; но никогда не могутъ сравняться съ русаками, которые до того отъѣдаются, что матерые имѣютъ вѣсу до тридцати пяти фунтовъ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ больше поставлено капкановъ, тѣмъ больше попадетъ зайцевъ; но должно признаться, что это работа хлопотливая и медленная, такъ что въ короткой зимній день трудно поставить болѣе пятнадцати капкановъ. Жестокіе

Оренбургскіе бураны такъ иногда заносятъ ихъ, что привычный и замѣтливый глазъ хозяина не вдругъ найдетъ мѣсто, гдѣ были поставлены его снасти: иногда охотникъ даже теряетъ ихъ и находитъ уже весной, да и то не всегда.

Заячьими капканами ловятъ норокъ по берегамъ рѣкъ. Изрѣдка ловятъ и куницъ, ставя капканы на толстыхъ древесныхъ сучкахъ и пришивая, для прикормки, кусокъ какого-нибудь мяса къ полотну капкана; куница, попавъ въ него, падаетъ вмѣстѣ съ нимъ на снѣгъ, и охотникъ сейчасъ найдетъ ее по слѣду.

Во время оттепели и мокраго снѣга, капкановъ не ставятъ, потому-что снѣгъ прилипаетъ къ снастямъ и пружины ихъ оттого дѣйствуютъ слабо; послѣ же мятели или выпавшаго снѣга, всѣ снасти надобно осмотрѣть и вновь переставить.

Когда снѣгъ углубѣетъ, то заячьи капканы ставятъ на лыжахъ; но къ волчьимъ и лисьимъ капканамъ, то есть къ мѣстамъ, на которыхъ они ставятся, на лыжахъ не подходятъ. Лыжи необходимы для преслѣдованія попавшаго волка, если снѣгъ уже глубокъ.

Хотя я хаживалъ на эту охоту только за зайцами и всегда съ опытными мастерами, но никогда не умѣлъ ставить хорошо капканы, и въ мои снасти какъ-то звѣрь мало попадалъ. У меня не доставало терпѣнія для отчетливой медленной работы, требующей много времени и акуратности, и я долженъ признаться, что ходьба по снѣгу пѣшкомъ или на лыжахъ, въ зимнюю стужу, мнѣ не очень нравилась. Но обходить поставленные капканы и вынимать попавшуюся добычу, я очень любилъ.

ГОНЬБА ЛИСЪ И ВОЛКОВЪ.

—

Я упомянулъ въ своихъ «Запискахъ ружейнаго охотника» (стр. 221) о томъ, что по первому снѣгу, довольно глубокому, добычливые охотники, въ Оренбургской губерніи, заганиваютъ, верхомъ на лошадяхъ, лисъ и волковъ и убиваютъ ихъ безъ помощи собакъ и огнестрѣльнаго оружія. Эта охота, которая можетъ быть производима только въ открытыхъ поляхъ или степяхъ, безъ сомнѣнія многимъ вовсе неизвѣстна; а кто и

слыхалъ о ней, тотъ также не имѣетъ настоящаго понятія о сущности дѣла, если оно не было сообщено ему участникомъ въ охотѣ или, по крайней мѣрѣ, самовидцемъ. Я разскажу все, что знаю: что видѣлъ своими глазами и что слыхалъ отъ опытныхъ, настоящихъ охотниковъ.

Какъ скоро, въ началѣ зимы, выпадетъ такъ называемая «густая пороша», то-есть: выпадетъ снѣгъ глубиною отъ полуторы до двухъ съ половиною четвертей, — наступаетъ удобное время для гоньбы звѣря, потому-что глубина снѣга лишаетъ его возможности долго бѣжать, а для лошади рыхлый снѣгъ, въ двѣ четверти, ничего не значитъ. Для успѣшной охоты достаточно двухъ верховыхъ, а болѣе трехъ уже и не нужно. Въ случаѣ необходимости, даже одинъ охотникъ на доброй лошади, если мѣстность удобна, можетъ загнать не одну лису, не смотря на краткость осенняго или зимняго дня; но волка загнать одному охотнику почти невозможно; примѣры бываютъ — за то считаются великою рѣдкостью. Цѣль этой охоты состоитъ въ томъ, чтобы гнаться за звѣремъ верхомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, выбившись

изъ силъ, не въ состояніи будетъ сдѣлать ни одного прыжка, — и тогда убить его арапникомъ, дубинкой или взять живьемъ. Преимущественно успѣхъ зависитъ отъ легкости, нестомчивости и неспотыкливости лошади, и отъ крѣпости силъ и ловкости охотника. Другое, не менѣе важное условіе успѣха состоитъ въ томъ, чтобъ снѣгъ былъ ровенъ, рыхлъ и пушистъ: какъ скоро сдѣлаются хотя маленькіе *удулы* (*), или осадка, или настъ — гоньба невозможна: тогда, если не вездѣ, то по мѣстамъ, снѣгъ будетъ поднимать звѣря, а лошадь напротивъ станетъ вездѣ проваливаться и даже рѣзать себѣ ноги. Хотя это добыванье звѣря очень утомительно, но я видалъ много страстныхъ охотниковъ, большею частью изъ простаго народа, предпочитавшихъ гоньбу травлѣ звѣрей борзыми собаками (**). Быстрая скачка на рѣзвой ло-

(*) Удуломъ называется, въ Оренбургской губерніи, снѣгъ, сметаемый, придуваемый вѣтромъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ, отъ чего образуются крѣпкія, снѣжныя возвышенности и даже бугры.

(**) Я знаю, что никто изъ псовыхъ охотниковъ не согласится съ этимъ; знаю, что они смотрятъ съ презрѣніемъ на гоньбу звѣрей, что они хотятъ ихъ травить, а не добывать, хотятъ любоваться рѣзвостью,

шади, по необозримому пространству, за убѣгающимъ хищнымъ звѣремъ, сильно разгорячаетъ охотника и онъ приходитъ въ какое-то вдохновенное состояніе, въ самозабвеніе. Вольною птицей носясь по полямъ и и долинамъ, по горамъ и оврагамъ, охотникъ безвредно мчится по такимъ неудобнымъ и даже опаснымъ мѣстностямъ, по какимъ онъ не вдругъ бы рѣшился скакать въ спокойномъ состояніи духа. Охотники любятъ такія минуты волненія, да и кто же не любитъ сильныхъ впечатлѣній?...

Въ гонкѣ, лиса гораздо слабѣе волка. Волкъ можетъ бѣжать безъ отдыха отъ десяти до пятнадцати верстъ; за то, остановившись, онъ падаетъ совершенно обезсиленный, ткнется рыломъ въ снѣгъ, и съ нимъ можно дѣлать что угодно: ему надо много времени, чтобы отдохнуть. Лиса напротивъ заганивается на

поимчивостью собакъ, и проч. и проч. Все это справедливо; но о вкусахъ въ охотѣ спорить не должно; скажу только, что продолжительной, упорной скачки несравненно больше въ гоньбѣ, чѣмъ въ травлѣ, что въ гоньбѣ охотникъ дѣйствуетъ самостоятельнѣе, обходясь безъ помощи собакъ и ружья, и что, по словамъ многихъ, въ тоже время псовыхъ охотниковъ, гоньба за звѣремъ въ одиночку горячитъ больше травли.

двухъ, много на трехъ верстахъ; даже на одной верстѣ высунется у нея языкъ, она начнетъ оглядываться, искать возможности какъ-нибудь прилечь, чтобъ отдохнуть хотя на одну минуту, и если это будетъ удаваться ей, то силы ея подкрѣпятся, она снова пускается въ бѣгъ и саженъ сто бѣжитъ очень рѣзво. Прятаться она такая мастерица, что во всякомъ овражкѣ или кустикѣ такъ плотно заляжетъ, что охотникъ можетъ проскакать мимо и дастъ ей время перевесть духъ.

Охота производится слѣдующимъ образомъ: какъ скоро ляжетъ густая пороша, двое или трое охотниковъ, верхами на добрыхъ не задушливыхъ коняхъ (*), вооруженные арапниками и небольшими дубинками, отправляются въ поле, разумѣется рано утромъ, чтобы вполнѣ воспользоваться короткимъ осеннимъ днемъ; наѣхавъ на свѣжій лисій нарыскъ или волчій слѣдъ, они съѣзжаютъ звѣря; когда онъ поднимется съ логова, одинъ изъ охотниковъ

(*) Въ Оренбургской губерніи много есть лошадей, выведенныхъ отъ Башкирскихъ матокъ и заводскихъ жеребцовъ; эта порода отлично хороша вообще для охоты, и въ особенности для гоньбы за звѣремъ.

начинаетъ его гнать, преслѣдовать неотступно, а другой, или другіе охотники, если ихъ двое, *мастерятъ*, то-есть, скачутъ стороною, не допуская звѣря завалиться въ островъ (отъемный лѣсъ), если онъ случится по близости, или не давая звѣрю притаиться въ крѣпкихъ мѣстахъ, какъ то: рытвинахъ, овражкахъ, сурчинахъ и буеракахъ, поросшихъ кустарникомъ. Охотники иногда пересѣкаютъ ему путь, иногда заѣзжаютъ на встрѣчу, зная заранѣе по мѣстности, куда побѣжитъ звѣрь, и не рѣдко поворачиваютъ его такъ, что иногда лиса, особенно волкъ, кружится на одномъ и томъ же пространствѣ, пробѣгая его нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Впрочемъ это дѣлается преимущественно съ волкомъ, который можетъ пробѣжать большое разстояніе; съ лисой же надобно только наблюдать, чтобъ она не залегла гдѣ-нибудь и не отдохнула. Лошадь того охотника, который гонитъ звѣря по пятамъ, по всѣмъ извилинамъ и поворотамъ его бѣга, разумѣется должна гораздо скорѣе устать, и тогда товарищъ его смѣняетъ: первый начинаетъ мастерить, а второй гнать. Въ отношеніи къ волку надобно наблюдать слѣдующее прави-

лю: какъ скоро онъ начнетъ бѣжать тише, такъ что не трудно смять его лошадью, не должно подскакивать къ нему слишкомъ близко. Матерой или старый волкъ, не лишенный еще силъ, можетъ кинуться на лошадь; бывали примѣры, что волкъ бросался на шею лошади и жестоко ее ранилъ своими клыками, даже кусалъ за ноги охотника. Въ такомъ случаѣ, не теряя присутствія духа и времени, надобно прибѣгнуть къ арапнику или дубинкѣ. Волкъ боится даже *лучка̀*, какъ говоритъ народъ, то-есть: боится, когда человѣкъ замахнется на него, какъ будто хочетъ *лукнуть*, бросить что-нибудь, и рѣдко случается, чтобъ волкъ въ первое мгновеніе не отскочилъ отъ человѣка (*). Удара арапникомъ или дубинкой будетъ достаточно, чтобъ усталый и напуганный звѣрь пустился опять на утекъ. Въ отношеніи же къ лисѣ, никакъ не должно полагаться на то, что она приляжетъ и какъ будто растянется на снѣгу, а надобно сейчасъ попробовать поднять ее хлопаньемъ арапника; потому-что въ то время, какъ охотникъ, подскакавъ къ ней, бросится съ лошади, лиса

(*) Многіе звѣроловы съ этимъ не согласны.

вскочитъ и сначала побѣжитъ очень проворно, освѣженная минутнымъ отдыхомъ, чѣмъ выиграетъ передъ у охотника и можетъ куда-нибудь спрятаться. Вообще брать загнанную лису живьемъ надобно осторожно: она кусается гораздо чаще, чѣмъ волкъ. — Наконецъ преслѣдуемый звѣрь утомится совершенно, выбьется изъ силъ и ляжетъ окончательно, или вѣрнѣе сказать, упадетъ, такъ что приближеніе охотника и близкое хлопанье арапникомъ его не поднимаетъ; тогда охотникъ, наскакавъ на свою добычу, проворно бросается съ сѣдла и дубинкой убиваетъ звѣря; если же нужно взять его живьемъ, то хватаетъ за уши или за загривокъ поближе къ головѣ и, съ помощію другаго охотника, который немедленно подскакиваетъ, надѣваетъ на волка или лису *намордникъ*, родъ уздечки изъ крѣпкихъ бичевокъ; звѣрь взнуздывается, какъ лошадь, веревочкой, свитой пополамъ съ конскими волосами; эта веревочка углубляется въ самый зѣвъ, такъ что онъ не можетъ перекусить ее, да и вообще кусаться не можетъ; уздечка крѣпко завязывается на шеѣ, близь затылка, и соскочить никакъ не можетъ; уздечка, разумѣется, привязана къ веревкѣ, на

которой можно вести звѣря, или тащить куда угодно. Живыхъ лисъ и волковъ достаютъ для того, чтобъ притравливать на нихъ молодыхъ собакъ, которыя иногда не берутъ этихъ звѣрей: волка — потому-что онъ силенъ и жестоко кусается; а лису — потому-что она отыгрывается отъ молодыхъ собакъ, которыя по неопытности принимаютъ ее за такую же, какъ они, собаку и начинаютъ съ нею играть; лиса же, при первой удобной мѣстности, отъ нихъ скрывается и уходитъ; разумѣется эта хитрость не обманетъ старыхъ вловившихся собакъ.

Есть такіе ловкіе охотники, которые въ одиночку заганиваютъ лису и приводятъ ее живую на веревкѣ. При такой одиночной охотѣ, загнавъ лису, надобно лѣвою рукою держать ее за уши, а правою надѣть на нее намордникъ.

О СОЛОВЬЯХЪ.

Статья И. С. Тургенева.

О СОЛОВЬЯХЪ.

—

Посылаю вамъ, л. и п. С. Т., какъ любителю и знатоку всякаго рода охотъ, слѣдующій разсказъ о соловьяхъ, объ ихъ пѣньи, содержаньи, способѣ ловить ихъ и пр., списанный мною со словъ одного стараго и опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей. Я постарался сохранить всѣ его выраженія и самый складъ рѣчи.

Лучшими соловьями всегда считались Курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, ко-

торые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить въ началѣ Мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ, и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ ростетъ; болотные соловьи — самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до Егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ Маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ; иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ: ночью сдѣлался морозъ — и къ утру въ блинъ льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохенькій; только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся, кафтанъ снялъ, голову закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтаномъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится; а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку пришпорить, за обѣ ножки привязать — а самому спрятаться

да присвистывать дудочкой — такая дудочка дѣлается въ родѣ пищика. А тайничекъ небольшой изъ сѣтки дѣлается — съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ приспособить надо, а другую только приткнуть — и бичевку къ ней привязать; соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ — тутъ и дернуть за бичевку — тайничекъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку, — а другой остороженъ: сперва пониже спустится, да разглядываетъ — его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется сажень въ пять; осыпешь ею кустъ или сухой дромъ — а осыпать надо слабо; какъ только спустится соловей — встанешь и погонишь его въ сѣть — онъ все низомъ летитъ—ну, и повиснетъ въ петелькахъ. Сѣтью ловить можно и безъ самки, одною дудочкой. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску — такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравлиными яицами — понемножку и почаще; они скоро привы-

каютъ и принимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотный соловей не знаетъ муравлиныхъ яицъ — не видалъ никогда — ну, а какъ муравьи станутъ таскать яица — въ задоръ войдетъ — станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь (*) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя, — всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ эдакъ туу́ и вдругъ: ви! — эдакъ визгнетъ, слово въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна, — а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: *Пулканіе* — эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль....

Второе: *Клыканіе* — клы, клы, клы, какъ, желна́.

Третье: *Дробь* — выходитъ примѣрно какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: *Раскатъ* — трррррр...

(*) Во Мценскомъ, Чернскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ.

Пятое: *Пленканіе* — почти понять можно: плень, плень, плень....

Шестое: *Лѣшева дудка* — эдакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: *ту!*

Седьмое: *Кукушкинъ перелетъ*. Самое рѣдкое колѣно: я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: *Гусачекъ*. Га-га-га-га.... У Малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: *Юлиная стукотня*. Какъ юла, — есть птица на жаворонка похожая — или какъ вотъ органчики бываютъ, — эдакой круглый свистъ: фіоіоіоіоіо....

Десятое: *Починъ* — эдакъ: тий-вить, нѣжно, малиновкой. Это по настоящему не колѣно — а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, нотнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ:—начнетъ: тий-вить— а тамъ тукъ!— Это оттолчкой называется. Потомъ опять — тий-вить.... тукъ! тукъ! Два раза оттолчка — и въ полъ-удара, эдакъ лучше; въ третій разъ тий-вить—да какъ разсыплетъ, сукинъ сынъ, вдругъ дробью или раскатомъ — едва

на ногахъ устоишь — обозжетъ! Эдакой соловей называется съ ударомъ или съ оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое и — смѣшался. Туракъ дуракомъ и остался. А хорошій — нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать, — не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно, дробь, что ли — сперва будто къ низу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ — надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у Мценскаго купца Ш....ва — вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаньямъ, хорошаго соловья отъ дурнаго съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодаго отъ стараго отличить можно. У молодаго, когда растопыришь ему крылья, есть на перушкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а

старый — сѣрѣе. Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш....въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ. — Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравлиными яицами; только яица надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, — а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловьевъ не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было нёбко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная это болѣзнь. Какой и переживетъ — на другую зиму навѣрное околѣетъ. — Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать — хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ Рождества — и ближе, сперва потихоньку; — съ великаго поста, съ Марта мѣсяца, настоящимъ голосомъ, — а къ Петрову дню перестаютъ. —

Начинаютъ они обыкновенно съ пленканія... такъ жалобно, нѣжно: плень.... плень.... Не громко — а по всей комнатѣ слышно. — Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки — душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу — всякой разъ тронетъ — по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаются. — Сейчасъ слезы — и вотъ онѣ. — Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ Петровки. — Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ три, четыре часа — полдня просижу — а ужъ замѣчу мѣсто. Гнѣзда они вьютъ на землѣ — изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываетъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь да посадишь въ западню — сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь всю семейку въ куролеску, да муравлиныхъ яицъ насыплешь и живыхъ муравьевъ напустишь. — Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ Петровки изъ гнѣзда

вынешь, живучѣе и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. — На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывелъ, а о Петровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо — и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. — Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ — изъ того выйдетъ прокъ — въ двѣ недѣли, пожалуй, готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же въ слѣдъ за старикомъ бурлитъ — тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ — да и то сомнительно. — Иные охотники секретно въ шляпахъ приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ, гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. — Отъ того лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ — купцы — тысячи рублей не жалеютъ. Мнѣ Бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища — и лошадь была ихняя. Посылали меня къ Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные — хоть пятьдесятъ паръ — въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ, — часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ — много ему это мѣшало. — Разъ, подъ Лебедянью, выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ, — разсказываетъ — такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить — а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ. Вотъ однако спустился — погналъ его товарищъ въ сѣть; ткнулся соловей въ сѣть — и повисъ. Сталъ его товарищъ брать — знать руки у него дрожали — соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ — свиснулъ, запѣлъ и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувствовалъ, какъ кто то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Что жь! Всяко бываетъ. Принялся онъ опять манить

его — нѣтъ! не тутъ-то было! — Оробѣлъ, знать; смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете! Соловей хоть бы чукнулъ — такъ и пропалъ. — А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку ὀ земь грянетъ, да какъ начнетъ себя кулакомъ по̀ лбу бить.... А то вдругъ остановится и закричитъ: «раскапывайте землю — въ землю уйти хочу, — туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому....» Вотъ какъ оно бываетъ чувствительно.

Случается, что другъ у друга наровятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На все нужно умѣнье — да и безъ счастья тоже нельзя. Случается также, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого — молитва. Разъ я таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ — а ночь такая, темная, претемная.... И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужъ это не по соловьиному что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ.... Жутко мнѣ стало, такъ что и сказать нельзя.... вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики — тѣ не мѣшаютъ; тѣмъ все равно; еще смѣются, по-

жалуй. — Мужикъ грубъ; ему, что соловей, что зябликъ — все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло — пахать, да на печи лежать съ бабой. — А я вамъ теперь все разсказалъ (*).

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
6-го ноября 1854 года.

(*) Конечно, читатели, особенно охотники, оцѣнятъ достоинство этого живаго, вѣрнаго разсказа. Я замѣчу только, что собраніе такого рода драгоцѣнныхъ, специальныхъ свѣдѣній по разнымъ охотамъ, могло бы составить, сколько интересное, столько и полезное для науки указаніе жизни и нравовъ птицъ и звѣрей, доступныхъ для наблюденій только исключительно однимъ охотникамъ-специалистамъ.

СМѢСЬ.

МЕЛКІЕ ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О
СУЕВѢРІЯХЪ И ПРИМѢТАХЪ ОХОТНИКОВЪ.

Извѣстное дѣло, что охотники-простолюдины — всѣ безъ исключенія суевѣры, суевѣрны гораздо болѣе, чѣмъ весь остальной народъ, и мнѣ кажется не трудно найти тому объясненіе и причину: постоянное, по большей части уединенное, присутствіе при всѣхъ явленіяхъ, совершающихся въ природѣ, таинственныхъ, часто необъяснимыхъ и для людей образованныхъ и даже ученыхъ, — непремѣнно должно располагать душу охот-

ника къ вѣрѣ въ чудесное и сверхъестественное. Человѣкъ не любитъ оставаться въ неизвѣстности: видя или слыша что-нибудь необъяснимое для него очевидностью, онъ создаетъ себѣ фантастическія объясненія и передаетъ другимъ съ нѣкоторою увѣренностью; тѣ, принимая ихъ съ теплою вѣрою, добавляютъ собственными наблюденіями и заключеніями—и вотъ создается множество фантазій, иногда очень остроумныхъ, граціозныхъ и поэтическихъ, иногда нелѣпыхъ и уродливыхъ, но всегда оригинальныхъ. Я увѣренъ, что охотники первые начали созиданіе фантастическаго міра, существующаго у всѣхъ народовъ. Первый слухъ о лѣшемъ пустилъ въ народъ, вѣроятно, лѣсной охотникъ; водяныхъ дѣвокъ или чертовокъ (*) замѣтилъ рыбакъ; волковъ-оборотней открылъ звѣроловъ. Я уже говорилъ въ моихъ «Запискахъ ружейнаго охотника», что въ большихъ лѣсахъ, пересѣкаемыхъ глубокими оврагами, въ тишинѣ вечернихъ сумерекъ и утренняго разсвѣта, въ безмолвіи глубокой

(*) Въ Оренбургской, а равно Казанской и Симбирской губерніяхъ, народъ не знаетъ слова «русалка».

ночи, крикъ звѣря и птицы, и даже голосъ человѣка, измѣняются и звучатъ другими, какими-то странными, неслыханными звуками; что ночью слышенъ не только тихій ходъ лисы или прыжки зайца, но даже шелестъ самыхъ маленькихъ звѣрковъ. Весьма естественно, что какой-нибудь охотникъ, застигнутый ночью въ лѣсу, охваченный чувствомъ непреодолимаго страха, который невольно внушаетъ темнота и тишина ночи, услыхавъ дикіе звуки, искаженно повторяемые эхомъ лѣсныхъ овраговъ, принялъ ихъ за голосъ сверхъестественнаго существа, а шелестъ приближающихся прыжковъ зайца — за приближеніе этого существа. Крикъ филина и маленькихъ совъ особенной породы, которыхъ онъ слыхалъ, можетъ быть, и прежде, но который не походилъ на слышимые имъ теперь звуки въ лѣсу, — не могъ ли показаться ему и хохотомъ, и стономъ, и воемъ, и чѣмъ угодно? Если же онъ, дрожа и потѣя отъ страха, но подавляемый усталостью, какъ-нибудь засыпалъ, или хотя задремывалъ, то безъ сомнѣнія грезилъ во снѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ полонъ и волнуемъ на яву; дремота даже могла придать болѣе опредѣ-

ленности образу неизвѣстнаго существа. Съ первыми лучами солнца, отыскавъ дорогу и возвращаясь домой, онъ чувствовалъ себя какъ будто изломаннымъ, изщипаннымъ, и увидя свое тѣло, покрытое пятнами, онъ легко могъ приписать ихъ щипанью или щекотанью того же сверхъестественнаго существа. Бѣдняка искусали крупные лѣсные муравьи или другія насѣкомыя; но такое простое объясненіе не приходитъ ему въ голову. А какъ событіе происходило въ лѣсу, то и даетъ онъ имя лѣшаго его таинственному обитателю. Дома разсказываетъ онъ свою чудную повѣсть, показываетъ красныя и синія пятна на своемъ тѣлѣ; воображеніе разскащика и слушателей воспламеняется, дополняетъ картину — и лѣшій или лѣсовикъ получаетъ свое фантастическое существованіе! Постепенно укрѣпляясь въ народномъ вѣденіи и вѣрованіи, принимаетъ онъ опредѣленный образъ и черты, иногда очень подробные и разнообразные.

Вода, преимущественно большая, въ позднія сумерки и раннiй разсвѣтъ, особенно въ ночное время, производитъ на человѣка такое же дѣйствіе невольнаго страха, какъ и

дремучій лѣсъ. Внезапное движеніе и плескъ воды, тогда какъ производящей его рыбы или звѣря, за темнотою, хорошенько разглядѣть нельзя, могло напугать какого-нибудь рыбака, сидящаго съ удочкой на берегу или съ сѣтью на лодкѣ. Шумъ и движеніе въ камышѣ или осокѣ, производимые уткой съ утятами, даже прыгающими лягушками, — могли показаться устрашенному воображенію, чѣмъ-то похожимъ на движеніе существа, несравненно бо̀льшаго объема. Выпрыгнувшая изъ воды на берегъ или спрыгнувшая съ берега въ воду порѣчина, мелькнувшая неяснымъ, темнымъ призракомъ, могла отразиться въ его воображеніи, чѣмъ-то похожимъ на образъ человѣческій. *У страха глаза велики*, говоритъ пословица, и почему же круглому, тупому рылу сома, высунувшемуся на поверхность воды и быстро опять погрузившемуся — не показаться за человѣческую голову, которая всплывала на одно мгновенье? Почему остроконечный носъ и голова щуки или жериха, не могли показаться локтемъ руки или какимъ-нибудь человѣческимъ членомъ? Точно также, какъ разсказывалъ лѣсной охотникъ о своихъ ночныхъ страхахъ и

видѣніяхъ въ лѣсу, разсказываетъ и рыбакъ, въ своей семьѣ, о томъ, что̀ видѣлъ на водѣ; онъ встрѣчаетъ такую же вѣру въ свои разсказы, и такое же воспламененное воображеніе создаетъ таинственныхъ обитателей водъ, называетъ ихъ русалками, водяными дѣвками или чертовками, дополняетъ и украшаетъ ихъ образы и отводитъ имъ законное мѣсто въ мірѣ народной фантазіи; но какъ жители водъ, то-есть, рыбы — нѣмы, то и водяныя красавицы не имѣютъ голоса (*). Нельзя ли такимъ образомъ объяснить происхожденіе и другихъ народныхъ суевѣрій? Впрочемъ изслѣдованіе этого интереснаго предмета до меня не касается. Я упомянулъ о немъ только для того, чтобы объяснить, отъ чего охотники суевѣрнѣе другихъ людей.

Вѣроятно, на основаніи такихъ суевѣрныхъ понятій, развилось множество примѣтъ и вѣра въ колдовство, которыми заражены болѣе или менѣе всѣ охотники простолюдины. Въ Оренбургской губерніи, которая извѣстна мнѣ болѣе другихъ, я замѣтилъ странное

(*) Такъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ народъ въ Оренбургской губерніи.

явленіе: колдуновъ тамъ довольно, особенно между Мордвами и Чувашами, но суевѣрныхъ примѣтъ очень мало; разумѣется, это отразилось и на охотникахъ (*). Вѣра ихъ въ колдовство, относительно охоты, состоитъ въ томъ, что колдуну приписывается умѣнье заговаривать ружья и всякія звѣроловныя и рыболовныя снасти. Заговоренное ружье, или будетъ осѣкаться, какъ бы ни были хороши кремень и огниво, или будетъ бить такъ слабо, что птица станетъ улетать, а звѣрь — уходить, не смотря на полученныя раны; или ружье станетъ бить просто мимо, отъ разлетающейся во всѣ стороны дроби. Въ заговоренныя снасти звѣрь не пойдетъ, а если пойдетъ и попадетъ, то они его не удержатъ. Само собою разумѣется, что колдунъ можетъ произвести и противное тому дѣйствіе, то-

---

(*) Нельзя ли объяснить отсутствіе многихъ суевѣрныхъ примѣтъ въ Оренбургской губерніи сводностью, разнохарактерностью русскаго народонаселенія, утонувшаго, такъ сказать, въ населеніи туземномъ, состоящемъ изъ Башкиръ, Татаръ, Мордвы, Чувашъ и прочихъ? Отъ взаимнаго столкновенія переселенцевъ изъ разныхъ губерній, какъ между собою, такъ и между туземными инородцами, не могли ли потеряться завозныя суевѣрія и примѣты?

есть: пули и дробь станутъ непремѣнно попадать въ цѣль и наносить смертельныя раны; рыба, звѣрь и птица повлекутся невѣдомою силою въ сѣти и снасти и, попавшись, никакъ не освободятся. Ружейные охотники и звѣроловы, ходящіе за краснымъ звѣремъ, всегда обращаются къ колдуну, если онъ есть гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ и пользуется славой; они даютъ ему заговаривать или наговаривать на пули, картечь и жеребья, а также и на свои снасти, преимущественно на капканы. Колдуны средней руки, признавая себя не довольно знающими, чтобы производить вышесказанныя дѣйствія, берутся заговаривать ружья и снасти только для предохраненія ихъ отъ заговора другаго колдуна, болѣе ихъ искуснаго, и охотники считаютъ это необходимымъ.

Увѣренность въ недобромъ глазѣ, какой бываетъ у нѣкоторыхъ людей, преимущественно старухъ и стариковъ, въ способности ихъ «сглазить» или «озѣпать», очень укоренена въ охотникахъ. Они вѣрятъ этой силѣ безусловно и не только сами боятся встрѣчи съ такими людьми, особенно при выходѣ на охоту, но берегутъ отъ нихъ собакъ и ястребовъ, даже

прячутъ ружья и всякія звѣроловныя и рыболовныя снасти.

Независимо отъ вѣры въ колдовство, охотники имѣютъ много примѣтъ, которыя бываютъ общими, а иногда исключительными, принадлежащими лично одному какому-нибудь охотнику. Общими дурными примѣтами считаются:

1). Встрѣча съ людьми недоброжелательными, по большей части, имѣющими, будто бы *дурной глазъ*, съ людьми насмѣшливыми (озорниками), вообще съ женщинами и въ особенности съ старухами. Выходя на какую бы то ни было охоту, охотникъ внимательно смотритъ впередъ и, завидя недобрую встрѣчу, сворачиваетъ съ дороги и сдѣлаетъ обходъ стороною или переждетъ, спрятавшись гдѣ-нибудь на дворѣ, такъ чтобы идущая старая баба, или недобрый, или ненадежный человѣкъ — его не увидѣлъ. Если какая бы то ни была женщина, непримѣченная охотникомъ, неожиданно перейдетъ ему поперекъ дорогу, охотникъ теряетъ надежду на успѣшную охоту, не рѣдко возвращается домой и черезъ нѣсколько времени отправляется уже совсѣмъ въ другую сторону, по

другой дорогѣ. Женщины знаютъ эту охотничью примѣту, и потому благонамѣренныя изъ нихъ, завидя идущаго охотника, ни за что не перейдутъ ему дорогу, а дождутся, пока онъ пройдетъ или проѣдетъ. Замѣчательно, что эта примѣта до дѣвицъ не касается.

2). Встрѣча съ пустыми телѣгами или дровнями не предвѣщаетъ также успѣшной охоты; тогда какъ, напротивъ, полный возъ хлѣба, сѣна, соломы или чего бы то ни было, считается добрымъ предзнаменованіемъ.

3). Крикъ ворона, филина и совы, если охотникъ услышитъ его, идя на охоту, не предвѣщаетъ успѣха.

4). Если кто-нибудь скажетъ охотнику, идущему стрѣлять: «принеси крылышко», звѣролову — «принеси шерстки или хвостикъ», а рыбаку — «принеси рыбьей чешуйки», то охотникъ считаетъ, что охота его въ этотъ день не будетъ удачна. Вышеприведенными мною словами часто дразнятъ охотниковъ нарочно, такъ, ради шутки, за что они очень сердятся и за что не рѣдко больно достается шутникамъ.

Для противодѣйствія дурнымъ встрѣчамъ и предзнаменованіямъ, считается довольно вѣрнымъ средствомъ: охотнику искупаться, собаку выкупать, а ястреба вспрыснуть водою.

5). Есть еще примѣта у нѣкоторыхъ рыбаковъ съ удочкою, что въ ведро, куда предполагается сажать свою добычу, не должно наливать воды до тѣхъ поръ, покуда не выудится первая рыба. Впрочемъ, эта примѣта далеко не общая.

6). Дробины или картечи, вынутыя изъ тѣла убитой птицы или звѣря, имѣютъ въ глазахъ охотниковъ большую важность: они кладутъ такія дробины или картечи, по одной, въ новые заряды и считаютъ, что такой зарядъ не можетъ пролетѣть мимо.

7). Почти всѣ охотники имѣютъ примѣту, что если первый выстрѣлъ будетъ промахъ, если первая рыба сорвется съ удочки, или ястребъ не поймаетъ первой птицы, то вся охота будетъ неуспѣшна. Это обстоятельство случается не рѣдко съ охотниками запальчивыми, особенно ружейными, не имѣющими даже никакихъ примѣтъ, и случается по причинѣ самой естественной: охотникъ разгорячится, а горячность поведетъ за собой

нетерпѣніе, торопливость, невѣрность руки и глаза, не соблюденіе мѣры, и — неудачу. Все это обыкновенно приписывается первому промаху. Но вотъ странность: я зналъ одного славнаго ружейнаго охотника, уже не молодаго, у котораго была примѣта, что если первый выстрѣлъ будетъ пудель, то охота будетъ задачна и добычлива. Я много разъ бывалъ съ нимъ на охотѣ и долженъ сказать, что опытъ, къ моему удивленію, всегда подтверждалъ его странную примѣту. Этотъ охотникъ добродушно увѣрялъ меня, что нѣсколько разъ пробовалъ нарочно промахнуться первымъ выстрѣломъ, но что въ такомъ случаѣ примѣта оказывалась не дѣйствительною. Эта примѣта уже личная, и служитъ только новымъ доказательствомъ, какъ сильно вліяніе мысли на тѣлесныя наши дѣйствія.

Примѣты личныя, или частныя, неисчислимы и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому я о нихъ распространяться не стану; разскажу только одинъ забавный примѣръ. Я зналъ старика охотника, весьма искуснаго стрѣлка, извѣстнаго мастера отыскивать птицу тогда, когда другіе ее не находятъ: онъ ни за что въ свѣтѣ не заряжалъ ружья, не

увидѣвъ напередъ птицы или звѣря, отъ чего первая добыча весьма часто улетала или уходила безъ выстрѣла. Этотъ охотникъ былъ увѣренъ, что если зарядитъ ружье дома, или идучи на охоту, то удачи не будетъ; онъ ссылался на множество случившихся съ нимъ опытовъ, но мнѣ не удалось повѣрить его словъ на дѣлѣ.

Ни на что такъ часто не жалуются ружейные охотники, какъ на легкоранность своихъ ружей, которая будто, по временамъ, безъ всякой причины появлялась въ ихъ ружьяхъ, бившихъ прежде крѣпко и сердито. По большей части это приписывается вредному дѣйствію знахарей, которые портятъ ружья заговорами и естественными средствами. Заговоръ можетъ быть пущенъ даже по вѣтру, слѣдовательно отъ него нѣтъ защиты, и лекарства надобно искать у другаго колдуна; но если ружье испорчено тѣмъ, что внутренность его была вымазана какимъ-нибудь секретнымъ составомъ (въ существованіи такихъ секретовъ никто не сомнѣвается), отъ котораго ружье стало бить слабо, то къ исправленію этой бѣды считается вѣрнымъ средствомъ змѣиная кровь, которою вымазы-

ваютъ внутренность ружейнаго ствола и даютъ крови засохнуть. Нѣкоторые охотники кладутъ змѣю въ стволъ заряженнаго ружья, притискиваютъ шомполомъ и выстрѣливаютъ, послѣ чего оставляютъ ружье на нѣсколько часовъ на солнцѣ или на горячей печкѣ, чтобы кровь обсохла и хорошенько въѣлась въ желѣзо. Вообще змѣиная кровь считается благонадежнымъ средствомъ, чтобы ружье било крѣпко. Впрочемъ, это можно отнести скорѣе къ суевѣрію, чѣмъ къ примѣтамъ.

Въ заключеніе я долженъ признаться, что внезапная легкоранность ружей не одинъ разъ смущала меня въ продолженіе многолѣтней моей охоты; это же необъяснимое обстоятельство случалось и съ другими знакомыми мнѣ охотниками. Я упомянулъ въ моихъ «Запискахъ ружейнаго охотника» о томъ, что ружья начинаютъ очень плохо бить тетеревовъ, когда наступаютъ, въ концѣ осени или въ началѣ зимы, сильные морозы; но тамъ причины очевидны, хотя сначала могутъ быть не поняты. Здѣсь совсѣмъ другое дѣло: иногда вдругъ посреди лѣта ружье перестаетъ бить, или бьетъ такъ слабо, что каждая птица улетаетъ. Я приходилъ отъ того въ

недоумѣнье, въ большую досаду; искалъ причинъ и не находилъ; но я никогда не приписывалъ этого колдовству, слѣдовательно не прибѣгалъ и къ помощи колдуновъ, даже не пробовалъ змѣиной крови. По неволѣ я вѣшалъ испортившееся ружье на стѣну и бралъ другое. Черезъ нѣсколько времени, привычка къ любимому ружью заставляла меня попробовать, не возвратился ли къ нему прежній бой? И дѣйствительно прежній бой возвращался. Сначала я счелъ это просто чудомъ, но потомъ привыкъ и постоянно лечилъ появлявшуюся легкоранность въ моихъ ружьяхъ — вѣшаньемъ ихъ на стѣну для отдохновенія. Что это такое было? Отъ какихъ невѣдомыхъ причинъ происходило это явленіе? — не знаю; но въ дѣйствительности его ручаюсь.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ.

—

Часто случается въ охотѣ, что именно того не находишь, чего ищешь, и на оборотъ: получаешь драгоцѣнную добычу тамъ, гдѣ объ ней и не помышляешь. Много разъ ѣзжалъ я съ другими охотниками на охоту за волками съ живымъ поросенкомъ, много разъ караулилъ волковъ на привадахъ, много разъ подстерегалъ тѣхъ же волковъ изъ подъ гончихъ, стоя на самомъ лучшемъ лазу изъ острова, въ которомъ находилась цѣлая волчья выводка,—и ни одного волка въ глаза не видалъ! Но вотъ, что случилось со мной въ

молодости; это было въ 1811 году, 21 Сентября. Поѣхалъ я рано утромъ стрѣлять тетеревовъ и валдшнеповъ. День былъ пасмурный и по временамъ моросилъ мелкой дождь. Я убилъ трехъ валдшнеповъ и пять тетеревовъ, которые еще не состаились, мало садились и не долго сидѣли на деревьяхъ, да къ тому же и вѣтеръ сгонялъ ихъ. Проѣздивъ часовъ до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотѣлъ выстрѣлить во что нибудь, чтобъ разрядить ружье, заряженное середней утиной дробью, то-есть, четвертымъ нумеромъ. Нѣсколько разъ подъѣзжалъ я къ беркуту (степной орелъ), необыкновенно смирному, который перелеталъ съ сурчины на сурчину; два раза подъѣзжалъ я въ мѣру, но ружье осѣкалось (оно было съ кремнемъ); наконецъ, у самой деревенской околицы, вздумалъ я завернуть на одно маленькое, родниковое озерцо, въ которомъ мочили конопли и на которомъ всегда держались утки. Только что я своротилъ съ дороги и сталъ спускаться къ уремѣ, какъ вдругъ кучеръ мой, какъ-то оглянувшись назадъ, закричалъ: «волки, волки!» и осадилъ лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на насъ за

двумя молодыми собаками, которыя были со мною на охотѣ. Я сидѣлъ верхомъ на дрожкахъ, но проворно перекинулся назадъ лицомъ къ запяткамъ, снялъ ружье, висѣвшее у меня за спиной, и развязалъ платокъ, которымъ былъ обернутъ замокъ, потому-что шелъ мелкой дождичекъ. Въ самую эту минуту, передній волкъ, гнавшійся по пятамъ за собакой, наскакавъ на самые дрожки, отпрыгнулъ и шагахъ въ двадцати остановился, почти бокомъ ко мнѣ. Я мгновенно прицѣлился и выстрѣлилъ: волкъ взвизгнулъ, подпрыгнулъ отъ земли на аршинъ и побѣжалъ прочь, другой пустился за нимъ; собаки спрятались подъ дрожки; лошади почуяли волковъ и подхватили было насъ; но кучеръ скоро ихъ удержалъ. Волки исчезли въ небольшомъ, но крутоберегомъ вражкѣ, называющемся и теперь «Антошкинъ врагъ». Остановивъ лошадей, я зарядилъ поскорѣе своего Испанца (такъ называлось мое любимое ружье) картечью, зарядъ которой какъ-то нашелся у меня въ патронташѣ, и поскакалъ вслѣдъ за волками. Шагахъ въ пятидесяти, въ глубинѣ вражка, одинъ волкъ лежалъ, по видимому, мертвый, а другой си-

дѣлъ подлѣ него: увидѣвъ насъ, онъ побѣжалъ прочь и, отбѣжавъ сажень сто, сѣлъ на высокую сурчину. Я, удостовѣрившись, что стрѣленый волкъ точно издохъ, легъ подлѣ него во вражкѣ, а кучеру велѣлъ уѣхать изъ виду вонъ, въ противоположную сторону; я надѣялся, что другой волкъ подойдетъ къ убитому, но напрасно: онъ вылъ какъ собака, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, но ко мнѣ не приближался. Я вышелъ изъ моей засады, кликнулъ кучера и попробовалъ подъѣхать къ волку; но онъ, не убѣгая прочь, держался въ дальнемъ разстояніи. Дѣлать было нечего, я остановился, положилъ ружье на одно изъ заднихъ колесъ и выстрѣлилъ; мѣра была шаговъ на полтораста. Вѣроятно картечь слегка задѣла волка, потому-что онъ сдѣлалъ прыжокъ и скрылся. Я воротился къ убитому волку. Все это время я былъ въ какомъ-то забытьѣ, тутъ только опомнился и пришелъ въ такой восторгъ, какого описать не умѣю и къ какому можетъ быть способенъ только двадцатилѣтній горячій охотникъ. Убить волка, поѣхавъ стрѣлять валдшнеповъ и тетеревовъ, возвращаясь домой, у самой околицы, безъ всякихъ трудовъ, ути-

ной дробью, изъ ружья, которое передъ тѣмъ осѣклось два раза сряду.... только охотники могутъ понять всѣ эти обстоятельства и оцѣнить мою тогдашнюю радость! И какой волкъ! Самый матерой, даже старый! Трудно было взвалить убитаго звѣря на дрожки, потому-что лошади не стояли на мѣстѣ, храпѣли и шарахались, слыша волчій духъ; но наконецъ кое-какъ я перевалилъ волка поперекъ дрожекъ и привезъ въ торжествѣ домой мою добычу. Полъ-деревни и вся дворня сбѣжались на такое зрѣлище, потому-что мы съ кучеромъ кричали какъ сумасшедшіе и звали всѣхъ смотрѣть застрѣленнаго волка. Разсказавъ не менѣе ста разъ, всѣмъ и каждому, счастливое событіе, со всѣми его подробностями, я своими руками стащилъ волка къ старому скорняку и заставилъ при себѣ снять съ него шкуру. Я положилъ волку 24 дробины подъ лѣвую лопатку. Волкъ былъ необыкновенно великъ и сытъ; въ одной его ногѣ нашли два желѣзныхъ жеребья, давно заросшія въ тѣлѣ. Очевидно что онъ былъ стрѣленъ. Желудокъ его оказался туго набитъ свѣжимъ свинымъ мясомъ вмѣстѣ съ щетиной. По справкѣ открылось, что въ это самое

утро, эти самые волки зарѣзали молодую свинью, отбившуюся отъ стада. И теперь не могу я понять, какъ сытые волки, въ такое раннее время осени, середи дня, у самой деревни, могли съ такою наглостью броситься за собаками и набѣжать такъ близко на людей. Всѣ охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озорують* съ жиру. Въ лѣтописяхъ охоты, конечно, можно назвать этотъ случай однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ.

СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТѢ.

—

Нѣкоторыя изъ случайностей ружейной охоты, разсказанныя мною въ моихъ охотничьихъ запискахъ, какъ-то: улетѣвшій селезень-широконоска, лежавшій мертвымъ нѣсколько часовъ въ ящикѣ охотничьихъ дрожекъ, тетерева, улетавшіе съ разбитыми задами и висящими изъ нихъ кишками, и пр. и пр. — могли показаться, особенно не охотникамъ, неправдоподобными, потому-что охотники имѣютъ репутацію людей, любящихъ *красное словцо.* Но, не убоясь такой репутаціи, я разскажу, преимущественно для охотниковъ, еще нѣсколько случаевъ, которые

покажутся также невѣроятными, хотя они буквально справедливы.

Выстрѣлилъ я однажды въ кряковнаго селезня, сидѣвшаго въ кочкахъ и травѣ, такъ что видна была одна голова, и убилъ его на повалъ. Со мною не было собаки, и я самъ побѣжалъ, чтобы взять свою добычу; но подходя къ убитой птицѣ, которую не вдругъ нашелъ, увидѣлъ прыгающаго бекаса съ переломленнымъ, окровавленнымъ крыломъ. Должно предположить, что онъ таился въ травѣ около кряковнаго селезня, и что какая-нибудь боковая дробинка попала ему въ косточку крыла.

Точно также, выстрѣливъ съ поперека въ летящаго бекаса, шагахъ въ сорока отъ меня, я далъ промахъ; бекасъ крикнулъ, наддалъ и понесся еще быстрѣе; но въ тоже время я увидѣлъ, что шагахъ въ двадцати далѣе летѣвшаго бекаса, по направленію выстрѣла, подпрыгиваетъ дуппельшнепъ, съ переломленнымъ крыломъ: собака бросилась и принесла мнѣ его живаго. Этотъ случай го-

раздо удивительнѣе перваго: дуппельшнепъ долженъ былъ подвернуться подъ дробинку въ той самой точкѣ, гдѣ дробинка, пролетѣвъ гораздо далѣе, коснулась земли.

Вотъ еще случай, весьма замѣчательный и въ тоже время служащій убѣдительнымъ доказательствомъ, что смертельно раненыя птицы очень далеко улетаютъ съ горяча и гибнутъ потомъ даромъ, и что необходимо пристально наблюдать, если позволяетъ мѣстность, каждую птицу, въ которую выстрѣлилъ охотникъ. Въ послѣднее время моей охоты, я строго наблюдалъ это правило и не рѣдко получалъ иногда добычу, которая ускользнула бы у другаго охотника.

Дикіе гуси рѣдко посѣщали нашъ прудъ. Но въ одно жаркое лѣто, въ Іюлѣ, мельникъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что пятеро гусей (безъ сомнѣнія холостыхъ) опустились на прудъ и плаваютъ между камышами въ почтительномъ разстояніи отъ береговъ. Я сѣлъ въ лодку, и тотъ же мельникъ, пробираясь между зелеными высокими камышами, подвезъ меня къ гусямъ въ мѣру. Я ударилъ

въ нихъ крупной дробью: одного убилъ на повалъ, а четверо остальныхъ улетѣли вверхъ по рѣкѣ Бугурусланъ. Я вышелъ изъ лодки и, вмѣстѣ съ другимъ охотникомъ, сталъ стрѣлять мелкую дичь по болотистымъ верховьямъ пруда. Не менѣе какъ черезъ часъ, мой товарищъ увидѣлъ, что гуси летятъ назадъ, но только втроемъ. Я сейчасъ подумалъ, что вѣрно четвертый гусь былъ раненъ и гдѣ-нибудь упалъ; вмѣстѣ съ охотникомъ, я отправился, вверхъ по рѣкѣ, его отыскивать. Отошедъ версты двѣ, мы узнали отъ пастуховъ, что четверо гусей опускались на паровое поле, находившееся въ полуверстѣ отъ рѣки, на покатости ближней горы, долго сидѣли тамъ и наконецъ улетѣли. Разумѣется, мы пошли на паровое поле и скоро увидѣли, уже окруженнаго воронами и сороками, мертваго гуся. Безъ сомнѣнія, когда гуси летѣли вверхъ по рѣкѣ, раненый гусь сталъ ослабѣвать и пошелъ къ низу, въ сторону отъ рѣки, товарищи послѣдовали за нимъ по инстинкту, и когда онъ опустился на землю или упалъ, то и они опустились, посидѣли около него, и видя, что онъ не встаетъ, полетѣли опять, уже въ низъ по рѣкѣ.

Подобные случаи повторялись со мною не одинъ разъ; я имѣлъ возможность иногда наблюдать своими глазами и во всѣхъ подробностяхъ такія, для охотника любопытныя явленія, то-есть: какъ, повидимому неподстрѣленная, птица вдругъ начнетъ слабѣть, отдѣляться отъ другихъ и прятаться по инстинкту въ крѣпкія мѣста; не успѣвъ еще этого сдѣлать, иногда на воздухѣ, иногда на землѣ, вдругъ начнетъ биться и немедленно умираетъ, а иногда долго томится, лежа неподвижно въ какой-нибудь ямочкѣ. Вѣроятно, иная раненая птица выздоравливаетъ.

Я уже говорилъ, въ своихъ «Запискахъ объ уженьи рыбы», о необыкновенной жадности щукъ и разсказалъ нѣсколько истинныхъ происшествій, подтверждающихъ мое мнѣніе. Вотъ еще два случая въ томъ же родѣ. Первый изъ нихъ такъ невѣроятенъ и похожъ на выдумку, что нельзя не улыбнуться, слушая его описаніе. Я даже не рѣшился бы разсказать его печатно, если бы не имѣлъ свидѣтеля, И. С. Т—ва, вовсе

не охотника до рыбной ловли, который на ту пору былъ у меня въ деревнѣ. Въ исходѣ Мая 1854 года, были поставлены на ночь обыкновенныя удочки съ крѣпкими лесами и крючками, насаженными рыбкою или земляными червями: ибо днемъ окуни брали мало, а по ночамъ попадались довольно крупные. На одну изъ такихъ удочекъ съ червякомъ взялъ небольшой окунь и проглотилъ крючекъ въ кутырь; на окунь взяла и заглотала также небольшая щучка или щуренокъ, а его схватила поперекъ большая щука, слишкомъ въ пять фунтовъ, и такъ увязила зубы въ своей добычѣ, что рыбакъ безъ всякой осторожности вытащилъ её изъ воды, никакъ не подозрѣвая, чтобы крючекъ не вонзился въ ея жабры; но когда онъ разглядѣлъ эту диковинную штуку, то поспѣшилъ принесть щуку къ намъ. Она, вися на воздухѣ, не разжала зубовъ своихъ дорогой (разстояніе было съ полверсты), и мы съ Т — мъ сами отворили ей ротъ и потомъ произвели слѣдствіе надъ окунемъ и щуренкомъ, который, взявъ на окуня, какъ на насадку, самъ сдѣлался въ свою очередь насадкою. Поводокъ былъ обыкновенный, то-есть шелковый, и

щуренокъ легко бы его перегрызъ; но должно предположить, что окунь, который былъ для него нѣсколько великъ, такъ разперъ ему пасть или горло, что онъ не могъ сжать рта, и что именно въ этомъ положеніи схватила его поперекъ большая щука, отъ чего ротъ щуренка разинулся еще больше. Когда намъ принесли эту тройную добычу — щуренокъ оказался давно уснувшимъ и даже остамѣвшимъ; большая щука была совершенно здорова и даже не оцараплена.

Послѣ этого событія, уже почти не стоитъ разсказывать, что въ томъ же году, щука схватила пескаря, посаженнаго, вмѣстѣ съ другими рыбками, въ кружокъ (*), шагахъ въ десяти отъ меня, крѣпко вцѣпилась зубами въ сѣтку и подняла такой плескъ, что услыхавъ его, мальчикъ, бывшій со мною на уженьѣ, подошелъ къ кружку и, увидѣвъ эту продѣлку, вытащилъ кружокъ и щуку на берегъ. Мы также принуждены были разжать ей палкой ротъ, чтобъ она выпустила

(*) Мѣшокъ изъ сѣтки особеннаго устройства, о которомъ я говорилъ въ моихъ «Запискахъ объ уженьѣ рыбы».

сѣтку: въ щукѣ вѣсило около трехъ фунтовъ и сѣтка оказалась перегрызенною.

Перегрызенная щукою сѣтка кружка объяснила мнѣ происшествіе, которое случилось со мной года два тому назадъ (тогда неясно понятое мною), и которое кстати разсказать теперь рыбакамъ-охотникамъ, для предупрежденья ихъ отъ подобныхъ невзгодъ. Не помню хорошенько мѣсяца, но вѣроятно въ началѣ августа, потому-что погода стояла еще жаркая, поѣхалъ я удить въ верховье Репеховскаго пруда на рѣчкѣ Ворѣ. Неизмѣнный мой товарищъ-рыбакъ всталъ ранѣе меня и былъ давно уже на мѣстѣ. Когда я пріѣхалъ, онъ показалъ мнѣ пять славныхъ окуней и только что выуженнаго имъ щурёнка, которые ходили въ кружкѣ. Черезъ полчаса кружокъ понадобился, чтобы посадить въ него выуженнаго мной окуня; но каково было наше удивленіе и досада, когда, вытащивъ кружокъ, мы увидѣли, что въ немъ остался только одинъ снулый окунь, какъ нарочно небольшой, а четырехъ большихъ и щуренка въ кружкѣ не оказалось. Разсмотрѣвъ его хорошенько, мы нашли дыру, въ которую ушла вся живая рыба. Кружокъ былъ новый

и мы не знали какъ объяснить это происшествіе: думали, что попались гнилыя нитки, или что щуренокъ перегрызъ сѣтку. Клёвъ былъ противъ обыкновенія очень удаченъ, окуни брали крупные, и мы вознаградили свою потерю. Тѣмъ не менѣе, товарищу моему очень было жаль своихъ крупныхъ окуней. Теперь же, послѣ нападенія щуки на кружокъ, сейчасъ описаннаго мною, понятно, что не щуренокъ перегрызъ сѣтку, а вѣроятно большая щука схватила снаружи котораго-нибудь изъ окуней, прорвала нѣсколько петель и, не задѣвъ за нихъ зубами, ушла, испугавшись шумнаго и сильнаго плеска остальной рыбы (который мы слышали, но кружка не посмотрѣли), и что нѣсколько окуней и щуренокъ воспользовались прорѣхою и отправились опять гулять въ Ворю. Нравоученіе этого разсказа состоитъ въ томъ, что щукъ лучше не сажать въ кружокъ, хотя прежде я дѣлывалъ это часто безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, и что кружокъ, опущенный въ воду съ пойманною рыбою, надобно внимательно осматривать при каждомъ сильномъ плескѣ рыбы.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

—

Въ добавокъ къ разсказамъ о странныхъ происшествіяхъ на охотѣ, я разскажу случай, который самому мнѣ показался сначала какимъ-то сномъ или волшебствомъ. Будучи еще очень молодымъ охотникомъ, ѣхалъ я въ исходѣ Іюля, со всѣмъ моимъ семействомъ, на сѣрныя Сергіевскія воды; въ тридцати пяти верстахъ отъ нашего имѣнія находилось, и теперь находится, богатое село «Кротково» всѣми называемое «Кротовка». Проѣхавъ село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой рѣчкѣ, текущей въ высокихъ берегахъ. Солнце садилось; я пошелъ съ ружьемъ вверхъ по рѣчкѣ. Не

прошелъ я и ста шаговъ, какъ вдругъ пара витютиновъ, прилетѣвъ откуда-то съ поля, сѣла на противоположномъ берегу, на высокой ольхѣ, которая росла внизу у рѣчки, и вершина которой какъ разъ приходилась на одной высотѣ съ моей головой; близко подойти не позволяла мѣстность, и я, шагахъ въ пятидесяти, выстрѣлилъ мелкимъ бекасинникомъ. Для такой дроби разстояніе было далеко; оба витютина улетѣли, а съ дерева упала крестьянская дѣвочка.... Всякой можетъ себѣ представить мое положеніе: въ первое мгновеніе я потерялъ сознаніе и находился въ переходномъ состояніи человѣка между сномъ и дѣйствительностью, когда путаются предметы обоихъ міровъ. По счастью, черезъ нѣсколько секундъ, дѣвочка, съ большимъ буракомъ (*) въ рукахъ, вскочила на ноги и ударилась бѣжать внизъ по рѣчкѣ къ деревнѣ... Не стану распространяться въ описаніи моего испуга и изумленія. Блѣдный, какъ

(*) Буракомъ называется круглая кадушечка изъ бересты съ дномъ и крышкой. Въ низовыхъ губерніяхъ отлично дѣлаютъ бураки, отъ самыхъ крошечныхъ до огромныхъ, и употребляютъ ихъ преимущественно для собиранія ягодъ.

полотно, воротился я къ мѣсту нашего ночлега, разсказалъ происшествіе и мы послали въ Кротовку развѣдать объ этомъ чудномъ событіи; черезъ полчаса привели къ намъ дѣвочку съ ея матерью. По милости Божіей, она была совершенно здорова; штукъ тридцать бекасинныхъ дробинокъ исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала въ глаза и даже не вошла подъ кожу Дѣло объяснилось слѣдующимъ образомъ: двѣнадцати-лѣтняя крестьянская дѣвочка ушла тихонько съ фабрики, ранѣе срока, и побѣжала съ буракомъ за черемухой, которая росла по рѣчкѣ; она взлезла за ягодами на дерево, и увидѣвъ *«барина съ ружьемъ»*, испугалась, сѣла на толстый сучекъ и такъ плотно прижалась къ стволу высокой черемухи, что даже витютины её не замѣтили и сѣли на ольху, которая росла почти рядомъ съ черемухой, нѣсколько впереди. Широко раскинувшійся зарядъ, однимъ краемъ своего круга задѣлъ дѣвочку. Конечно, великъ былъ ея испугъ; но и мой не меньше. Разумѣется, мать съ дочерью ушли отъ насъ очень довольныя этимъ происшествіемъ.

НОВЫЯ ОХОТНИЧЬИ ЗАМѢТКИ.

—

Весною 1855-го года, послѣ выхода этой книжки, случилось мнѣ собственными глазами увидѣть то, о чемъ я прежде даже и не слыхивалъ, и что рыбакамъ по ремеслу должно быть непремѣнно извѣстно. Я узналъ, что щуки ежегодно, въ Маѣ мѣсяцѣ, перемѣняютъ зубы. Охотникъ, занимавшійся исключительно ловлею щукъ на жерлицы и сообщившій мнѣ это извѣстіе, показалъ мнѣ нѣсколько пойманныхъ имъ щукъ, у которыхъ старые зубы, ослабѣвъ въ своихъ корняхъ, потеряли всякую упругость, сдѣлались мягки, повисли и лезли какъ волосы, когда я слегка потиралъ внутренность щучьяго рта

моими пальцами въ обыкновенной перчаткѣ. Изъ-подъ старыхъ, еще не выпавшихъ зубовъ торчали уже новые, тонкіе и острые, но еще мягкіе. Вотъ въ это-то время, щуки, ловя рыбу, не рѣдко только портятъ ее, а удержать по слабости зубовъ не могутъ, и вотъ отчего, именно въ это-то время года, часто случается рыбакамъ видѣть рыбъ, хватанныхъ щуками. Разумѣется, дѣло идетъ о рыбѣ нѣсколько покрупнѣе; мелкую же щуки могутъ глотать и вовсе безъ помощи зубовъ. Насадка на жерлицахъ, также въ эту пору, часто бываетъ измята и даже не прокушена до крови.

Хотя я зналъ, что кошки ѣдятъ рыбу, но никогда не слыхалъ и не видалъ, какъ они производятъ эту охоту. Третьяго Мая, 1855 года, сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшаго проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травою, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ

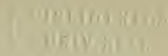
и прячется, растянувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который не далеко отъ меня копался въ своихъ грядахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ разсказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякой день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

Недавно узналъ я отъ одной достовѣрной особы, что въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Окѣ, производится съ большимъ успѣхомъ слѣдующее уженье. Въ іюнѣ мѣсяцѣ появляется, всего на недѣлю, по берегамъ Оки, великое множество бѣленькихъ бабочекъ (названіе ихъ я позабылъ). Рыбаки устроиваютъ на пескахъ гладкіе *точкй* и зажигаютъ на нихъ небольшіе костры съ соломой; бабочки бросаются на огонь, обжигаются и

падаютъ, ихъ сметаютъ въ кучки и собираютъ цѣлыми четвериками. Обгорѣлыхъ бабочекъ крѣпко сминаютъ съ хлѣбомъ или тѣстомъ, и шариками этой смѣси насаживаютъ крючки. Рыба беретъ на такую насадку съ необыкновенной жадностью, и очень крупная: язи, головли, лещи и даже окуни и судаки. Такимъ образомъ, въ самое пустое время, выходитъ славное и добычливое уженье. Должно замѣтить, что окуни и судаки на хлѣбъ никогда не берутъ, слѣдовательно вся приманка заключается въ бабочкахъ.

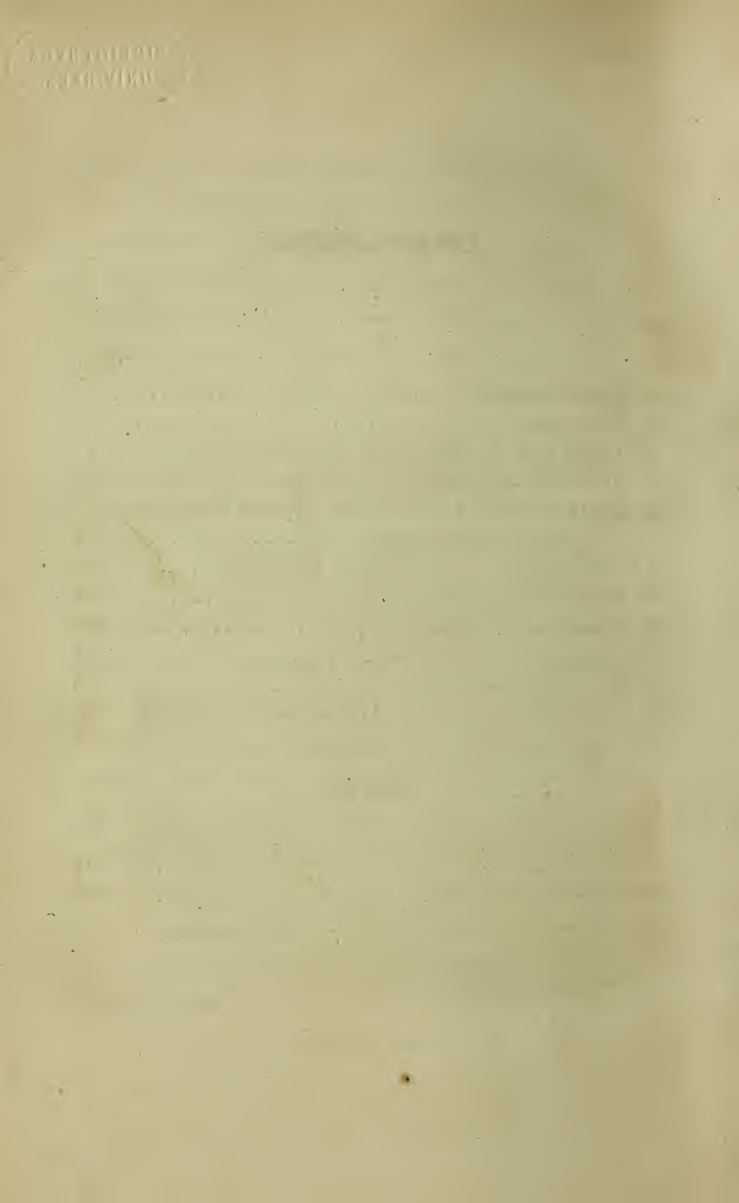
Вотъ еще достовѣрный разсказъ, относящійся уже къ птицамъ. По сосѣдству отъ меня въ одной деревушкѣ, называющейся «Коростелево», одна крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковныхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкой: обыкновенно утята, выведшіяся изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а

двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну, бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали попрежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью, одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утятъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣніи порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленныя же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: они были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СМѢСЬ.

3 VIII

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 068260303